



Интернациональный научный альманах «Life sciences»
Самарский государственный медицинский университет
Российско-немецкое объединение культурологов
«Stadt-Land-Globalia» e.V.

Город и время

том I
2012

РОССИЯ. 194



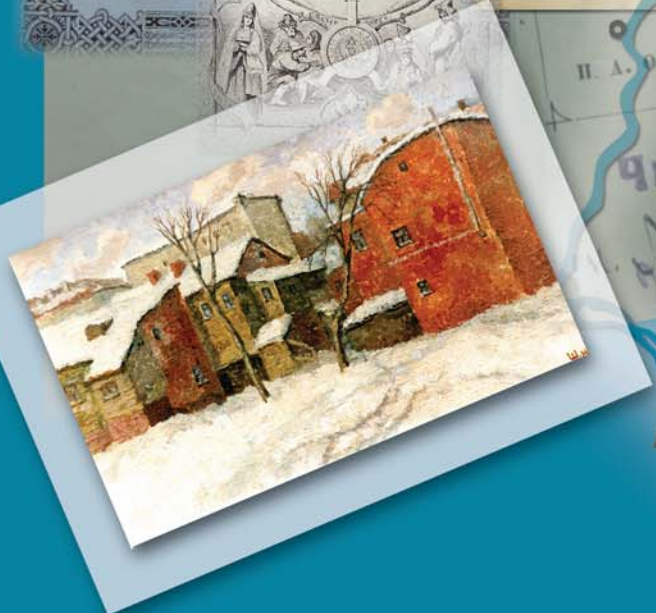
ЭТО
СЛАДКОЕ
СЛОВО —
«САМАРА»
ЗАРЕКЪ С. ЛЮБОВСКОГО



НА 1887 ГОДЪ
АВТОМ-ВАУЩАН
ГУБЕРНИИ



ТОМЪ ШЕСТОЙ.
ПОВОЛЖЬЕ И ЗА



Интернациональный научный альманах «Life sciences»
Самарский государственный медицинский университет
Российско-немецкое объединение культурологов
«Stadt – Land – Globalia» e.V.

Город _и Время →

том I
2012

The city _{and} time →

vol. I
2012

Проект № 12-13-63501 «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города».
Печатается при финансовой поддержке РГНФ

УДК 60.546.21
ББК 394.014
Б91

Город и время: в 2 томах. Том 1. Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г. Издание предпринято в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города».
Авторы проекта: Елена Бурлина, Лариса Иливицкая, Юлия Кузовенкова. – Самара: Самарское книжное издательство, 2012. – 208 с.

The City and time: in 2 volumes. Vol. 1. International scientific almanac «Life sciences», thematic release of 2012. The edition undertaken within the project «The Cities – the Country – Volga. Regional culture and image of the city».
The authors of the project: Elena Burlina, Larisa Ilivizkaja, Julia Kuzovenkova. – Samara: Samara book publishing house, 2012. – 208 p.

ISBN 978-5-91899-064-3

Альманах 2012 года «Город и время» посвящен гуманитарным проблемам. Образы волжского города Самары, других российских и зарубежных городов рассматриваются в разных контекстах: локальном и глобальном, историческом и современном. Авторы показывают трансформации образа города во времени и влияние городских имиджей на идентификацию человека.

УДК 60.546.21
ББК 394.014
Б91

Редакционная коллегия:

Г. Котельников (Самарский государственный медицинский университет, г. Самара)
М. Ягер (Университет Дуйсбург-Эссен, г. Эссен)
Г. Цепль-Кауфман (Институт изучения модерна на Рейне, Университет имени Г. Гейне, г. Дюссельдорф)
В. Майсис (директор театрального музея, г. Дюссельдорф)
Е. Бурлина (Самарский государственный медицинский университет, г. Самара; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф, председатель ученого совета)
Н. Воронина (Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва, г. Саранск; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф, член ученого совета)
Т. Злотникова (Ярославский государственный педагогический университет, г. Ярославль)
Е. Шиллинг (Институт муниципального управления, Кёльн; российско-немецкое объединение культурологов Globalia, г. Дюссельдорф)

Авторы опубликованных статей несут полную ответственность
за содержание материалов.

Синий — цвет Волги и неба

Г.П. Котельников

Академик РАМН, ректор Самарского государственного медицинского университета Самара, РФ



В альманахе, который лежит перед вами, представлена одна из важнейших междисциплинарных проблем современности, имеющая как академически-исследовательские, так и практические аспекты. Духовные и ментальные традиции влияют на развитие экономики и науки.

Для России 3560 волжских километров – это десятки крупных городов, сотни малых городов и сел с присущей им эстафетой опыта и традиционным взаимодействием волжан. Волга – это судьба, экономика, связи и перспективы. В мире немало рек, которые олицетворяют характер народа и его историю. Как писал Т. Хейердал, «человечество таскало свою историю вдоль рек». Речные регионы Волги и Рейна, Темзы и Сены объединяет общая деятельность и традиции. Вдоль рек успешно развивались и развиваются города с их неповторимой «речной биографией». Вдоль Волги расположились самые многообразные политические регионы России, укорененные здесь веками и традициями толерантности.

В течение веков и десятилетий складывалась также специализация вдоль Волги: экономическая, управленческая, научная и культурная. Тысячелетняя культура Ярославля; ярмарка и автозавод в Нижнем Новгороде; один из старейших университетов в Казани; космос и модерн в Самаре. Специализация волжских городов формировала научную жизнь, студенчество.

Самару справедливо называют «родиной российских кластеров». Здесь складывается та форма

кооперации, которая в едином «пучке» объединяет науку, производство и рыночную практику данной отрасли. Признано, что в Самаре и ряде других областей сложился мощный медицинский кластер, ядром которого является Самарский государственный медицинский университет. Он объединил подготовку молодых врачей, переподготовку специалистов, научные разработки и их внедрение в пространстве России и далеко за ее пределами.

Мы гордимся своими научными школами. В Самаре учились династии врачей – не только родители, но еще дедушки и бабушки. Среди наших студентов – выходцы из Самарской, Пензенской, Оренбургской областей. У нас учатся ребята из Удмуртии, Мордовии, Татарстана, Башкортостана и других республик.

В эмблеме СамГМУ гармонично слились белый, черный и синий цвета. Каждый из них символически сам по себе, а в сочетании они целостно отображают идею вуза. Белый и черный символизируют Жизнь и Смерть, Здоровье и Болезнь, Добро и Зло. Синий – это цвет Волги и неба, цвет Чистоты и Милосердия.

Наши выпускники никогда не забудут гимн университета, который начинается и заканчивается словами о Волге. Где бы ни оказались, они помнят волжскую набережную, улицы знаменитых профессоров родного вуза.

Мы поддерживаем гуманитарные исследования, посвященные проблемам имиджа городов. Надеемся на дальнейшие плодотворные встречи на страницах наших научных альманахов и конференций!

Город в городе: пространство студента



Ю. В. Щукин

Доктор медицинских наук, профессор,
проректор по учебно-воспитательной и социальной работе
Самарского государственного медицинского университета, Самара, РФ

Какую роль играют исследования образа – имиджа города в практике вуза, применимы ли они в повседневной работе со студентами? Этот вопрос непременно всплывает, когда знакомишься с представленными ниже материалами, а также с рейтингами городов, которые регулярно публикуют научные и медийные издания.

Сошлемся, например, на данные опросов в 20 городах, охвативших 14 000 человек экономически активного населения. Результаты помещены в журнале «Русский репортер» (2012, май-июнь, № 21). По данным, приведенным авторами исследования, первое место держат Краснодар и Екатеринбург: край будущей Олимпиады и город со стратегическим планом развития. Пермь стремится преодолеть провинциализм за счет имиджевых проектов. Казань и Уфа – авторитарные столицы и т.п.

Не претендуя на обсуждение методики и процедуры названных рейтингов, заметим, что практика требует более детальных результатов, а значит, более тонких инструментов. Очевидно, что зачастую рейтинги городов строятся на средних параметрах, которые напоминают хорошо известную медиану «среднюю температуру по больнице».

Например, Самарский государственный медицинский университет привлекателен для студентов по многим параметрам: известные научные школы и преподавательские центры для приобретения практических навыков; обеспеченность комфортабельными общежитиями и воз-

можность на территории студенческого городка получить достойное качество жизни (включая питание, спорт, культурные мероприятия). «Город в городе», «островки счастья» обладают особым рейтингом, что нельзя не учитывать, обсуждая общие имиджевые параметры города.

В практической работе со студенчеством, составляющим в городах-миллионниках до 10% населения, важна конкретная информация о привлекательности локального пространства для студента. В частности, исследования структуры времени студента в городе, также опубликованные в этом издании, представляются продуктивными в составлении рейтингов «город – вуз – студент».

Таким образом, сравнение городов предполагает с одной стороны локализацию применительно к конкретному городскому пространству, в котором живет студент. Но с другой стороны практика интернациональной работы позволяет сравнивать образ студенческого городка в Самаре с признанными мировыми университетскими центрами, которые наши студенты уже посещали, – это Мюнстер, Дюссельдорф, Грайсвальд и другие.

Именно в этом, на наш взгляд, состоит актуальность предлагаемого альманаха с разделами: «Волжские города», «Российские города», «Глобальные образы городов», а также со специальным разделом, посвященным молодежным проектам и темпоральным картам вузовской молодежи, освещающим проблему «Город – университет – студент».

Инновационная работа гуманитарных кафедр



Н.Н. Крюков

Доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки, проректор по научной и инновационной работе Самарского государственного медицинского университета, Самара, РФ

Сложившееся в мировой практике понятие "науки о жизни" (Life sciences) комплексно увязывает инновационную биомедицину с философией и культурологией.

Например: Ганновер, столица земли Нижняя Саксония, использует для продвижения имиджа своего региона гуманитарные исследования Высшей медицинской школы Ганновера (МНН). Родившийся здесь бренд "Земля здравоохранения" широко известен.

Другой пример: в Дюссельдорфском университете имени Г. Гейне с крупнейшим в Европе медицинским факультетом постоянно функционирует междисциплинарный проект: "Между молекулярной медициной и культурологией" (научный руководитель – ректор, профессор А. Лабиш). Экспертные комментарии к медицинско-философским ситуациям, разрабатываемые в проекте, остро востребованы практикой.

Опыт подсказывает, что научная работа гуманитарных кафедр должна развиваться в ком-

плексе с современными инновационными стратегиями. Так, в нашем вузе запущены электронные учебники нового типа под руководством профессора А.Н. Краснова; профессор В.В. Сергеев создал учебно-методические пособия по биоэтике мирового класса; новые словари издает кафедра под руководством профессора Е.В. Бекишевой.

Идеи проекта "Самара – волжский город: образ – имидж – бренд" отчасти были инициированы международными контактами.

Так, еще в 2008 г., после визита группы немецких профессоров-медиков в Самару, был создан информационно-имиджевый фильм о перспективах медицинской кооперации с волжскими городами (профессор Й. Мау, доктор Т. Квиткина).

В свою очередь, нашими гуманитариями были изданы 7 выпусков интернациональных альманахов: "Доктор Живаго", "Жизнь плюс наука", "Науки о жизни".

Научно-техническая платформа: понятие, перспективы и имиджи



А.В. Колсанов, доктор медицинских наук, профессор, руководитель управления инновационных технологий Самарского государственного медицинского университета, Самара, РФ

Научно-техническая платформа (НТП), также как понятие "кластер" и "кластерная политика", входят в круг самых востребованных рабочих понятий модернизационной концепции регионов Российской Федерации. Дискурс биомедицинских исследований, практически меняющих стратегии города и региона, поучителен также для философов, культурологов и урбанистов, которые "восходят" к постижению названных проблем, опираясь на совсем другие понятия. Не стоит забывать, что XXI век настойчиво позиционируют как "век биомедицины".

НТП – это площадка для научно-производственной кооперации ученых университета, малых инновационных предприятий, инновационной инфраструктуры региона и России, межвузовской интеграции, интеграции бизнеса, государства.

В рамках НТП Самарский государственный медицинский университет тесно взаимодействует с другими вузами региона (СГАУ, ТГУ, СамГТУ, СамГУ) и РФ, с субъектами инновационной инфраструктуры Самарской области (Инновационно-инвестиционный фонд Самарской области, Технопарк, Региональный центр инноваций и трансфера технологий, Венчурный фонд) и России (фонд Бортника, Российская венчурная компания), с правительством Самарской области (Министерство экономического развития, инвестиций и торговли, Департамент развития предпринимательства, Министерство образования и науки) и Министерством образования и науки РФ, с российской технологической платформой «Медицина будущего».

Назовем направления, по которым формируется техническая платформа, в том числе в Самарском государственном медицинском университете.

Прежде всего, это разработки: медицинского оборудования и медицинских приборов; изделий медицинского назначения; дентальных имплантатов и изделий для стоматологии; материалов из биологических тканей и биотехнологий; фармацевтических препаратов; виртуальных технологий; новых материалов для медицины. В настоящее время в рамках деятельности НТП СамГМУ учеными университета реализуется 45 инновационных проектов. За последние 4 года получено 14 опытных образцов мед. приборов и изделий мед. назначений, Росздравнадзором уже выданы регистрационные удостоверения на 5 медицинских приборов и изделий, идут работы по регистрации, сертификации и подготовке к серийному производству еще 6 опытных образцов мед. приборов и изделий. Создано 11 малых инновационных предприятий.

О признании инновационных разработок ученых СамГМУ как на российском, так и на международном уровне говорят цифры. За последние 4 года наши достижения оценены на всевозможных выставках 57 медалями. В их числе – 19 золотых, 24 серебряных и 14 бронзовых.

Осваивая новые для вузовской науки формы работы, выдвигая наши инновационные продукты на международные выставки и представляя их в зарубежных университетах, мы готовили также сопутствующие информационно-имиджевые издания, проспекты, плакаты.

Процесс современной маркетинговой деятельности диктует формирование привлекательного имиджа не только данного медицинского прибора или фармпродукта, но и в целом города и вуза, где они были созданы. Именно поэтому мы приветствуем данное издание, а также тех его авторов – философов, культурологов, которые уже давно сотрудничают с нами.

Волжский город: образ - имидж - бренд

Волга и Самара: образы разного времени

/The Volga and Samara: images of different time/



Е.Я. Бурлина, доктор философских наук, профессор Самарский государственный медицинский университет Самара, РФ



Л.Г. Иливицкая, кандидат философских наук Самарский государственный медицинский университет Самара, РФ



Ю.А. Кузовенкова, кандидат культурологии Самарский государственный медицинский университет Самара, РФ

Рассматриваются проблемы идентификации волжского города Самары на разных этапах времени. Для раскрытия темы предпринят аналитический обзор российских и зарубежных путеводителей, а также сходных по жанру изданий, объективирующих образы Самары. Опираясь на количественный и качественный анализ, авторы фиксируют "жанровую яму" путеводителей между 1925 - 1985 гг.; показывают, что на пороге 1990-х гг. Самара пережила идентификационный бум, а в начале XXI в. "самарский характер" и "самарская судьба" становятся синонимом толерантности.

Ключевые слова: образ города, время города, культурно-исторические этапы идентификации, "самарский характер" как толерантный бренд.

E.J. Burlina, Ph. D., professor, L.G. Ilivitsky, Ph. D., Y.A. Kuzovenkova, Dr. in Cultural Studies Samara State Medical University, Samara, Russia

Based on the quantitative and qualitative analysis, the authors fix the "genre pit guides" between 1925 - 1985 and show that in 1990 Samara experienced an identification boom. In 2000 the "Samara character" and "Samara destiny" became a synonym for tolerance.

Keywords: image of a city, time the city, cultural and historical identification, "Samara character" as tolerant brand.

Плывя бесконечными столбичами и проехав Жигулевские горы, я подумал – ну что такое Рейн, Дунай со своими Железными Воротами и, наконец, Саксонская Швейцария! Какая это мелочь и сколько этакого добра стоит на Волге, и никто не кричит о нем. Настанет время, и нас узнают!

1862 г., А.П. Боголюбов

Волжский характер! Он, как Волга, принимал всех. Воды Самарки, Оки, Камы, Сока, Иргиза, сотен ручейков и рек соединяются, чтобы течь в большом, живом потоке Волги.

2012 г. Из современных брендов

Последнее прижизненное интервью с Ю.М. Лотманом (1993 г.) имеет выразительное название «Город и время». Собеседница, известный петербургский философ Л. Морева, предложила три темпоральных модели Петербурга: историческую, сакральную и вневременную. В соответствии с которыми город на Неве можно рассматривать в реальном историческом времени; можно осмыслять Петербург как вечный город – сакральное время; и третий дискурс – метафизический, вневременной Петербург. Лотман не поддерживает идею подобной «раскладки в разные ящики». Проблема «город и время», по его мнению, состоит в другом: саморазвитие города и горожан. Лотман говорит: «Петербург все время занимался тем, что сам с собой воевал, сам себя переделывал, сам все время как бы переставал быть Петербургом». Ученый высказывает парадоксальное суждение о том, что Петербург – не Европа, но и не Россия: «Я бы сказал, что он – будущая Россия; это город, который должен ангажировать будущее, он должен наметить, он должен показать идеал». В одной из статей этого альманаха последнее прижизненное интервью «тартуского гения» разбирается подробно.

Ссылка на Лотмана имеет для нас ключевое методологическое значение. Время города – это процессы идентификации, в ходе которых многие города России «воевали сами с собою», осознавая самих себя и преодолевая прежние представления. Смена образов – ликов выражает становление Самары: города волжского – значит русского, вольного, индустриально-космического, центрального и в то же время провинциального, полиэтничного, полуевропейского.

Образы Волги, закрепленные в мифологии и воспеты русской классической культурой, по тем или иным причинам (о которых речь пойдет ниже) перестали быть определяющими для картины мира: «Несмотря на то, что Волга играла и продолжает играть большую роль в экономике, культуре и общественном сознании россиян, ей уделено незаслуженно мало внимания в культурологии и философии», – справедливо отмечает М.Н. Кусмидинова в диссертации «Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ» (Астрахань, 2010 г.).

В то же время волжские образы невероятно значимы для повседневной коммуникации, для горожан Самары с их ментальной ориентацией на Волгу и волжскую набережную как на главный променад города, а также на прилежащее к городу свободное и антиурбанистическое Заволжье. Разные идентификационные образы города борются во времени, рождая коллизию, о которой мудро сказал Лотман: даже самый европейский Петербург – не Европа, но и не Азия. Центральноевропейская Самара боролась со своей «азиатскостью»; оставила над районами индустриализации и гигантскими заводами название «Безымянка», а гордилась волжскими проспектами.

Проблемы «борьбы с собою», которые предстают по-разному в разные времена, мы хотели бы рассмотреть на совершенно конкретном объекте: путеводителях или близких жанру путеводителя изданиях, интернет-ресурсах. Наши исследовательские задачи состоят в том, чтобы:

- 1) выявить динамику «борьбы за идентификацию» в путеводителях о Волге и Самаре;
- 2) показать различные образы Самары у современных российских и зарубежных авторов.

В 1862 году вышел первый путеводитель «Волга от Твери до Астрахани», подготовленный Н.А. Боголюбовым, с иллюстрациями А.А. Боголюбова [1]. Авторы – внуки выдающегося русского писателя и просветителя А.Н. Радищева, достигшие высокого положения в Российской империи во второй половине XIX века. Книга Боголюбовых долгое время оставалась энциклопедической базой для последующих изданий.

Путеводитель Боголюбовых – это одновременно научный труд (столь обстоятельны описания природы, экономики, обычаев и традиций разных волжских регионов); художественный альбом, образно представляющий богатство волжских регионов; идентификация волжского мифа на российской и европейской сцене.

Научно-художественный труд направляется мотивом национальной гордости и открытия волжских красот, о которых еще не знает читающая публика. Швейцария, Рейн и Дунай не могут сравниться с Жигулями. Как писал А. Боголюбов, много лет путешествовавший по Европе в качестве моряка и художника, «...столько прожил за границей, не имея понятия о своем Отечестве» [2]. Таков взгляд русских просветителей: «Я видел Рим – величия погост! / Венецию в ее золотой порфире, – / Но Поцелуев мост / Милее мне, чем Понте деи Соспире!»

Определяя жанр книги «Волга от Твери до Астрахани» и авторские роли, нельзя забывать, что Боголюбовы оставили волжским регионам не только энциклопедический путеводитель, но и реализованные ими же проекты прекрасных школ и музеев. Добавим несколько слов к биографии авторов и их мировоззренческим устремлениям, лежащим в основе названного труда о Волге.

Николай Боголюбов был ученым, писателем, статским советником. Его просветительские проекты отличались безупречной законченностью и имели долгую жизнь. Например, он стал создателем сельскохозяйственной школы мирового класса, которая успешно работает до сих пор. Теперь заложенная Боголюбовым школа называется Белорусской государственной сельскохозяйственной академией – это самая крупная аграрная научная школа в странах СНГ, хорошо известная в Европе.

Его брат Алексей Боголюбов слыл русским европейцем и проявил себя как выдающийся живописец. Он учился в Дюссельдорфе, Женеве, Брюсселе, провел много лет в Италии как глава колонии русских художников, был любим и уважаем в профессиональной среде еще и как меценат. В личном собрании Александра III было более 50 его работ, маринистика и пейзажи художника представлены в музеях Европы.

Многолетней мечтой Алексея Боголюбова, реализованной несмотря на огромные сложности, было создание музея имени А.Н. Радищева в Саратове. Менее известно, что радищевский музей мыслился как часть сети провинциальных музеев по всей России, о чем в 1881 г. А. Боголюбовым была подана подробная записка царю. Просвещение через искусство – вера и последовательная деятельность, которая направляла всю его жизнь.

В 1985 г., через 100 лет после открытия музея в волжском городе Саратове, знаменитый поэт и архитектор А.А. Вознесенский напишет о необыкновенных художниках, которые выросли на почве музея, созданного Александром Боголюбовым. Вознесенский мыслит как урбанист, уверенный в том, что культура города обладает «радиацией»: «Что за звезда сияла над Саратовом? Почему именно в нем на заре века вспыхнула плеяда нового искусства – Борисов-Мусатов, Петров-Водкин, Кузнецов, Матвеев, Уткин? Думаю, немалую роль сыграло создание здесь в 1885 г. первого в России общедоступного музея отечественной живописи. Сконцентрированная культура его облучила сорванцов дере-

вянных домишек, татарских базаров и рыбалок. Отставной морской офицер и живописец Алексей Петрович Боголюбов долго увещевал саратовское купечество...» [3].

Немного отвлечемся, чтобы продолжить проницательные и ироничные поэтические образы А.А. Вознесенского, подаренные другому волжскому городу – Самаре уже в 1990-е гг.: «Расцветает Самара как салат из омара». Через 100 с лишним лет после расцвета купеческого модерна Самара построила шеренги торгово-развлекательных центров и церквей, продемонстрировав свое расцветшее богатство. Одно из лучших старых зданий города, в котором изначально располагался Земельный банк, а потом горком КПСС, было передано художественному музею.

Однако вернемся к путеводителю Боголюбовых. Их разнообразная просветительская деятельность позволяет включить вопрос о созданном ими образе Волги в широкий культурный контекст.

Волга была для Боголюбовых важнейшим национальным мифом и основанием государственности, а волжские регионы мыслились ими как самый очевидный путь просвещения народа и развития страны. Внуки не могли не оглядываться на труды своего великого деда, который, говоря языком философов, рационализировал тему народного страдания в своем «Путешествии из Петербурга в Москву».

Боголюбовы создали концепцию, отражавшую мотивацию подвижничества совсем другой эпохи: просветителей, перешедших к делам. Величайшая река Европы интерпретируется в этой знаменитой книге в соответствии с национальным мифом и в духе деятельного времени. Школы, музеи, больницы, созданные в то время, «облучали сорванцов», используя метафору Вознесенского.

Идея создания путеводителя Боголюбовых была продиктована также и растущим потоком пассажиров, путешествующих по Волге, – иначе говоря, маркетинговыми причинами. Капитализм рос в России и задавал свои стимулы. Директор пароходства «Самолет» Б.А. Глазенап предложил братьям Боголюбовым проехать по Волге вместе с женами, чтобы составить путеводитель. Он прямо пишет в предисловии, на второй странице: «Увеличивающееся с каждым годом число путешествующих по Волге поддало мысль правлению общества «Самолет» издать подлежащую книгу, которая, будучи чужда всяких научных претензий, должна дать путнику по возможности ясное и верное понятие обо всех замечательных поволжских местностях» [1].

В итоге родился путеводитель, написанный Николаем Боголюбовым и оформленный Алексеем Боголюбовым, который можно назвать энциклопедией волжских регионов и выдающимся памятником русской культуры. Этот труд застраивает арку между просветительскими рационализациями XVIII века и региональными проектами мирового класса, созданными учеными и художниками XIX века, влиятельными до сих пор. Повторим: путеводитель Боголюбовых «Волга от Твери до Астрахани» – памятник подвижничеству русской интеллигенции.

В начале XX века появляется множество других путеводителей, отражающих массовый поток путешествующих по Волге. Новые путеводители пестрят бесконечными рекламными фирм, магазинов, кафе, которые можно найти в волжских городах. Это видно на изданиях, посвященных именно Самаре.

Рассмотрим типичную брошюру о Самаре. Трогательное издание, непритязательное и по-своему закрывающее эпоху: «Путеводитель по Самаре на 1925 и 1926 гг. Для приезжающих и экскурсантов» (Самара, 1925 г.). На нескольких страницах представлена история города (в которой просматривается путеводитель Боголюбовых); названы достопримечательности и подробно прописаны четыре маршрута экскурсий – такова традиция и образность, сложившаяся в дореволюционные годы.

Подстраиваясь к советским требованиям, автор уже меняет названия улиц и дает некоторые современные объяснения: «Ленинградская улица может служить немой летописью роста Самары за последнее время. Некоторые домишки доживают свой век. Углы Саратовской и Чапаевской улиц отмечены пятиэтажными, издали видными громадами» [4].

После 1925 г. наступает довольно длительная и удручающая пауза в описаниях Самары и других волжских городов. Издается значительно меньше книг, путеводителей и альбомов, специально посвященных Волге.

В послевоенные годы образ «матушки Волги» переходит в плоскость экзистенций и судьбы человека. Широко принятый обществом пример – песня Л.Г. Зыкиной «Издали долго течет река Волга» на слова Л.И. Ошанина, музыка М.Г. Фрадкина. Когда песня появилась, выяснилось, что давно не было такого образа: жизнь – судьба – Волга [5].

Разумеется, издавались разнообразные книги краеведческого плана: о пароходстве, железной дороге, героях революции и гражданской войны, ведущей роли партийных организаций. В 400-летней истории города представлен, как правило, только советский период – период Куйбышева. Таковы путеводители, которые выходили в свет в 1957, 1962, 1966 гг. и далее. Этот ручеек, по нашему мнению, был несоразмерен просветительскому масштабу дореволюционных изданий.

Мировоззренческие и методологические сдвиги 1990-х гг. коснулись и путеводителей, в том числе посвященных Волге и истории Самары. Событием стало издание в 1993 г. «Самарской летописи» под редакцией П.С. Кабытова и Л.В. Храмкова [6]. Авторы – университетские профессора, отдавшие много лет жизни изучению края, получили возможность представить энциклопедию, как они пишут, «свободную от идеологических стереотипов и догм». Впоследствии созданные ими научные школы кардинально перестроили подходы к изучению истории Самарского региона. Становление новых методологических подходов в реальной практике последних двух десятилетий стоило бы проследить подробнее.

Это сладкое слово «Самара» / Это сладкое слово «свобода». Пришло то время, когда в Самаре, как и в других городах (Ленинграде – Петербурге, Свердловске – Екатеринбурге, Горьком – Нижнем Новгороде, Калининне – Твери), закипели дискуссии о возвращении исторического имени города. В свет выходят сборники документов, представляющих забытый и стертый из социальной памяти в советские годы образ региона. Процессы переименования городов были массовым гражданским поиском новой, постсоветской идентификации.

Примечательно, что в начале 1990-х с воодушевлением искали новые бренды Самары: «столица Поволжья», «самый свободный город», «Чикаго на Волге», «Кельн на Волге», «самарские американцы», «Самара – сердце России» и т. п.

В первые годы перестройки самарская интеллигенция открывает заново свой дореволюционный город. Публикуются старые тексты, написанные еще в XVII в.: как видели город московские купцы, немецкий ученый Олеарий Адам, голландские путешественники и художники XVI – XVII вв. Рост регионального самосознания подтверждали лестные, прежде редко цитируемые слова о Самаре И.Е. Репина, В.И. Немировича-Данченко, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака и многих других.

Книгами и статьями о старой Самаре зачитывались, их расхватывали, перепечатавали в газетах. Социальный эффект и политический пафос подобных книг утверждал свободу перестроечного времени и нового мышления. Совпали во времени «Это сладкое слово «свобода» и «Это сладкое слово «Самара».

На пороге 1990-х происходит настоящее открытие отдельных улиц и домов города. Примечательно, что новый образ прошлого и настоящего Куйбышева – Самары рождается в книгах

архитекторов, людей театра, журналистов, то есть в креативной среде. Явлением стала книга главного архитектора города А.Г. Моргуна «От крепости Самара до города Куйбышева» [7].

Параллельно В.Г. Каркарян и В.Л. Неверова начали регулярные публикации в главной газете области – «Волжской коммуне» (по инициативе тогдашнего главного редактора П.А. Моторина). Заслуженный архитектор России В.Г. Каркарян «прорисовал всю старую Самару», придав романтически-выразительный образ целым улицам и районам города. Особняки, дворы и наличники рассказывают на его рисунках о европейских вкусах дореволюционных владельцев. Комментарий В.Л. Неверовой был выполнен на высоком журналистском уровне. Повезло Самаре с таким мастером, как Каркарян [8]. Его публикации, а потом альбомы, картины стали открытием. Пелена спадала с глаз.

Повторим, что возвращение городу Куйбышеву старого имени Самара было результатом широкого общественного движения. Дискуссии начинались с критики прошлого и заканчивались бурным рассмотрением новых экономических идей. Например, люди собирались в областной библиотеке для обсуждения литературных произведений – пьесы М. Шатрова «Дальше, дальше, дальше...», романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Диспуты организовал главный библиограф областной научной библиотеки А.Н. Завальный, а вел профессор Е.Ф. Молевич. Страстное обсуждение выходило далеко за пределы литературной полемики и перерастало в резкую политическую критику. В том числе: не хотим быть «лагерно-закрытым» Куйбышевом, даешь свободную Самару!

А.Н. Завальный, главный библиограф областной научной библиотеки, был организатором диспутов и частым гостем газетных полос, за что его, эрудита и труженика, исключили в 1989 г. из рядов КПСС. Это только один пример того, как шла новая идентификация и переосмысление образа своего города.

Сошлемся на скромное по виду издание – книгу «Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников» (сост. А.Н. Завальный) [9], которая одной из первых открыла широкому читателю бесценный, до того распыленный и мало известный материал о значимости и образах дореволюционной Самары.

В этом же ряду накопления новой образности стояли публицистические сборники Ю.И. Шанькова, книга В.И. Молько «Путешествие по одной улице» – бывшей Саратовской, а затем улице Фрунзе с ее достопримечательностями на каждом шагу [9].

Тема была подхвачена городской и областной администрацией. 1993 г. был объявлен годом П.В. Алабина – легендарного самарского головы, при котором в начале XX века произошел колоссальный рывок в развитии города. Председателем областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, которое выступило за возвращение городу имени Самара, был профессор госуниверситета П.С. Кабытов. Состоялись издания нового жанра – самарские энциклопедии. Составителями разных изданий были С.М. Лейбград, А.Н. Завальный, Л.В. Храмков [11].

За прошедшие годы появилось огромное количество научных работ историков, филологов, реконструировавших или уточнявших новые черты образа волжского города Самары.

В 1995 г. новые темы и формы были суммированы в мультимедийной энциклопедии «Самара. Культура провинции. Иллюстрированные очерки о городе и крае» под редакцией профессора В.П. Скобелева [12], изданной по заказу городской администрации. В определенном смысле данная книга была итогом многогранной работы, захватившей людей разных профессий.

Напомним, что за несколько лет до выхода этого издания по инициативе профессора В.П. Скобелева и профессора В.А. Виттиха прошли литературные конференции писате-

лей «третьей волны» – В.П. Аксёнова, В.Н. Войновича, Е.П. Попова. Это были не просто специальные научные конференции вузовских филологов, культурологов, философов. Профессиональные конференции связали новый образ Самары со свободными и опальными писателями времен застоя.

На пике волны, связанной с переосмыслением образа прежде закрытого города, появилась упомянутая выше мультимедийная энциклопедия под редакцией профессора Скобелева. В издание были включены сюжеты, немыслимые в советское время: портреты А.И. Солженицына, сидевшего в 1950 г. в пересыльной куйбышевской тюрьме; «пивной король» А. фон Вакано, столько сделавший для благоустройства Самары; «веселый праведник» Я.Л. Тейтель – символ толерантности города; авангард в Самарском художественном музее и многое другое, что по-новому осветило лицо города.

В очерках были выделены высказывания, которые вели к новому имиджу и бренду. Оказывается, еще в начале XX в. самарцев называли, как утверждал Н. Шелгунов, «волжскими американцами», а Самару – «русским Чикаго». «Изысканнейшим куском Москвы», пересаженным на волжскую почву, увидел в 1916 г. город Б.Л. Пастернак. Еще в застойные времена на Грушинском фестивале выдающиеся барды Ю. Визбор, А. Городницкий, О. Митяев называли Самару «самым свободным городом страны».

В предисловии к книге тогдашний глава г. Самары О.Н. Сысуев писал: «Новое время дарует новые возможности и прокладывает новые дороги». Казалось, что произошло окончательное расставание с образом закрытой советской Безымянки.

Философия города и цена вопроса. Имидж Самары в современных альбомах и интернет-ресурсах. В 2000-е годы вышло немало превосходных типографских изданий о Самаре, напечатанных в Италии, Китае или в оборудованных по последнему слову техники типографиях Самарской области, например в издательском доме «Агни». Соавторами подарочных, сувенирных альбомов становятся дизайнеры. Это – дорогие издания, поскольку их привлекательность обусловлена применением новейшей аппаратуры, уникальной бумаги и сложнейших типографских машин.

В то же время высокое типографское качество и современный дизайн подобных изданий не являются самоцелью. Очевидно несомненное стремление авторов вписать образ Самары в мировой культурный контекст.

Если в подобную типографскую «раму» можно вставить Петербург, Лондон и Париж, то почему же не вставить Самару? Авторы альбомов стремятся определить волжскую философию, найти основания бытия города, окольцованного Волгой, пережившего купеческий бум и индустриализацию.

В Самаре этот ряд открыл креативный по форме и содержанию альбом «207 портретов города, или Цветные сны о Самаре» Н. Лотиной (Левитан) и С. Лейбграда, появившийся еще в 1995 г. и изданный в Италии [13]. Альбом был заказан выставочной фирмой «Экспо-Волга» для маркетинговых и презентационных целей. Однако в текстах С.М. Лейбграда звучала высокая поэзия, по камертону Б.Л. Пастернака:

Люблю вас, далекие пристани

В провинции или деревне...

Назовем аналогичные в жанровом плане издания, появившиеся позднее.

«Самара – объект истории»: автор – талантливый телережиссер В.Н. Самарцев, 2011 г. В альбоме 640 старых открыток и новых фотографий, замечательная дизайнерская форма и ностальгия по прошлому города. Это достаточно дорогой проект. Автор не случайно замечает в аннотации, что потребовались средства, которые собирали «всем миром – собственные накопления, вложения друзей» [14].

«Самара. Символы жизни» – еще один великолепный альбом, составленный искусствоведом, членом Союза журналистов В. Востриковым. Концептуальный ключ – символы жизни Самары – расшифровывается со ссылками на философские словари и авторское мироощущение волжанина, жителя Самарской Луки и путешественника по Жигулям. Параллельно нас информируют и о коммерческом успехе: «Несмотря на ее дороговизну, книга стала бестселлером последнего года. Более 2 тысяч экземпляров разошлось очень быстро – пришлось допечатывать тираж» [15].

Сложилась целая полка путеводителей – портретов города, авторами которых стали коллекционеры: инженеры, врачи, поэты, посвятившие собиранию всю свою жизнь. Благодаря бюджетному финансированию или спонсорам люди получили возможность воплотить видение города, подтвержденное их коллекциями, посредством последних достижений дизайнера и типографских технологий [16].

Очень быстро по городу стали рождаться интернет-сайты, вошедшие в жизнь в 2000-е гг. Заметим, что в интернет-проектах также переплетены духовные и коммерческие интересы. Наиболее известны сайт с коллекциями открыток Г.В. Бичурова; «Прогулки по старой Самаре»; сайт «Новой газеты» и другие [17].

Масштабные издательские, медийные и музейные проекты, формирующие имидж города, требуют серьезного бюджета, что стало очевидным в 2000-е гг. В этом нет ничего зазорного. Вспомним, что классическая книга Боголюбовых «Волга от Твери до Астрахани» была издана по инициативе и на средства пароходного общества «Самолет».

Насколько свободны авторы образов – брендов волжского города и насколько востребована их креативность? Ровно насколько, насколько чиновник или бизнесмен, финансирующий тот или иной проект, понимает, что имидж или бренд города нельзя «нарисовать» ни за какие деньги. Это самоорганизуемая деятельность, в которой помимо бюджета требуется талант и личная мотивация.

Новые идеи. «Самарские судьбы» и «самарский характер». Уникальный медийный проект «Самарские судьбы» (автор проекта В.А. Добрусин, главный редактор А.С. Игнашов) [18] осуществляется при поддержке как областной администрации, так и многочисленных спонсоров. «Самарские судьбы» получили большое признание и серьезно способствовали продвижению самарского имиджа. Методологию, реализованную в проекте, назвали бы в академической среде «антропологическим подходом», «антропологической летописью». Портреты горожан, запечатленные в текстах, документах и фотографиях, адресованы широкому кругу читателей.

Другой пример – книга «Рассказывает Борис Кожин» (2007 г.), выдвинувшая понятие «самарский характер». Десятки раз цитировалось в городской прессе признание одной читательницы: «Получила книгу Кожина в подарок в 19 часов. В 21.30 уже страстно полюбила город, в котором прожила всю жизнь» [19].

В рассказах Бориса Александровича Кожина нет претензий на исключительность, отсутствуют бренды «третья столица», «столица Поволжья» и т. п. Самара в его рассказах принципиально не претендует на исключительность. Куда еще бежать, когда в Самаре все и так собрались: из разных городов и времен, разных кровей и профессий. Вот дореволюционная благородная учительница; рядом – дворовый вор, который ходит в кабинет марксизма-ленинизма; на сцене – солист филармонии, чье отчество никто не в состоянии произнести, и т. д. Рассказы Кожина переполнены просторечьем, повседневностью, неловкостями знаменитостей и тонкой, изысканной деликатностью обыкновенных людей. «Самарский характер» – это те, кого мы любим. Скромный и толерантный – Человек самарус [19 а].

Представляется, что в этом же экзистенциальном ключе написаны, например, рассказы Ю.С. Воскобойникова, подарившего нам невероятно обаятельные повороты «са-

марского характера». Дворовые мальчишки после футбола плывут по Волге вдоль всего города. Все и без различий.

Наконец, обратим внимание в этом же ряду на популярность виртуальных экскурсий М.А. Перепелкина, которого в 2011 г. назвали «краеведом года» [20]. Он создал цикл непарадных телеразговоров о городе: о разрушениях старого центра, о районах лагерей и переселенцев, об истории ботанического парка и других садов. Кто знал о довоенных лагерях под Самарой, о целых составах немецких инженеров и техников, которых в одну ночь погрузили на поезд и привезли на берег Волги, в поселок Управленческий? Глобальные трагедии, воссозданные с научной и художественной достоверностью в локальном пространстве.

Образы Волги и Самары: методологические выводы. Путеводитель Боголюбовых 1862 г. остается памятником культуры. Концепция великой реки как основы государственности и магистрали для развития просвещения и культуры – предмет подражания.

От 1925 до 1985 г. наблюдается то, что мы определяем как «жанровую яму», – почти полное исчезновение путеводителей по Волге и Самаре. По М.М. Бахтину, маленькая клетка культуры – жанр – чутко реагирует на системные социокультурные перемены. В системном контексте это обозначает то, что величие государства перестало ассоциироваться с провинцией. В Советском Союзе постулировался некий «географический шовинизм»: первостепенность столиц, столичных вузов, театров и т. п.

Настоящий бум академических исследований и путеводителей, а также других практических изданий по провинциальной культуре начинается от 1990-х гг. Он репрезентировал новые идентификационные процессы в России.

Особенно актуальной в изданиях о городе становится переоценка дореволюционного прошлого. Заново осмысляются отцы города Самары: К.К. Грот, П.В. Алабин и другие. Этот методологический и образный поворот, как мы видели, тиражируется в разнообразных изданиях, а также в интернет-ресурсах: купеческая Самара и ее уникальные дома в стиле модерн, молококане и их чудесные сады, культурные ценности мещанства, масоны и другие сообщества, стертые из памяти в советское время.

На пороге 2000-х даже типовые путеводители приобретают дорогую типографскую «раму» и не столько строятся по дисциплинарным разделам – география, история, экономика, культура, сколько стремятся представить философию региона: «символы жизни», «зеркала истории». Таковы подходы по многим городам и регионам.

Принципиально новым в современных урбанистических практиках стало то, что образы города выливаются в формы гражданской активности. Люди могут выступать против варварского разрушения модерна или за исключительность самарских красавиц, уникальность волжской набережной. Рассказы о скромной толерантности «самарского характера» и глобализме «самарских судеб» имеют огромный успех. В советское время не было подобных идентификационных процессов, «завязанных» на образе города.

Ю.М. Лотман интерпретировал великий Санкт-Петербург как город, постоянно борющийся с собою за свой истинный образ. Это относится к любому здоровому, растущему городу.

Литература

1. Боголюбов Н.А., Боголюбов А.А. Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862.
2. Боголюбов А.А. 1861-1862. Записки моряка-художника // centre.smr.ru/win/books/bogolub.
3. Вознесенский А. Экология культуры // Литературная газета. – 9 января 1985. – № 2 (5015). – С. 11.
4. Путеводитель по Самаре на 1925 и 1926 гг. Для приезжающих и экскурсантов. –

- Самара, 1925. – С. 38.
5. Чередниченко Т.В. Грустит песня над реченькой // Социология культуры. – 1990. – 92. <http://ecsosman.hse.ru/data/997/950/1219/12Cherednichenko.pdf>
 6. Самарская летопись. В 3-х т / Под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмова. – Самара, 1993.
 7. Моргун А.Г. От крепости Самара до города Куйбышева. – Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1986.
 8. Каркарьян В.Г. Река Волга — город Самара: Путешествие сквозь века. — Самара: Агни, 2011; Каркарьян В.Г. Модерн в архитектуре Самары. – Самара, 2006; Каркарьян В.Г. Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города. – Самара: Самарский арх.-строит. ун-т, 2004; Каркарьян В.Г. Старая Самара: история, дома и люди. – Самара: СВИР, 1998; Каркарьян В.Г., Неверова В.Л. По улицам старой Самары. – Куйбышев: ККИ, 1988; Каркарьян В.Г. По улицам старой Самары (совместно с В. Неверовой); Старая Самара: история, дома, и люди; Деревянное зодчество Самары; серии открыток «Графическая летопись Самары», «Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города».
 9. Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / Сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко Ю.Е. – Самара, 1991.
 10. Голос земли самарской: сборник // Сост. Ю.И. Шаньков. – Куйбышев, 1990; Молько В. Путешествие по одной улице. – Куйбышев, 1987.
 11. Историко-культурная энциклопедия самарского края: персоналии. В 4 т. / Отв. ред.-сост. С.М. Лейбград. Адм. Самар. обл., обл. центр нар. творчества, товарищество «Самар. энцикл.». – Самара: Дом печати, 1993-1995; Волга, Самарская Лука и Жигули глазами путешественников, ученых, писателей, художников. – Самара, 2006. Идея уже была, но при поддержке СамНЦ РАН. Сост. О.Л. Носкова, общ. ред. чл.-корр. РАН Г.С. Розенберг; В. Казарин. Волжские страницы самарской истории (1845-1945). – Самара, 2011.
 12. Самара. Культура провинции: иллюстрированные очерки о городе и крае / Под ред. проф. В.П. Скобелева. – Самара: IBT International, 1995; Цыбин В.М. Пароходы на Волге. – Саратов, 1996.
 13. 207 портретов города, или Цветные сны о Самаре. Тексты – С. Лейбград. – Самара: Экспо-Волга, 1995.
 14. Самарцев В.И. Самара. Объект истории. – Самара: Артель «Бурлаки», 2011: 364 с., 640 илл.
 15. Самара. Символы жизни / Сост. В.Н. Востриков. – Самара: Агни, 2009 // <http://www.tcx-samara.ru/samara-simvoly-vremeni/>.
 16. Рудняев С.Ф., Кузнецов В.Е. Самарский альбом в открытках и фотографиях конца XIX – начала XX века. – Самара, 2006; Кузнецова Е. Самара в зеркале истории. – Самара: Раритет, 2011.
 17. Сайт Г.В. Бичурова: [http://www.bichurov.ru/](http://www.bichurov.ru;); Прогулки_по_старой_Самаре_-_элеватор,_стрелка_реки_Самара_и_старый_мост; <http://samarapeace2006.narod.ru/squads.html>; Сайт «Новой газеты»: <http://www.novayasamara.ru/content/квартальный-план>
 18. Медиа-проект «Самарские судьбы». Руководитель с 2006 г. В.А. Добрусин // <http://samsud.ru>
 19. Кожин Б.А. Рассказывает Борис Кожин. – Самара: Дом печати, 2007.
 - 19а. Борис Кожин – самарский характер // http://sgpress.ru/Kul_tura_Samary/Boris-Kozhin---samarskij-harakter12738.html; Человек самарус или волжанин-Коломбо // <http://www.novayasamara.ru/content/человек-самарус-или-волжанин-коломбо>.
 20. И. Саморуков в «Живом журнале»: <http://samorukov.livejournal.com>

Глазами других и своих: о Волге, Самаре и волжском характере

/Looking with eyes of the others and with your own ones:
The Volga, Samara and the Volga character/

Е.Я. Бурлина, доктор философских наук, профессор
Л.Г. Иливицкая, кандидат философских наук
Ю.А. Кузовенкова, кандидат культурологии
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Данная статья является продолжением помещенного выше аналитического обзора отечественных изданий об образах волжского города Самары. В этом тексте авторы специально останавливаются на зарубежных путеводителях и научных изданиях.

Авторы соглашаются с понятием "маргинализация регионов" применительно к советскому периоду, выдвинутому зарубежными авторами. Однако, по их мнению, сегодня региональные интересы и бюджетные возможности концентрируются не столько на "большой Волге", сколько на продвижении своего города или региона.

Проводятся аналогии между современными проектами Театрального музея Дюссельдорфа (Dr. Winrich Meiszies), института Rheinland moderne (Professor Gertrude Sepl-Kaufmann), партнерскими культурными проектами Самара - Штутгарт (Professor Gerdi Sobek) и сходными идеями о "самарском характере": Г. Алексушин, Б. Кожин, М. Перепёлкин, С. Лейбград.

Ключевые слова: образ Волги и Самары в зарубежных изданиях, маргинализация регионов, автономизация образа города.

E.J. Burlina, Ph. D., professor

L.G. Ilivitsky, Ph. D.

*Y.A. Kuzovenkova, Dr. in Cultural Studies
Samara, RF*

This article is the continuation of the analytic review placed above. In this text the authors specially stop on foreign guidebooks and the scientific editions devoted to the image of the Volga and Samara.

The authors of this article agree with the concept "marginalization of regions" with reference to the Soviet period which has been proposed by foreign authors. However, in their opinion, since 1990th, there is the real boom of the academic researches and publications on provincial culture. They represents the new identification, financial and political processes in Russia. Today regional interests and budgetary possibilities concentrate not so much on the "Big Volga", but on promotion of the city and region. In regional publications about the Volga cities the ideas of closed globalization of the local city and the region demonstrate the main tendencies.

Many analogies between modern projects are drawn. They concern the Theatrical museum of Düsseldorf (Dr. Winrich Meiszies), the Rheinland moderne institute

(Professor Gertrude Cepl-Kaufmann), cultural partner projects Samara – Stuttgart (Dr. Professor Gerdi Sobek) and similar ideas expressed by the Samara authors G. Aleksushin, B. Kozhin, M. Perepyolkin, S. Leybgrad about "the Samara character". The authors conclude that region studies and an anthropological urbanistika are developing in global space and generating similar ideas and forms which aren't shameful to be borrowed or exchanged.

Keywords: *image of Volga and Samara in foreign editions, marginalization of regions, autonomism of an image of the city.*

Как выглядят образы Волги и Самары в современных зарубежных исследованиях? Совпадают ли они с оценками и жанровыми идеями, представленными в отечественных изданиях, и есть ли среди них такие, которые полезно было бы позаимствовать? Эти вопросы хотелось бы выделить в отдельный текст, следующий за предпринятым выше анализом изданий, посвященных Волге и Самаре.

По мнению некоторых современных зарубежных авторов, западный читатель легко найдет общие научные работы о Дунае, Рейне и Темзе [1], но о Волге – крупнейшей реке Европы – новых исследований почти нет [2].

Отчасти с этим можно согласиться. Есть множество путеводителей по Волге, в том числе на английском и немецком языке, где присутствуют один-два разворота и о Самаре.

Иногда в сопутствующих изданиях для зарубежных туристов мелькают стереотипы про «Самару-городок», всплывшие почти случайно. Сошлемся еще на юмористический сборник А. Келлера «Волга, водка и красавицы» (2011 г.) или пародию кабаретистки К. Пайон, которая называется «Самара. Волга. 2 сестры» (2012 г.).

Примечателен взгляд зарубежных авторов на научные исследования по теме. Карл Шлэгель – один из наиболее известных и авторитетных зарубежных специалистов по русской истории и культуре XX в., автор десятка книг о России, о разных российских городах: от Москвы и Петербурга до Ялты и Нижнего Новгорода [3]. Ученый говорит о резком уменьшении в советское время изданий, связанных в целом с образом Волги. Шлэгель связывает это с «маргинализацией регионов» в советское время. Советские исследователи сосредоточились на культуре столиц и мало внимания дарили провинции. Цитата: «...die sowjetischen Wissenschaftler konzentrierten sich auf die Hauptstädte und schenkten der Kulturgeschichte der Provinzen nur wenig Aufmerksamkeit. Diese Situation hat sich seit dem Ende des Kalten Krieges und dem Zusammenbruch der UdSSR dramatisch verändert» (См.: Dienstagskolloquium 01.02.2011. Die Wolga oder wie man die Geschichte eines Kulturraums erzählt).

Возникает вопрос: учитывается ли при этом тот поток публикаций 1990-х гг., о котором шла речь выше? Совпадает ли точка зрения профессора Шлэгеля с нашей оценкой?

Совпадает в том, что региональные интересы и бюджетные возможности концентрируются сегодня не столько на «большой Волге», сколько на продвижении своего города и области. Такова управленческая практика постсоветского времени [4].

В то же время невозможно не заметить настоящий бум академических исследований и изданий по провинциальной культуре, который репрезентирует новые идентификационные процессы в России. Этот пласт современных изданий мы стремились показать на примере Самары. Актуальные научные исследования родились и во многих других провинциальных городах.

В этом потоке, как мы уже писали, происходит концептуальное переосмысление региональной тематики, которое имеет разнонаправленные и даже альтернативные варианты. Либо она осмысляется как замкнутая, локальная история; либо как локальный образ всей российской истории; либо, наконец, как отражение глобальных цивилизационных процессов на локальной почве.

В потоке изданий и интернет-ресурсов о конкретном волжском регионе, например о Самаре и Самарской области, наблюдается также определенная жанровая тенденциозность: богатство дорогих альбомов и дефицит массовых школьных учебников, плакатов, брошюр «из музеев» и т. п. Например, несмотря на появление учебных пособий В.Н. Арнольда, Г.В. Алексушина, М.Д. Кабатченкова, Л.В. Храмкова, школьные учителя жалуются на постоянный дефицит учебной литературы. Не хватает современных методических форм для школы: компьютерных игр, олимпиад и т. п., о которых Г. Алексушин говорит как об основаниях школьного «самароведения» [7]. По нашему убеждению, во всех учебно-методических разработках требуются также новые идеи и подходы, в том числе методологического характера.

Например, можно адаптировать отдельные научные изыскания, придав им форму школьных учебно-методических пособий, посвященных сугубо специальным вопросам – например, клеймам кирпичей, которые имели хождение в дореволюционной Самаре. Однако для учебного пособия требуется представить специфику края и показать, какое воплощение получили в этом регионе этапы российской цивилизации – дореволюционный, советский и постсоветский. По нашему убеждению, учебник «самароведения», равно как и другие региональные учебные или популярные издания, испытывает дефицит философско-методологических оснований: судьба и история всей страны, глобальные проблемы, способствующие идентификации человека [8,9].

Сошлемся еще раз на опыт западных коллег, которые на философских факультетах послевоенного времени проектировали массовые жанры, имевшие большой социальный резонанс. Академики не чурались обращений к ним, наполняя учебник или образ города гуманными идеями и философскими аргументами. Например, знаменитый плакат о толерантности, созданный франкфуртской философской школой еще в 1960-е годы. Мы писали о нем в статье «Кофе, пицца, Бог – а ты?!» [5].

Другой пример. Популярный немецкий автор XX в. Карл Цукмайер [6], писатель и сценарист, учившийся философии во франкфуртском и гейдельбергском университетах, бежавший от нацизма, а потом вновь вернувшийся в Германию, создал после войны популярнейшие тексты о толерантном «речном характере». Они просятся быть переложенными на Волгу.

К примеру, так: *«И теперь представьте эти места во времена становления государства Российского. И пришли светловолосые воины воеводы Засекина, поставившие город-крепость на границе; они роднились с местными калмыками, стали они брать в жены трудолюбивых мордовских-чувашских девчонок и учить их русскому языку; и пришли из Булгар голубоглазые татары и привели своих коней с длинными шелковыми гривами; и пришла вольница Стеньки Разина, а потом Пугачева, в которой была и персидская княжна, и сызранские иконописцы, и волжские бурлаки, и беглые крестьяне; и пришли первые корабли царя Петра с голландцами, шведами, которые были поставлены добывать в Жигулях свинец и серу; и стали строить волжскую набережную, заводы, школы и особняки самарские купцы и австрийские заводчики. И была война, и трудились на индустриальной Безымянке москвичи, харь-*

ковчане, воронежцы, и... Королев вышел из этой куйбышевской Безымянки, и спутники, и Грушинский фестиваль, и наши гении в белых халатах – Тихон Иванович, Георгий Львович. Волжский характер, мои дорогие, лучший в мире! Почему? Потому что все народы у нас перемешались. Он, как Волга, принимал всех. Воды Самарки, Оки, Камы, Сока, Иргиза, сотен ручейков и рек соединяются, чтобы течь в большом, живом потоке Волги».

Закроем кавычки. Это – жанровый ремейк на тему речного характера у философа и писателя К. Цукмайера, аналогичный мотивам открытого всем «самарского характера», которые услышали Б. Кожин, Ю. Воскобойников, С. Лейбград и другие самарские авторы.

Регионалистика и урбанистика развиваются в глобальном пространстве, что порождает сходные идеи в разных городах и странах. Сравнивая эти проекты, можно говорить о разнонаправленных тенденциях: замкнутости или глобализации регионального пространства.

Литература

1. Thames: Sacred River by Peter Ackroyd; см. также: Уве Рада // http://www.uwe-rada.de/themen/fluesse_suche.html
2. Schmid G., Rabus A. Die Wolga. Flechsig Verlag. – 2003.
3. Schlögel K. Das Russische Berlin: Ostbahnhof Europas: München: Hanser, 2007; Schlögel K. Im Raume lesen wir die Zeit: Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München: Hanser, 2003. На русском также опубликованы: К. Шлегель. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945 гг.). – Изд-во НЛО, 2004; К. Шлёгель. Время помешательства. – 2005; К. Шлегель. Террор и мечта. Москва 1937. – М., 2011.
4. Марков А. К урбанистической антропологии: город как место замыслов // НЛО. – 2011. – № 110; Бусыгина И. Сжимая пространство до образа мест... // Отечественные записки. – 2002. – № 6; Reisekultur von der Pilgerfahrt zum modernen Tourismus. – Herausgegeben von Herman Bausinger, Klaus Beyrer, Gotfried Korff. – Verlag C.H. Beck. München. – 1999.
5. Бурлина Е. Кофе, пицца, Бог – а ты? // Толерантность. Межкультурная коммуникация. – Самара, СамГМУ, 2006.
6. Мошнер М. Карл Цукмайер // Галерея. – 02.09.02. <http://www.dw.de/dw/article/0,,621942,00.html>
Vom Rhein – noch dazu. Vom Rhein. Von der großen Völkermühle. Von der Kelter Europas! [...] Die Besten der Welt! Und warum? Weil sich die Völker dort vermischt haben. Vermischt – wie die Wasser aus Quellen und Bächen und Flüssen, damit sie zu einem großen, lebendigen Strom zusammenrinnen. – Des Teufels General. Drama in drei Akten (1946). S. Fischer. Frankfurt / Main 1958. S. 65 // http://de.wikiquote.org/wiki/Carl_Zuckmayer
7. См., например, доклад Г.В. Алексушина в ноябре 2011 г. на консультационном общественном совете по вопросам образования при главе города о программе «Самароведение», интернет-игре «Самарский кирпич» и других учебно-методических формах // city.samara.ru/life/novelty/13609
8. Выставка К. Аймермахера в Самарском художественном музее // <http://www.artmus.ru/exhibitions/id-51.html>
9. Копелев Л. Будущее начинается сегодня. Вступительная заметка и публикация Марии Орловой // Знамя. – 2012.

Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках

Г.В. Алексушин, доктор исторических наук, профессор
А.А. Карлина, кандидат исторических наук, доцент
А.И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор
Самарская академия государственного и муниципального управления

Н.А. Устина, кандидат исторических наук, доцент
Самарская государственная социально-гуманитарная академия

В.М. Цлаф, кандидат технических наук, доцент
Центр системных и стратегических решений "Самарская школа бизнеса"

Самара, РФ

Описанный метод был разработан и применен авторами в процессе формирования стратегии социально-экономического развития г.о. Самара. Разработка стратегии осуществлялась под руководством С.Е. Самарцева и при участии авторов настоящей статьи. Задача анализа исторически обусловленных факторов развития поставлена Т.В. Бочкаревой и С.Е. Самарцевым, методологическое обоснование метода выполнено В.М. Цлафом, предварительный подбор исторических материалов и их обработка – Г.В. Алексушиным, рефлексивная обработка исторических материалов для получения данных, актуальных для управленческой деятельности, - совместно авторами в процессе стратегической сессии и обработки ее результатов.

Ключевые слова: историко-рефлексивный метод.

Методологическое обоснование. Историко-рефлексивный метод разработан для получения социокультурных характеристик территориально локализованного социума (региона, области, муниципального образования), необходимых для управления развитием деятельности, осуществляемой в этом социуме. Социокультурные характеристики обычно не включаются в перечень необходимых исходных данных для управленческих (в том числе стратегических) разработок. Однако игнорирование этих характеристик приводит к принятию нереализуемых решений.

Мы исходим из того, что деятельность любого субъекта нормативно определена, т. е. детерминирована нормами, которые подразделяются на два типа:

– институционализированные нормы (институты), зафиксированные вербально (письменно), выполнение которых обеспечивается внешними механизмами принуждения; к ним относятся в первую очередь правовые нормы, устанавливаемые государством, а также нормы, устанавливаемые всеми иными носителями формальной власти;

– социокультурные нормы, не выраженные вербально и не имеющие внешних механизмов принуждения, выполняемые в силу тех ценностных ориентаций (этических, эстетических, идеологических и др.), а также традиций, стереотипов, экономических интересов, запросов в отношении социального статуса и социальной роли, которые сложились у субъекта деятельности в результате полученных им воспитания, образования и инкультурации в определенном социуме. Социокультурные нормы характерны не для единичного субъекта, а для всех членов некоторого социума; в частности, они действуют и как регуляторы деятельности носителей формальной власти.

Институционализированные и социокультурные нормы могут быть согласованы друг с другом или вступать в противоречие. В случае противоречия приоритет принадлежит социокультурной норме – выполнение институционализированной нормы потребует дополнительных затрат ресурсов (транзакционных издержек) для преодоления противоречия с использованием механизмов принуждения (предусмотренных нормой санкций), стимулирования или убеждения. При отсутствии достаточных ресурсов для преодоления транзакционных издержек выполнение институционализированных норм, противоречащих социокультурным нормам, невозможно.

Есть и другая сторона той же проблемы. Социокультурные нормы проявляются не только в действиях субъекта, на которого институционализированная норма распространяется в качестве обязывающей или запрещающей. Инфорсер (исполнитель санкции), обязанностью которого является принуждение субъекта к соблюдению нормы от имени носителя формальной власти, также несет в себе определенные социокультурные нормы и подчиняется их действию. В частности, это может проявиться в толковании текста нормативного акта, содержащего институционализированную норму, таким образом, что санкция станет как бы необязательной. Это может проявиться и в преднамеренном отказе инфорсера от исполнения санкции, т. е. в нарушении нормы, обязывающей инфорсера, так как применение санкции к инфорсеру как нарушителю «своей» нормы также может не состояться по тем же причинам.

Проблемы исполнения и соблюдения права всегда были в центре внимания юридической и управленческой наук, а в последние годы – и неоинституциональной экономики [1]. В частности, соотношение и взаимодействие норм права, с одной стороны, и морали, традиций и иных поведенческих стереотипов (в используемой нами терминологии – социокультурных норм) – с другой отнюдь не является новым предметом научных исследований. Тем не менее актуальность этих вопросов диктуется практикой.

Приведенный принцип приоритета социокультурной нормы перед институционализированной обязывает носителей формальной власти перед принятием управленческого решения выполнить анализ социокультурной ситуации в том объекте, которого коснется это решение, и позаботиться о том, чтобы принимаемое решение (новая институционализированная норма) не вступало в конфликт с социокультурными нормами, – в противном случае оно будет нереализуемым или потребует больших затрат различных ресурсов на преодоление возникающих транзакционных издержек. Такой анализ связан с серьезными трудностями. Недаром бесконечные разговоры об «особом менталитете» россиянина, о близости российской культуры к западным или восточным культурам и пр., обилие исследований и дис-

куссий на эту тему до сих пор так и не создали инструмента, необходимого управленцам на практике для оценки ситуации и принятия решений.

По отношению к социокультурным нормам – ценностным основаниям и стереотипам человеческой деятельности – необходим исторический анализ их возникновения, так как они формируются определенными событиями истории.

Предлагаемый нами историко-рефлексивный метод социокультурного анализа заключается в следующем. Во-первых, выделяются исторические события, которые «оставили след» в сознании жителей, в их отношении к миру и людям, заложили новые традиции, стереотипы общения и деятельности. Во-вторых, по отношению к этим событиям задаются вопросы, на которые должен ответить сам исследователь (именно поэтому метод является рефлексивным): какой след оставило каждое событие, как он может повлиять на дальнейшие события? Почему именно такие ценности и нормы деятельности создавались и отмирали, почему они изменялись именно так, а не иначе, могло ли быть иначе и какие факторы определили выбор историей именно того, что было, и того, что осталось? И, наконец, важнейший вопрос для управленческого использования результатов: какие нормы и образцы с достаточно высокой степенью вероятности сохранятся на будущее (и примерно на какое время), какие события их могут изменить и как на это можно повлиять?

Сторонники «строгих» методов исследований, основанных на точно установленных фактах (а к таким методам в идеальном случае относятся и традиционные социологические и исторические методы), могут усмотреть в описанной процедуре и ее результатах слишком много субъективизма. С этим трудно спорить. Однако любой «строгий» метод, основанный на фактах, позволяет сделать более или менее точные и обоснованные выводы только по отношению к прошлому. И историк, и социолог исследуют процессы, произошедшие не по их воле, процессы для них естественные. Управленец осуществляет принципиально иную деятельность – своими решениями он строит искусственный мир исходя из своих принципов и приоритетов, он обращает свой взгляд не в прошлое, а в будущее. Субъективизм при этом неизбежен: управленец должен брать ответственность за будущее (чего не требуется от «классического» ученого) и выступать только от своего имени – скромное научное «мы» заменяется «наглым», но неизбежным «я». И все методы, обеспечивающие управление результатами исследований того, что было, с переносом результатов в то, что только еще будет, неизбежно будут «грешить» субъективизмом. Самые «объективные» методы социального и экономического прогнозирования оставляют на усмотрение исследователя выбор методики из некоторого множества возможных методик – осуществляя этот выбор, исследователь во многом предопределяет результат.

При этом весьма существенную трудность социокультурного исследования территорий обуславливает их социокультурная неоднородность, так что в принципе социокультурный нормативный комплекс территории необходимо «конструировать» из комплексов различных социальных групп, учитывая их численное соотношение, степень участия в реализации проектируемой институциональной нормы и другие факторы. В частности, описанный ниже пример применения историко-рефлексивного метода к городскому округу характеризует социокультурный статус некоторого «потомственного горожанина», много поколений предков которого прожили всю жизнь в данном городе. Реально таких жителей найти практически невозможно. Поэтому базовым предположением историко-рефлексивного метода является гипотеза «со-

циокультурного поглощения» «коренным» населением всех иммигрантов, которые проходят эффективную инкультурацию в среде «коренного» населения, но практически не влияют на его социокультурный статус. Исключения могут составлять достаточно мощные миграционные «вливания», нашедшие отражение в местной истории и, следовательно, учитываемые историко-рефлексивным анализом. Как и любая другая гипотеза, это положение – не более чем теоретическая абстракция. Тем не менее мы предполагаем, что таким способом можно определить базовые социокультурные особенности данной территории, отличающие ее от других территорий.

Конкретно-исторический материал и его рефлексивная интерпретация. Примером применения описанного метода является выполненное авторами социокультурное исследование в связи с разработкой стратегии развития г. Самары.

Выделенные ключевые исторические события и их интерпретации приведены ниже.

1. Создание в XVI в. Самары в качестве крепости, защищающей восточную границу России, породило «оборонную доминанту» в сознании горожан, стереотип восприятия окружения как враждебного, отторжения «варягов» во всех сферах жизнедеятельности. В XX в. эта норма была усилена приданием Куйбышеву (название Самары в 1935-1991 гг.) статуса закрытого города в связи с развитием оборонной промышленности.

Указанные нормы не помешали сформироваться в городе национальной толерантности, способствовавшей росту города за счет иммиграции.

2. Рост города в одном направлении – вдоль Волги – по мере развития торговли и судоходства породил в дальнейшем не только продольную структуру транспортных магистралей и современные транспортные проблемы, трудности водо- и теплоснабжения, но и разрозненность горожан, отсутствие прочной связи с центром города. Следствием этого стала низкая мобильность горожан в пределах города, территориальная неравномерность спроса на социально-культурные и бытовые условия жизни, отсутствие у горожан «чувства единого города».

3. Восстания И. Заруцкого, С. Разина, Е. Пугачева (XVII-XVIII вв.) оставили след в виде непокорности, оппозиционности населения, свободомыслия горожан.

4. Работа «Оренбургской комиссии» (XVIII в.), которая привела к подчиненности города в течение 15 лет Оренбургу как столице генерал-губернаторства (удаленной на 400 верст), оставила в самосознании горожан ощущение принадлежности к «заштатному городу», породила провинциальность сознания, отсутствие интереса горожан к своей истории, сформировала ориентацию на Оренбург и далее на Восток. Повторно те же последствия город испытал уже в начале XXI в. при переносе из Самары в Екатеринбург центра Приволжского военного округа. Строительство Жигулевской ГЭС и АвтоВАЗа во 2-й половине XX в. породило сильную конкуренцию со стороны г. Тольятти, оставившую аналогичный след в сознании горожан.

Вместе с тем административное развитие города (нахождение во главе уезда в 1780 г., губернии – в 1850 г., области – в 1928 г. и края – в 1929 г., положение столицы России во время захвата Самары чехословаками в 1918 г. и роль «запасной столицы» во время Великой Отечественной войны) породило высокие политические амбиции горожан. Это противоречивое самоопределение («мы – жители столицы», «мы – жители заштатного городка») до сих пор является источником многих проблем развития экономики и социальной сферы города, источником нереализуемых запросов, с одной стороны, и социальной пассивности – с другой.

5. Открытие илецкой соли, сызранской нефти, развитие в Поволжье животноводства в 1-й трети XIX в. и зернового растениеводства во 2-й половине XIX в. сформировали важнейшие направления в экономике города, в том числе пивоварение, кондитерскую промышленность. Строительство перед Первой мировой войной военных заводов – трубочного завода (в дальнейшем – завод им. Масленникова) и завода взрывчатых веществ на разъезде Иващенко близ Самары (ныне г. Чапаевск Самарской области) – закрепило промышленный профиль экономики города.

Особое значение имела эвакуация в Куйбышев в 1941 г. самолетостроительных авиационных заводов, а с 50-х гг. – развитие ракетно-космической промышленности. Это сформировало сознание горожан как жителей крупного промышленного центра, создателей самой передовой по тем временам техники.

Развитие с XVIII в. торгового предпринимательства придало городу «купеческий характер». Купеческие традиции, которые формировали менталитет населения, ориентированный на получение прибыли, оказались тормозом для развития других пластов культуры. Сложилась недооценка населением и властями культурных факторов развития города.

Противоречие указанных норм в настоящее время вызывает, с одной стороны, неоправданные ожидания («Самара – промышленная столица России»), а с другой – стремление достаточно большой части населения к относительно легким способам обогащения через торговлю, а не через инновационное предпринимательство, например.

Еще одним следствием индустриализации и урбанизации явилось свойственное как властям, так и населению невнимание к экологическим проблемам.

6. Специфический след в сознании горожан оставил тот факт, что строительство новых объектов промышленности, энергетики во многом осуществлялось в советское время силами заключенных. Воспоминания о развитии экономики «любой ценой», за счет политических репрессий позволяют и ныне определенному слою горожан мечтать о возрождении самарской промышленности применением «сильной руки», формирует достаточно сильную прокоммунистическую прослойку.

7. Советская эпоха сформировала еще одну норму – потребительское сознание населения («взять от власти»).

8. Развитие космонавтики, создание аэрокосмического кластера обусловили высокий научно-технический потенциал жителей города, становление научно-технической элиты. Но это привело и к отрицательным последствиям в социокультурном плане: технократическому сознанию, преобладанию технической интеллигенции, дефициту общегуманитарных ценностей, традиционно пренебрежительному отношению властей к гуманитарным наукам и искусству.

Вместе с тем создание клубов авторской песни (ГМК-62), а в дальнейшем – Грушинского фестиваля, расцвет в городе драматического искусства во 2-й половине XX в. свидетельствуют, что духовные ценности остались близкими населению, хотя и не всегда поддерживаются властями.

Вывод. Проведенный анализ показывает, что большая часть социокультурных характеристик горожан исключительно противоречива. Это создает существенные трудности для городских властей. Они должны точно позиционировать свои действия на те или иные социальные группы, рассчитывать возможный нестандартный эффект этих действий вследствие нормы свободомыслия и оппозиционности вла-

сти, с одной стороны, и потребительского сознания и требования «сильной руки» – с другой. Надо иметь в виду разрозненность горожан, отсутствие интереса и к истории, и к судьбе города у значительной части населения, социальную пассивность наряду с предъявлением властям завышенных, нереализуемых требований. Надо искусно строить политику сплочения части населения, способной на конструктивные действия и взаимодействие с властью, и в целом вести линию, которая в корпоративном руководстве называется управлением отношениями со стейкхолдерами.

Попытки властей строить городскую политику на замалчивании этих противоречий, в частности расчет на трудовой и политический энтузиазм, законопослушность, признание гуманитарных ценностей, приведут к провалу управления и проблемам в отношениях властей с населением.

Область применения метода. Хотя эмпирический материал настоящей работы подразумевает рассмотрение муниципального образования – городского округа, можно утверждать, что метод применим для разработки стратегий и программ регионального развития, а аналог этого метода – для корпоративных разработок. В последнем случае совокупность социокультурных норм – не что иное, как организационная культура компании, для исследования которой разработано множество методов, в основном социологических (из них важнейший – action research). Организационная культура складывается исторически, но для нее существенна не история территории, а история компании – «поворотные моменты» ее судьбы, смена лидеров, кризисы, реорганизации и др. Рефлексивный анализ этих моментов позволит внести важное дополнение в исследование организационной культуры, выполняемое традиционными методами. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что организационная культура компании испытывает сильное влияние социокультурных норм внешней среды – тех территорий, где расположены подразделения компании.

Таким образом, авторы выражают надежду на то, что описанный в настоящей статье метод будет полезен при разработке стратегий и программ развития любых социально-деятельностных систем.

Литература

1. Тамбовцев В.Л. Основы институционального проектирования. – М.: Инфра-М, 2008.
2. Тамбовцев В.Л. Теории институциональных изменений. – М.: Инфра-М, 2008.

Historical-reflective method in strategy working out

G.V. Aleksushin, Doctor of Historical Sciences, Professor
A.A. Karlina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
A.I. Repinetsky, Doctor of Historical Sciences, Professor
Samara Academy of State and Municipal Management

N.A. Ustina, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
V.M. Tslaf, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
Center of Economics and Management of Samara State University

Samara, RF

The described method was developed and applied by the authors during the process of form-ing the socio-economic development strategy of the city Samara. Working out the strategy is per-formed under the guidance of S.E. Samartsev, and with the participation of the authors of the arti-cle. The task of analyzing the historically determined factors in the development process was set by T.V. Bochkareva and S.E. Samartsev, the methodological basis of the method was performed by V.M. Tslaf, the preliminary selection of historical material and its processing was provided by G.V. Aleksushin, the reflexive processing of historical materials for acquiring the data relevant to the managerial activity was performed by the whole group of co-authors during the strategic session and processing of its results.

Keywords: historical-reflective method.

The methodological basis. Historical-reflective method is designed for sociocultural description of the geographically localized society (region, province, municipal entity) required for managing the activities development within the mentioned society. Sociocultural characteristics are not normally included in the list of necessary initial data for providing the management (including strategic one). However, ignoring these characteristics leads to the making of unrealizable decisions.

Our initial position is as follows: any subject activity is determined by the norms that are subdivided into two types:

- institutionalized rules (institutions), recorded verbally (usually in writing), enforced by external enforcement mechanisms, those including, first of all, the legal norms established by the state, as well as the standards set by all other holders of formal authority;
- sociocultural norms that are not expressed verbally, and have no external forcing mechanisms, thus, operated by virtue of the value orientations (ethical, aesthetical, ideological, etc.), as well as the traditions and stereotypes, economic interests, demands for social status and social role that were formed as a result of the received training, education and enculturation of a subject in a particular society. Sociocultural norms are not spe-

cific for a single subject, but to all members of a certain community; in particular, they may act as regulators of formal authority.

Institutionalized and sociocultural norms can be harmonized with each other or be in a state of conflict. In case of conflict the priority belongs to the sociocultural norm – the implementation of institutionalized norms will require additional resource costs (transaction costs) to overcome the contradictions by using the mechanisms of coercion (sanctions under the norm), stimulation or persuasion. In case of absence of sufficient resources to overcome the transaction costs, implementation of institutionalized norms that appear as a contrary to social and cultural norms, will be impossible.

There is another side of the same problem. Sociocultural norms are manifested not only within the actions of the subject, upon whom the institutionalized norm is applied as the binding or prohibiting standard. Enforcer (performer of the sanctions), whose duty is to force the subject to the observance of norms on behalf of the formal authorities, also appears as a carrier of certain sociocultural norms and is submitted to their actions. In particular, it can be shown in interpreting the text of the normative act in such a way that the sanction will seem to be a non-binding one. This can manifest itself in the willful refusal to perform the enforcer penalties, i.e., in violation of rules, which appear as the binding regarding the enforcer, because applying the sanctions to the enforcer as a violator of «its own» rules can not take place for the same reasons.

The problems of enforcement and compliance of law have always been the focus of legal and administrative sciences, and in recent years – of the neo-institutional economy¹. In particular, the relation and interaction of the legal norms, on the one hand, and morality, traditions and other behavioral patterns (in the terminology we use – accepted as sociocultural norms), on the other hand, is not a new subject of research. However, the relevance of these issues is dictated by the practice.

The above-mentioned principle of priority of sociocultural norms over the institutionalized ones requires the authority carriers to analyze sociocultural situation in the society, before making a formal power management decisions, which will affect this decision, and make sure that the newly-applied decision (new institutionalized rule) does not come into conflict with the sociocultural norms – otherwise it will be non-realizable or require high costs of different resources to overcome the emerging transitional costs. Such an analysis is associated with serious difficulties. No wonder the endless talk about «special mentality» of the Russians, the proximity of Russia to Western culture or Eastern cultures, and so on, lots of research and debate concerning this subject, haven't yet created the tools which will be helpful for managers' practice in evaluation and decision-making.

A historical analysis of genesis is necessary for defining the sociocultural norms – seen as the value foundations and stereotypes of human activity, as they are formed by certain historical events.

Our proposed historical-reflective method of sociocultural analysis shows itself in the following. First, it highlights the historical events that «left the trace» in the minds of people, in their relation to the world and people, that gave birth to the new traditions, stereotypes of communication and activities. Secondly, in relation to these events, we ask questions, to which the researcher must answer (that is why the method is reflexive): what trace had each event left, how could it affect the subsequent events? Why the set values ??and norms were born and died, why they changed that way, but not another, could it be different, and what factors determined the choice of history – what it was, and what's left? And finally, the question, most important for managerial use of the results: what standards and samples will be saved for

¹ V.L. Tambovtsev. Grounds of Institutionalized Projecting / V.L. Tambovtsev. - M.: Infra-M, 2008; V.L. Tambovtsev. Theories of Institutional Changes / V.L. Tambovtsev. - M.: Infra-M, 2008.

future with high probability (and approximately for how long), what events can change them, and how can we influence the process?

Proponents of «rigorous» methods of research based on established accurate facts (and ideally, these are the traditional sociological and historical methods) may see too much subjectivity in the above-mentioned procedure and its results. It is difficult to argue that. However, any «rigorous» method, based on the facts, leads to more or less accurate, and valid conclusions only in its relation to the past. And the historian and sociologist are examining the processes that took place not on their own, but appear as the natural processes for them. The manager performs a fundamentally different activity – by his decisions, he builds an artificial world, proceeding from his principles and priorities, he turns not to the past but to the future. Subjectivity is inevitable in this case – a manager should take responsibility for the future (which is not required from the «classical» scholar), and must act only on their own behalf – a modest academic «we» is replaced by «arrogant», but the inevitable «I». And all the methods that control the results of research that had already occurred, with the transfer of results to the event that is only planned to happen, will inevitably bear subjectivism. The most «objective» methods of social and economic forecasting only leave the researcher a certain set of techniques at his discretion – exercising this choice, the researcher predetermines the outcome.

At the same time a very substantial challenge of sociocultural research area is its sociocultural heterogeneity, so that a normative sociocultural set of the territory is necessary to «be constructed» of the complex of various social groups, given their numerical ratio, degree of participation in the implementation of the planned institutional norms and other factors. In particular, the application of the historical-reflexive method described below to the conditions of a certain urban district describes a socio-cultural status of a «hereditary citizen», whose ancestors had lived all their lives in this city. In reality, these people are almost impossible to be found. Therefore, the basic assumption of historical-reflective method is the hypothesis of a «sociocultural absorption» of immigrants by the «native» population, we mean immigrants who are involved in active process of enculturation among the «native» population, but produce practically no effect upon its sociocultural status. An exception may be seen as a rather massive migration «infusion», as reflected in the local history and, therefore, taken into account by the historical-reflective analysis. As with any other hypothesis, this position is nothing more than a theoretical abstraction. Nevertheless, we assume that such concept can determine the basic sociocultural features of the area, which distinguishes it from other areas.

Specific historical material and his reflexive interpretation. An example of the method application is seen in the attempt of the authors to perform the sociocultural study within the development strategy of Samara.

The dedicated «key» historical events and their interpretation are listed below.

1. Foundation of Samara as a XVI century fortress, protecting the eastern border of Russia, created a «defense dominant» in the minds of citizens, forming the perception stereotype as a hostile, rejecting the «occupants and Vikings» in all spheres of life activity. In XX century, the norm has been strengthened by giving Kuibyshev (Samara during the period of 1935-1991) the status of «the closed city» in connection with the development of the military industry.

These rules didn't prevent the formation of national tolerance, which contributed to the growth of the city due to foreign immigration.

2. The process of city growing in one direction – along the Volga – due to the development of trade and navigation, promoted not only the lengthwise structure of modern highways

and transport issues, problems of water supply and heating systems, but also the fragmentation of the citizens, the lack of a strong bond with the city center. It resulted in low mobility of citizens within the city boundaries, territorial inequality in demand for socio-cultural and living conditions, lack of citizens' feelings of a «single city».

3. Revolts of I. Zarutskiy, S. Razin, E. Pugachev (XVII-XVIII cc.), left a trace of rebellion, the opposition of the population, free-thinking citizens.

4. The activity of the «Orenburg Committee» (XVIII century), which led to the 15 years' subordination of the city to the capital of Orenburg province administered by the governor-general (being distant over 400 miles), resulted in the consciousness of the citizens as residents of «insignificant» city, gave rise to provincial consciousness, lack of interest of citizens to their own history, formed an orientation to Orenburg and then to the East. The same effects were experienced in the beginning of the XXI century when the center of the Volga Military District was moved from Samara to Ekaterinburg. The construction of Zhigulevskaya hydropower station and AvtoVAZ in the 2nd half of XX century gave rise to a strong competition from the city of Togliatti, and also left a similar mark in the minds of the townspeople.

However, the administrative development of the city: as the center of the county in 1780, the province in 1850, the territory – in 1928 and the region – in 1929, the position of the Russian capital during the Samara capturing by Czechoslovakia troops in 1918 and the role of «spare capital» during World War II, gave rise to high political ambitions of the citizens. This is a controversial self-determination («we are the inhabitants of the capital», «we are the inhabitants of the insignificant city») is still the source of many problems of economic and social development of the city – the source of unrealized demands on the one hand, and social passivity, on the other hand.

5. Discovering the Iletsk salt, Syzran oil, livestock development in the Volga region in the 1st third of the XIX century, together with grain crop production in the Volga region in the 2nd half of XIX century, formed the most important trends in the economy of the city, including brewing and confectionery industry. Building military factories before World War I: pipe factory (manufacturing detonators) and Ivaschenkovo factory near Samara (now the city of Chapayevsk – manufacturing of artillery ammunition) – fixed the industrial profile of the city's economy. Evacuation of airplane factories to Kuibyshev in 1941 was of particular importance, as well as the development of rocket-space industry in 1950th. This formed the consciousness of the citizens as residents of a large industrial center, the creators of the most advanced technology at that time.

However, the development of the XVIII century trading business has given the city «the merchant's nature». Developed merchant traditions that shaped the mentality of people, being very profit-oriented, became the obstacle for the other layers of culture. This caused certain underestimation of the role of cultural factors in the city development from the position of population and authorities.

On the one hand, the contradiction of these norms caused the appearance of the non-realized expectations («Samara – Industrial Capital of Russia»), on the other hand, leads a sufficiently large proportion of the population along a relatively easy way to enrich themselves by means of trading, avoiding, for example, innovative entrepreneurship.

Another consequence of the industrial way of urbanization showed itself as lack of attention to environmental issues, typical to both the authorities and the public.

6. Specific trace was left by the fact that construction of the new objects of industry and power sphere in Soviet period, in many aspects, was performed by the prisoners. Memories of economic development «at any cost» due to political repression, allow a certain stratum of cit-

izens to dream of the revival of Samara industry by using «strong hand» even nowadays, and form a rather strong pro-communist layer.

7. The Soviet era has formed another stereotype – «to take from the government».

8. The development of space, creating an aerospace cluster determined the high scientifically-technological potential of the residents, developing the technological elite. But this led to negative consequences in sociocultural sphere: the technocratic consciousness, the predominance of the technical intelligentsia, deficit of humanities values, traditional authorities' neglect of the humanities and the arts.

However, the establishment of bard song clubs («MMC-62»), and in the future – the International festival of bard song («Grushinsky»), flourishing of dramatic art in the city during the 2nd half of XX century, show that the spiritual values were meaningful to population, though not always supported by the authorities.

Conclusion. The analysis states that most of the sociocultural characteristics of the citizens are extremely contradictory. This creates significant challenges for the city authorities. They are in need of precise positioning of their actions concerning various social groups, calculating the possible non-standard effect of these actions due to the norms of free thinking and opposition to authorities, on the one hand, and on the other hand – to consider the consumer type of consciousness and demand for a «strong hand». The fragmentation of citizens should be also kept in mind, as well as the lack of interest concerning city life and history from a substantial portion of the population, social passivity, along with the presentation of excessive, unrealizable demands to the authorities. We must skillfully build the policy of cooperation concerning the part of population, which is capable of constructive actions, and constructive interaction with the government – and lead a behavior line, named as relationship management with stakeholders – within the theory of corporate management.

The attempts to create a municipal government policy and strategy without considering these contradictions, in particular, relying only on labor and political enthusiasm, obedience to the law, recognition of human values – will lead to failure of management and problems with relations between the public and the authorities.

Scope of the Method application. Although the empirical material of this paper refers to the formation of a municipal entity – urban district, we can assume that the method can be applicable for developing the strategies and programs of regional development, and the analogue of this method could be also applied to the corporate development. In the latter case, a set of sociocultural norms is nothing but an organizational culture of the company, which is studied by a variety of methods, mainly sociological (of which the most important is the method of action research). However, organizational culture is composed historically – but the essential component here is not the history of the territory, but the history of the company – «turning points» of its fate, the change of leaders, crisis, reorganization, etc. Reflexive analysis of these points will make an important addition to the study of the organizational culture, performed by traditional methods. It should be borne in mind, that the company's organizational culture is strongly influenced by socio-cultural norms of the environment – we mean, the areas where the company divisions are located.

Thus, the authors express the hope that the described method will be useful in creating strategies and programs for the development of any social-activity systems.

Малый город в России: как сохранить горожан в городе

/Small town in Russia:
how to keep the citizens in the city/



Н.В. Барабошина
– аспирант
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ
– старший преподаватель Бузулукского гуманитарно-технологического
института (филиала) ФГБОУ ВПО "Оренбургский государственный университет"
Бузулук, РФ

Рассматривается малый город как своеобразный культурный феномен, даются пространственно-временные координаты исторического (эритерного) и современного (эссорного) культурного типа города. Рассматриваются современные проблемы малых городов России на примере Бузулука - полиэтничного малого города на границе Оренбургской и Самарской областей.

Ключевые слова: город, малый город, пространство малого города, исторический (эритерный) город, современный (эссорный) город, хронотоп малого города.

*N.V. Baraboshina
- a graduate student
Samara State Medical University, Samara, Russia
- senior Lecturer Buzuluk Humanities and Technological Institute (branch)
Orenburg State University
Buzuluk, RF*

We consider small town as a kind of cultural phenomenon, given the space-time coordinates of the historical (eriternogo) and modern (essornogo) the type of culture. The modern problems of small cities in Russia on the example of Buzuluk -small town on the border of Orenburg and Samara regions.

Keywords: city, small town, small town area, the historic (eriterny) city, the modern (essorny) city, small town chronotope.

На протяжении всей своей истории Россия неустанно и непрерывно создавала новые города, что в значительной степени было связано с закономерным процессом закрепления государства на новых территориях и попыткой их культурного освоения. В XXI в. Россия убедительно подтвердила свое право называться страной городов – Гардарикой, при этом преимущественно страной малых городов.

Малые города России традиционно являлись административными центрами сельскохозяйственных, промышленных районов или осваиваемых территорий. Эти города играют роль своеобразных столиц сельских районов и даже целых регионов. Они – своего рода сосредоточие жизни, «опорные точки» своих территорий, место расположения промышленных предприятий, транспортно-распределительные узлы, научные центры и зачастую единственные очаги культуры и образования. У каждого города – свой непо-

вторимый уклад жизни, свой облик, свой силуэт, образ, оригинальная мысль и память. Малый город – это своеобразный культурный феномен, по-разному раскрывающий свою суть в разные исторические эпохи.

Из мира «вещей второй природы» именно малые города в большей степени, обладая особой пространственной архитектурой, меняющейся в процессе исторического развития, способны определить культурно значимые характеристики развития человека, ориентиры его культурной практики. «Малый город» – это прежде всего не формальное, юридическое (с точки зрения численности населения, наличия статуса и т. д.), а культурологическое понятие (феномен), в котором воплощается определенная пространственная организованность и изменчивость бытия человека.

Отдельный культурным типом может считаться исторический малый, или так называемый эритерный (от фр. *hériter* – наследовать), город, основанный в дореволюционный период, с богатым культурным наследием, развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения. Для городов такого типа характерен достаточно высокий уровень культуропроизводящего результата, в них наблюдаются социокультурные практики по сохранению историко-культурной преемственности культурного наследия [1, с. 117]. Города такого типа отразили в своем пространстве процесс роста и укрепления российского государства. Координаты пространства и времени исторического города были заданы естественным процессом исторического собирания русских земель. Они зафиксировали в своем хронотопе столетия истории русского города и особую суть русского понятия «горожанин».

Россия изначально представляла собой пространство географическое, покорение пространств – это ключевая идея для русской государственности с момента ее зарождения. Геополитическая экспансия России определила специфику города как структуры, способствующей этому процессу. Города России изначально несли на себе функцию соединения воедино пушкинских «необозримых равнин» и гоголевского «необъятного простора».

Несмотря на естественный процесс, исторический город в России возникает как искусственное образование, как «проект будущего», по воле государственного строительства, как опорный пункт государственной власти в ходе исторического освоения пространств [2]. Русский город вплоть до XX века не противопоставлял себя русской деревне, соединяя на своей территории крестьянское и городское мироощущение. С. Кара-Мурза в этом контексте говорит о сплаве «космического чувства» крестьянина с присущими горожанину расчетливостью и рациональностью [3].

И.А. Ильин отмечал, что основное чувство, которое было присуще русскому народу, – это чувство незащитности в условиях «отовсюду открытой и лишь условно делимой равнины», где не было ограждающих рубежей. Исторические города России в первую очередь были призваны перегородить этот «проходной двор» [4, с. 431-432]. Поэтому города России возникают не как пространства экономические, основанные на корпоративном характере торгово-ремесленного населения, а как территории политико-административного центра [5, с. 316]. Города в России представляли собой огороженную территорию и тем самым сохраняли только форму города, не имея в основе его сути – истинного сообщества граждан.

Осуществляя анализ конкретного города, можно с легкостью увидеть выше обозначенные особенности.

Бузулук – малый город Поволжья, который с самого момента своего основания в 1936 г. полковником Петром Бахметьевым (в рамках экспедиции И.К. Кириллова) переживал трансформации, характерные для большинства исторических городов России.

«Не можно представить себе приятнейшей страны, ибо во многих местах находится лес сосновый, осиновый, березовый, также есть изобильные травами холмы и сенокосные луга. Сию вдоль Самары простирающуюся страну больше всех должно бы населить, потому что там довольно изрядной пахотной земли для множества деревень; также нет недостатка в лесах, и много преизрядных сенокосных лугов. В сей стране водятся еще дикие козы, сайги называемые, лоси... горностаи... куницы... медведи... множество журавлей, диких гусей с детенышками», – писал в 1769 г. академик Петр Симон Паллас, восхищенный местностью, где впоследствии был заложен город Бузулук [6].

Бузулукская земля – это традиционное место пересечения дорог, этносов, конфессий, укладов. В древнетюркском племени «бузу» или «базу» при добавлении «лук» означало «бунтарный», «мятежный».

Бузулук – крепость на границе Европы и Азии, возникшая между оседлым населением и кочевыми нагайскими племенами. Город был создан в ходе создания Самарской полосы крепостей-укреплений. Казацкое население Бузулука было «разбавлено» ногайскими, калмыкскими, татарскими поселенцами, которых насильственно согнали для несения службы. Бузулук – традиционно купеческий, торговый город с полуруральным образом жизни, соединенный с сельским пригородом купальнями близ мужского монастыря в прекрасном бузулукском бору, культурный центр с музыкальными и театральными площадками не в центре города, а на берегу живописной реки Самары, с городским пляжем и прогулочными улицами, уходящими из города в бор. Сложившийся образ города навсегда запечатлел единство города и окружающего ландшафта. Даже современные горожане, отвечая на вопрос о достопримечательностях города, в большинстве своем констатируют: «бузулукский бор».

В весенние периоды от волжской прибылой воды около города река Самара разливалась свыше шести километров в ширину. Суда поднимались от Самары не только до Бузулука, но в иные годы доходили и до Сорочинской крепости. Отсюда грузы на более легких судах доставлялись в Переволоцкую крепость или переволакивались гужевым транспортом и уходили по Сакмаре к Уралу в Оренбург, Орск, Верхнеуральск, Гурьев. Словом, город был своеобразными воротами в Азию – транспортным и торговым узлом.

Во время поездки из Симбирска в Оренбург А.С. Пушкин побывал в Бузулуке, изучая историю пугачевского бунта. Он останавливался на отдых в городе в ночь на 18 сентября 1833 г. В том году в Бузулуке насчитывалось немногим более трех тысяч жителей. По дороге в Оренбургскую ссылку Т.Г. Шевченко ненадолго задержался в Бузулуке. Через Бузулук по делам своих поместий проезжали С.Т. Аксаков, В.А. Жуковский, Г.Р. Державин. Л.Н. Толстой не раз посещал традиционную осеннюю ярмарку в Бузулуке, покупал здесь великолепных скакунов. «Поездка очень удалась, – сообщал он жене... – ярмарка очень интересная и большая. Такой настоящей сельской и большой ярмарки я не видал еще» [7]. Больше упоминаний о самом городе не сохранилось, в основном отмечалось богатство природы и бедность городского ландшафта.

С приходом в Бузулук в 1877 г. железной дороги город начинает расти быстрее. Об этом можно судить по короткой записи во втором томе настольного энциклопедического словаря товарищества «Гранат и К^о», вышедшего в 1897 г., то есть спустя 161 год со дня основания крепости и 116 лет после преобразования ее в город: «Бузулук – уездный город... на р. Самаре, 19 652 жителя, при устье речек Бузулук и Домашка. Заводы, торговля скотом и его продуктами, хлебом, две ярмарки, шитье тулупов» [8].

Бузулук, как и большинство созданных к началу XX в. городов, получил статус исторического, поскольку в нем в значительной мере сохранился естественный, органический историко-культурный потенциал [9].

Понятие «исторический город» появилось еще в 1970 г., когда Министерство культуры РСФСР утвердило список из 115 исторических городов и других населенных пунктов. В дальнейшем этот список постоянно расширялся, и на 2002 г. количество исторических городских поселений в Российской Федерации составляло 478. Из них 340 – малые и средние города.

В июле 2010 г. согласно приказу № 418/339 перечень исторических городов России был сокращен. На сегодняшний день в нем остался 41 город из списка 2002 г., из них 30 – малые [10]. В этом списке город Бузулук уже не присутствует.

Сокращение списка связано, скорее всего, с тем, что сами исторические малые города утратили в сознании своих горожан образ места с высоким историко-культурным потенциалом.

В XX в. эти города пережили ломку своего хронотопа, пытаясь подстроиться под тренды эпохи ускоренной индустриализации и урбанизации. Их военно-оборонительная функция стала неактуальной в условиях постоянных территориальных приращений, административная система тоже претерпевала реорганизацию, актуальность в этих условиях удалось сохранить лишь городам-заводам и городам – транспортным узлам. Пространство остальных городов было кардинально «перекроено», что повлекло за собой смену «смысла» города, зафиксированного его хронотопом.

Исторический тип малого города был подменен эссорным типом (от фр. *essor* – подъем, быстрое развитие). Это малый город, основанный в советский период, имеющий сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующийся наличием градообразующего предприятия, обладающий отдельными памятниками истории и культуры, современной архитектурой и развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения [11, с. 117].

Уже Декарт утверждает в начале своего «Рассуждения о методе», что города, которые сложились исторически и не могут полностью избавиться от иррациональности естественного порядка, должны быть полностью снесены, чтобы на освободившемся месте построить новые, рациональные, совершенные города [12, с. 250-296]. Утопичная мечта о полной разумности, ясности и подконтрольности городской среды приводит, таким образом, к развертыванию исторической динамики, которая проявляется в постоянной перестройке всех областей городской жизни.

В XX в. начинается интенсивная урбанизация, отмеченная «психологией крупной страны», «сопротивлением» пространства, «географической эйфорией» от безбрежных пространств, «безграничных» ресурсов и возможностей России, от естественного желания освоить и охватить все неосвоенное и в возможно более короткие сроки [13]. Пространство исторического малого города для этих перемен не подходит, возникает желание начать строительство города заново, с чистого листа. На его месте возникает культура городского посада, пригорода, занимающего как бы промежуточное положение между селом и городом [14].

Малый город в XX в. становится местом революций, переломов, новых начинаний, мимолетной моды, постоянных изменений стилей жизни. Появляется новый культурный тип города – город постоянных трансформаций, а затем стагнации, апатии пространства и времени бытия горожанина. Борис Гройс отмечает в качестве основных характеристик такого города декаданс, опасность, нервозность [15]. Эти ощущения горожанина можно объяснить деформацией социокультурного пространства города, в котором «все постоянно передается взрыву или сожжению, поскольку вновь и вновь предпринимаются попытки расчистить место для грядущего, для будущего, – но приход будущего без конца отменяется и отодвигается, поскольку обломки уже построенного оказывается невозможно

полностью удалить и текущая подготовительная фаза никогда не может прийти к завершению» [15].

В начале XX в. в ходе коренного слома всей российской государственности, голода 20-30-х гг., ускоренной индустриализации Бузулук приобретает черты типичного советского городского поселения. Стандартные образцы городской архитектуры «сдавили» исторический центр. Завод тяжелого машиностроения, машиностроительный и ликероводочный заводы, городской элеватор создали своеобразные промышленные точки. Культурный ландшафт города был представлен однообразным советским набором: дом культуры, библиотека, школа, техникум. Город как будто расширялся и развивался, а на деле углублялся псевдогородской статус его жителей.

У городского пространства в XX в. появляется новая стратегическая задача – задать временные координаты города будущего, разорвав связи с историческим городом прошлого. Модус будущего времени становится доминирующим для городской культуры. Патриархальная деревня в сознании человека XX в. теряет какую-либо ценность, а «суть» города в течение века начинает заново конструироваться. Но выйдя за рамки исторического, традиционного города, зачеркнув свое прошлое, Бузулук так и не приобрел истинно современные черты, не ощутил своих перспектив в будущем.

Форма города, заданная советским плановым хозяйством, превратила город в «тару» для размещения нового индустриального производства и рабочего населения. Минимизация расходов на культуру и образование разрушила и подточила уже сложившиеся городские традиции. Занятые огородами и уходом за скотом, жители города постепенно теряли потребность в городской коммуникации и культуре. Зависимость горожанина от своего натурального хозяйства не могла не вызвать маргинализацию городского населения. Горожане потеряли интерес к городским профессиям и образу жизни, а пригородные зоны агломераций расширяли пространство города дачами и садами. Минимизировав расходы на культурную городскую политику, правительство отдало город на растерзание псевдогородской культуре, обусловленной статусом городского поселения и привычными архитектурными штампами городского ландшафта.

В современных условиях Бузулук как типичный город постсоветского пространства пытается заново определить свои культурные координаты в сложных условиях глобализации и модернизации, ощутить собственный неповторимый образ и облик, позволяющий увидеть будущие перспективы, точки роста.

Пока пространство города определено сугубо эксплуатационными доминантами – рынками, магазинами, торговыми центрами, где горожанин потребляет товары и услуги, чтобы обрести некое подобие «смысла» быть горожанином. Эту особенность социокультурного восприятия города как торгового центра прослеживает Ж. Бодрийяр, отмечая, что гипермаркет служит пространством «операционной симуляции социальной жизни» [16, с. 143]. Попасть в эксплуатацию – это когда тебя используют по какой-то полезной функции, но при этом не интересуются твоей личностью, твоей духовностью, твоим собственным вектором развития. В таком эксплуатационном формате горожанин практически гарантированно со временем превращается в обывателя – человека, лишённого общественного кругозора и личной стратегии развития, живущего только мелкими интересами и озадаченный выживанием в сегодняшнем дне.

Тем не менее исследователи отмечают, что исторические города России, в том числе и Бузулук, пережившие социокультурные трансформации XX в., сохранили особую организацию пространства и времени, которая обладает особым культурным потенциалом.

В пространстве Бузулука особенно сильна «архитектура земли», которая отличается первозданным ландшафтом, растворением в окружающей природной среде. Антропогенное воздействие на естественный ландшафт при постройке города было очень органичным: прокладка дорог и строительство были организованы с учетом особенностей рельефа, заболоченности участков. Для постройки использовались в основном пойменные земли на изгибе реки, окруженные лесистой местностью.

Пространство города отличает сомасштабность с человеком – большая часть города представлена малоэтажной частной застройкой. Город не подавляет ни природу, ни человека громадными сооружениями, как это происходит в городах-гигантах, он органически вписывается в окружающий ландшафт.

Бузулук как типичный малый город является достаточно комфортной средой обитания людей, в первую очередь из-за своих скромных размеров. В нем все близко, все расположено в пределах пешеходной доступности, поэтому, как правило, нет надобности в городском транспорте. Здесь спокойный ритм жизни, отсутствуют спешка и суета, есть возможность непосредственно и каждодневно ощущать природу, чувствовать себя ее частью.

Горожанин в Бузулуке защищен более четкой и понятной системой коммуникации, в свою очередь определенной более органической структурой и цикличностью времени. «Времена года, погода, естественное поведение обитающих рядом и вместе с ним задают естественный строй времени, и если сжиться с ним, то и проблем почти не возникает. Однако такой ритм, хотя по-своему органичен, хорош и привлекателен, но не всегда позволяет человеку совершать волевые интенсивные усилия для самоустроения жизни, задать новый темп своей деятельности, сколь-нибудь независимый от окружающей природы» [17, с. 168].

Органична и на редкость современна полиэтничность Бузулука. Город на границе между Европой и Азией, между разными российскими регионами, близкий к Волге и к Уралу, заселенный изначально русскими, калмыками, татарами, приютивший эвакуированных во время войны, гордится поколениями учителей, врачей, не уступающих любым светилам. Память о прошлом города – надежный культурный ресурс в воспитании активной молодежи.

Исследователи также отмечают особый культурный потенциал малых городов. Возможности их возрождения связывают с расширением гражданской активности горожан, в том числе с использованием их привязанности к своему городу. Судя по результатам наших опросов, привязанность к своему городу, несомненно, существует [18].

Малые города в отличие от мегаполисов способны создать более гармоничные площадки коммуникации, единую коммуникативную среду. Малый город говорит с его жителем на близком и понятном языке знакомых, друзей, родственников. Пространство города, освоенное в мелочах и знакомое с детства, не содержит тайн и опасностей, а заранее готовит горожанина к восприятию, действию в самом широком смысле (как внутреннему, так и внешнему). Коммуникация малого города имеет характер более близкого, неформального, личного взаимодействия. Здесь принято здороваться в магазинах и интересоваться личными делами начальника, знать в лицо городских чиновников и соседей по улице.

Бузулуку как малому историческому городу требуется не только воссоздать традиционные коммуникационные площадки (церковь – рынок – прогулочная аллея), но и дополнить их современными виртуальными и реальными (креативными, публичными) пространствами городского общения.

Жизнь каждого исторического города индивидуальна, она имеет свои особенности. В этой индивидуальности заложены возможности развития тех уникальных элементов го-

рода, которые могут быть использованы в разработке программы его дальнейшего развития. Образ каждого малого города во многом определен его базовыми функциями, окружающим ландшафтом, его удаленностью от центра региона и столиц.

Гармоничное пространство и ощущение времени малого города позволяют ощутить его своим, личным пространством, способным пробудить творческий потенциал и гармоничные отношения человека и места. Исторический малый город, хотя и подверженный кардинальным перестройкам исторического ядра и дисфункциональным сбоям, имеет больше шансов обретения себя за счет более гармоничной структуры хронотопа (более органичной пространственной и временной организации, основанной на длительной исторической памяти). В результате формируется такая историко-культурная среда, которая может дать человеку ощущение устойчивости и защищенности. Социальная среда такого города может выполнять эстетическую и просветительскую функции подлинного города.

Литература

1. Балдандоржиев Ж.Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – № 3 (27). – С. 112-119.
2. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 4 (30). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru>
3. Кара-Мурза С. Хрупкий мир // Наша власть – лица и дела. – 2005. – № 11. – Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru>
4. Ильин И.А. Россия есть живой организм // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 429-443.
5. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской Императорской академии наук. – Спб., 1786-1788. – Ч. 2. – Кн. 1 (1770). – 1786. – 471 с.
7. Толстой С.Л. Очерки былого. Воспоминания о Льве Толстом. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1965. – 512 с.
8. Настольный энциклопедический словарь. Т. 2. Ботанический залив – Грациус. – Берлин: Товарищество А. Гранат и К., 1897.
9. Лысова Н.Ю. Малый исторический город: культурные параметры и актуальные проблемы // Регионоведение. – 2008. – № 2. – С. 357-359.
10. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2011 № 337-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.04.2012) (ред. 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.
11. Балдандоржиев Ж.Б. Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья) // Гуманитарный вектор. – Чита: ЗабГГПУ, 2011. – № 3 (27). – С. 112-119.
12. Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
13. Могутова Л.С. Исторический город: социокультурная характеристика и тенденции развития: автореф. дисс. ... канд. философ. наук / Л.С. Могутова. – М., 1998. – 25 с.
14. Быстрицкий А. Urbsetorbis // Новый мир. – 1994. – № 12. – С. 167-180. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru>
15. Гройс Б. Город в эпоху его туристической воспроизводимости // Неприкосновенный запас – 2003. – №4 (30). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru>
16. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция, Республика, 2006. – 464 с.
17. Быстрицкий А. Urbsetorbis // Новый мир. – 1994. – № 12. – С. 167-180.
18. Барабошина Н.В. Молодежь и малый город: проблемы «переходного» возраста // Время культуры и студент в зеркале времени: «переоткрытия». – Самара: СамГМУ, 2011. – С. 35-39.

Одиссея раннего Саратова /Odyssey of early Saratov/

С.А. Браташова, кандидат географических наук
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Саратов, РФ

Анализируется ландшафтно-географическое положение Саратова как один из типичных примеров урбанизации Поволжья. Скорость процессов урбанизации, их амплитуда и фазы специфичны в пространстве и во времени. Наглядный тому пример – города Поволжья, имеющие свои опорные цивилизационные точки и начала отсчета.

Ключевые слова: урбанизация, ландшафтно-географическое положение, Саратов.

*S.A. Bratashova, Cand Gr.
N.G. Chernyshevsky Saratov State University
Saratov, RF*

The author analyzes a landscape and geographical position of Saratov as one of the typical examples of urbanization of the Volga region. The speed of urbanization process, their amplitude and phases are specific in space and in time. Evident example are the cities of the Volga region: they are having the reference civilizational points and reference marks.

Keywords: landscape and geographical position, urbanization process, space and time.

Современная цивилизация в своем продвижении по стадиям глобальной урбанизации (поселения – города – агломерации – мегарегионы) вступила в новую фазу развития. Каждый из регионов планеты идет по этому пути в собственном ритме. Вектор скорости процессов урбанизации, их амплитуда и фазы специфичны в пространстве и во времени. Наглядный тому пример – города Поволжья. Для осмысления динамики процесса необходимы опорные точки, фиксация начала отсчета, но у Понизовья Волги очень непростая история. Возраст и место основания многих его городов по сей день остаются предметом острых дискуссий. На характерном для южного Поволжья примере Саратова возможно продемонстрировать необходимость и сложность нахождения опорных точек процесса урбанизации, так как при их отсутствии все последующие расчеты и логические построения не могут быть признаны достоверными.

Официально датой основания Саратова считается 1590 г., место не установлено. Вопрос «изначального» Саратова активно дискутируется уже 225 лет. Положил начало вариациям на заданную тему пятый том «Лексикона» А. Щекатова 1787 г. В знаменитом словаре без указания на источники говорится, что прежде город «стоял на луговой стороне при речке Саратовке, где и ныне видно еще место, которое окружено было

двумя земляными валами. Построен по указу Государя, царя Феодора Иоанновича в 1591 году для избежания частых нападений от кочующих около онаго народов» [1]. Издание в 1841 г. первого тома «Актów исторических» с Наказом № 230 (от 1591 г.) астраханским воеводам Пушкину и Сицкому, в котором Саратов упомянут с эпитетом «новаго города» под 1590-1591 гг., казалось бы, требуемый источник предоставило.

Эти публикации стали базой для последующих рассуждений о левобережном Саратове 1590-1591-го года основания И. Беяева (1846), А. Леопольдова (1848), Г.И. Перетятковича (1877), Н.Ф. Хованского (1888). К 300-летию юбилею города в солидном исследовании «Год основания Саратова» в 1889 г. С.С. Краснодубровский поставил точку: «После всего вышеизложенного мы имеем, кажется, полное право сказать, без боязни впасть в ошибку, что Саратов был основан в 1590 году на левом берегу Волги, в четырех верстах от впадения в нее реки Саратовки, на что есть точныя указания у Олеария» [2].

Увы, трехсотлетний юбилей «полное право» стройной схемы столетних изысканий заметно пошатнул. 31 мая 1890 г. было «заслушано сообщение В.И. Холмогорова о «Саратове-острове» в 1597 году», и тогда же «разсмотрели представленный П.С. Соколовым снимок с заметки на Евангелии XVI столетия, хранящемся в Казани» [3]. Переснятая Соколовым запись «Лета 7098 года месяца июля во второй день на память положения пояса Пречистыя Богородицы приехал князь Григорий Осипович Засекин да Федор Михайлович Туров на заклад города Саратова ставити» свежей информацией не обогатила. К тому же, как справедливо отметил Ф.Ф. Чекалин в 1892 г., она находилась «в одном рукописном евангелии, сохранившемся в частных руках и пока гадательно отнесенном к 16-му веку» [4], то есть не считалась источником. А вот неожиданно возникший в документе Разрядного приказа «Саратов-остров» явно оживил дискуссию.

В следующем 1891 г. Н.Ф. Хованский и С.С. Краснодубровский попытались спасти теорию, создав остров на левом берегу. У Хованского они безымянны. У Краснодубровского «от ногайцев с севера будущий город отрезан был рекою Караманом и мелкими речками и ключами, а с юга рекой Саратовкой» [5]. Идея острова от Карамана до Саратовки создала проблемы с топографией, но привлекла внимание к документам, картам местности и более ранним населенным пунктам, с которыми мог быть сопряжен город. Тогда вспомнили про опубликованный в третьем томе «Актów исторических» 1841 г. другой подлинный документ – «Наказную память головам 1614 года», где упомянуты два поселения с этим именем – Саратов и Саратовское городище. К тому же в 1892 г. вышел XXI том «Трудов Восточнаго отделения императорскаго Русскаго археологическаго общества», где при описании зимовки персидскаго посольства в Саратове неоднократно упоминался Курдюм-остров в семи верстах от Саратовскаго острога. И уже в том же 1892 г., с учетом европейских источников, в частности карт И. Массы и Г. Герритса, где Саратов стоит на правом берегу, Ф.Ф. Чекалин объединил информацию в гипотезе о двух городах: Саратове-остроге 1590 г. на левом берегу и Саратове-посаде со слободами и монастырями 1614 г. на правом у Воровскаго (Глебучева) оврага.

В поисках двух городов с именем Саратов вспомнили и про другие поселения позднего Средневековья – Увекское, Танавское и другие городища. Приобрела со временем популярность гипотеза 1923 г. А.А. Гераклитова: «Есть основания думать, что наш Саратов два раза, а не один менял свое место. Построенный в 1590 году где-то <...> на правом берегу Волги выше ныншняго его местоположения, он после гибели в смутное время, в 1614 году, был возобновлен на левом берегу, на стрелке, образуемой Воложкой и Саратовкой, а отсюда (пока неизвестно когда) перенесен на то место на правой стороне Вол-

ги, где существует и сейчас. <...> Мы почти уверены, что более тщательные археологические поиски в окрестностях Пристанного не остались бы безрезультатными» [6].

И поиски, казалось, действительно увенчались успехом после работ 1960-1965 гг. Е.К. Максимова, Д.С. Худякова, И.В. Сеницына на Танавском городище у устья р. Гуселки близ Пристанного [7]. Раскопки дали материалы не только поздней бронзы, городищской и золотоордынской культур, но и позднего Средневековья. Поселение попало в учебники и художественную литературу как «Саратов изначальный», несмотря на отсутствие опровержения «южной» Увекской гипотезы, выдвинутой в 1913 г. В.П. Юрьевым и П.Г. Любомировым.

Ныне приверженцами «южного варианта» являются Б.Н. Донецкий, Ф.А. Рашитов, Р.А. Сингатулин. В 1998 г. Б.Н. Донецкий указал Саратов 1590 г. создания на левом берегу у оврагов Пшеничного и Вихляного к северу от п. Анисовки [8]. Ф.А. Рашитов и Р.А. Сингатулин пишут, что «российский город Саратов возник на историческом фундаменте золотоордынского Укека». В качестве промежуточного звена меж Укеком и Саратовом они, ссылаясь на «Булгарскую историю» Ш. Булгари 1580-1581 гг., указывают поселение Сары-атав (Саратау), возникшее, по мнению этих авторов, «очевидно, в середине XVI века». Авторы связывают с ним очень обширную территорию: «независимо от того, где оно находилось – рядом с Увекским городищем или на левом берегу Волги» [9], то есть топографической локализации ни Саратау, ни Саратова Засекина у них нет.

Несмотря на разброс мнений, саратовский краевед В.Н. Семенов в 2011 г. вновь попробовал поставить точку, так сказать, в декларативном порядке: «Ныне можно считать твердо установленным фактом, что Саратов основан в 1590 году. <...> Факты, почерпнутые из разных архивных документов, обоснованно позволяют считать, что местом основания Саратова был район Пристанного на правом берегу Волги» [10]. Но именно факты из архивных документов опять превратили эту точку в многоточие:

– во-первых, вопрос вызывает место закладки города – по доминирующей гипотезе это мыс у р. Гуселки, где был будто бы поставлен Саратов 1590 г. Но остров и мыс коренного берега, именуемый в документах того времени не иначе как «горами», перепутать в разрядных книгах не могли;

– во-вторых, дата основания «изначального» Саратова также сомнительна уже по Наказу № 230. Документ 1591 г. гласит: «...торговые люди бьют челом Государю Царю и Великому Князю по вся годы: как де они с государевыми запасы придут в Асторохань, и прежние деи воеводы и дьяки, а ныне боярин и воевода князь Федор Михайлович Троекуров с товарищи да дьяк Меншик Дюрбенев, запасов у них, из судов, в Государевы житницы долго отмеривати не велят; <...> и для де того суды их до заморозов вверх не всходят, мерзнут деи на Волге, меж Переволоку и Саратова, а иные меж Саратова и Самары, а ближние меж Самары и Казани, а до Казани некоторые суды с солью и с рыбою не всходят, и от того деи они обнищали» [11]. Из текста видно, что речь явно идет не об одной только навигации 1590 г., так как упоминаются воеводы и события ряда предыдущих лет. Опубликованные ныне документы только упрочили эти сомнения. Так о каком Саратове упомянуто в Наказе и как твердо установлен факт его возникновения в 1590 году?

– в-третьих, неоднозначно звучит и раннее имя города, достаточно широко варьируемое в то давнее время.

Поэтому вернемся к эпохе царя Федора Ивановича – времени освоения новых для Московии земель Пониловья Волги. При создании здесь первых после завоевания Казани и Астрахани московских городков-крепостей название городу давалось с обязательным использованием известного издревле места с устоявшимся наименованием. Схема

обозначения их в актах и разрядных книгах крайне проста: новый город или новый царев город, и далее шло название местности, где он поставлен. Например, 1586 г. – «в цареве городе на Кокшаге, в новом цареве городе на Санчюрине озере»; 1587 г. – «в новом городе на Самаре, в новом городе на Уфе»; 1590 г. – на переволоке в цареве городе, в новом городе на Саратове острове» [12], где Кокшага, Самара, Уфа – названия рек, а переволока – известнейший волок между Доном и Волгой. Впоследствии писцами наименование сокращалось, и в более поздних по годам записях оставались: Царевokokшайск, Самара, Саратов и так далее.

Эти крепости ставились в узловых пунктах пересечения путей для контроля над торговыми потоками и посольскими караванами. Если речь шла о реке, то в большинстве случаев упоминалось устье, если не было дополнений. Для «Саратова-острова» определиться с первоисточником, как показало время, особенно сложно. Суффикс «ов» говорит о принадлежности этого острова какой-то известной местности с близким именем (как у Петра – дети Петровы), то есть саратовских островов могло быть много. Но что это была за местность, упомянутая в Наказе № 230 и давшая имя «Саратову-острову»?

Зацепка была в том, что в конце XVI в. Московия лишь начинала освоение Поволжья, и имен собственных, как видно из документов и карт, знала мало. То есть объект, давший острову имя, тогда был широко известен. Обращение ко вновь опубликованным источникам показало, что близкое по звучанию и времени наименование действительно встречается, причем задолго до 1590 г., в казанских, европейских и русских документах.

Так, в 2009 г. был опубликован отсканированный Троицкий список с древнерусским текстом «Хождения за три моря» Афанасия Никитина [13]. Всем со школьной скамьи знакомый текст: «И поехал я с ним на низ Волгою. Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан. И въехали мы в Бузан-реку» всегда рождал вопросы: что это за Орда и Услан ниже Казани, но выше по течению от Сарая и ответвления протоки Бузан? При электронном сканировании вид названий заметно изменился. Таинственный Услан оказался привычным для слуха Оусланом (рекой Ерусланом). Между ним и Казанью вместо Орды всплыл загадочный «Отрдоу», так как омега с двумя точками в древнерусских текстах читалась как лигатура «от».

Возможные вариации «доу», «тоу», «тау» навели на мысль о знакомом Сарытау – Саратов. Ведь Троицкий список был напрямую скопирован с немало перенесших тетрадей уже умершего Никитина, и можно предположить, что в оригинале вместо понятой переписчиком как лигатура «о» могло быть очень близкое по начертанию «со», т. е. «сордоу». При принятии этого предположения в качестве рабочей гипотезы встал вопрос о других упоминаниях о Сордоу – Саратов до 1590 г., времени официального основания Саратовской крепости.

Оказалось, что кроме дискуссионного Отрдоу – Сордоу Никитина 1469 г. Саратау неоднократно упомянут в «Казан Тарихы» («Истории Казани») Мухаммедьяра Бу-Юргана (1502-1551 гг.) и со слов потомков.

1476 (?) г. «<...> мурза Азан бежал со своим отрядом в 400 всадников в Булгар во время нашествия Ахмада на Крым и нанялся на службу к Юсуфу. Улугбек дал им во владение участок земли возле Саратау, где они основали острог Даулитек. Одна половина их несла казаческую службу по охране границы и проводке послов и караванов от Даулитек до Крыма, а другая была удостоена чести охранять Улуг Болгар <...>, а также проводить караваны от Улуг Болгара до Даулитек» [14].

1531 г. Триста джигитов не позволили заставе Саратау захватить Сафу (Сафа-Гирей – правитель Казани, бежал вниз по Волге после восстания. – С. Б.) и благополучно передали его прибывшему к балику отряду из Крыма (ibid).

1551 г. «Сербийские курмыши и арские кара-чирмыши, не говоря уже о наших язычниках, присоединились к нему, и война охватила всю Горную Булгарию от Саратау до Тау-Кермана» (ibid).

Уделили немного внимания ему и проплывавшие мимо европейцы.

1603 г. Г. Тактандер, спускавшийся с посольством императора Священной Римской империи вниз по Волге, употребил название Сарата – Saratha [15].

1636 г. На карте А. Олеария, использовавшего для своего путешествия один из ранних русских чертежей, о чем писал еще в 1663-1666 гг. его современник Ю. Крижанич, фигурирует не Саратов, а Сорато (Sorato) [16].

1698 г. Сарато (Sarato) дан на «Чертеже всех Сибирских градов и земель» С. Ремезова, где Поволжье скопировано с одного из ранних русских чертежей [17].

Таким образом, близкие вариации названия какого-то более раннего поселения – Сорото, Сорато, Сарато, Сордоу (?), Саратау, Саратов, по-видимому, связанные с общеизвестным волжским «оканьем», бытовали столетия в данной местности. Но тогда его существование должно было как-то отразиться и в официальных документах Московского государства. Действительно, несмотря на то, что освоение Понизовья Волги лишь начиналось и свидетельств той эпохи сохранилось ничтожно мало, при внимательном прочтении источников удалось выявить два факта, связанных с более ранним Саратау – Саратовом.

Первый из них отыскался в «Памяти стрелецким головам» 1614 г.: «Лета 7122 мая в 23 день <...> вы приехали на Саратовское городище мая в 21 день; и вы из Самары отпущены под Астрахань мая в 17 день, а велено вам ехать к Асторохани наспех, днем и ночью <...> и вы то делаете негораздо <...> заезжали есте на Саратовское городище и копали ямы и искали поклажеев, а от города заезжали к Саратову близко 10 верст <...> и прислали колокола; а мы вас послали под Астрахань наспех, а не ям копать, и не поклажеев искать и не для колоколов» [18]. А.А. Гераклитов логично и весьма убедительно еще в 1923 г. доказал, что под Саратовским городищем следует понимать разрушенный и сожженный зимою 1613 г. Саратов 1590 г. основания, а не Увекское городище. Но встал закономерный вопрос: в какой тогда Саратов эти колокола были завезены? Существование в 1614 г. двух городов с именем Саратов (одного – сожженного зимою и второго – в то время здравствующего) никак не может быть объяснено воссозданием новой Саратовской крепости, как предполагалось ранее. Ведь Саратовское городище в это время находилось в буферной зоне между казацкими соединениями атамана Заруцкого, засевшего на юге, и Московией. Во время боевых действий, а уже 28 марта 1614 г. в Самаре стало известно, что Заруцкий готовится к походу «с большим нарядом и с вогняными пушками под Самарский и под Казань» [19], никто не стал бы заниматься его воссозданием. Для этого не было ни людей, которые зимой ушли в Самару, ни условий. В самой Самаре «гарнизон крепости состоял всего лишь из 50 конных и 250 пеших стрельцов, да и те, по отписке воеводы, оказались «бедны, наги, бесконны». Правда, из разоренного Саратова пришло 75-77 конных и 150 пеших стрельцов, но те «имели еще более убогий вид» (ibid).

Документы показывают, что начало восстановления Саратовской крепости относится лишь к 1617 г., когда ситуация относительно нормализовалась. Поэтому если сгоревшая Саратовская крепость, заложенная Туровым и Засекиным в 1590 г., в мае 1614 г. была указана как Саратовское городище и на нем ушедшие зимой в Самару казаки-погорельцы искали свои «поклажаи» и колокола, то необходимо решить вопрос: в какой Саратов они эти колокола завезли? Причем доставили далеко – за десять верст (или даже двадцать, так как в документе начала XVII в., вероятно, использованы еще старые 1000-саженные версты). Возникший в бесспорно достоверном источнике второй (или первый?) Сара-

тов заставил внимательнее взглянуть на географические документы той эпохи – они-то и дали следующий опорный пункт: более раннее поселение с близким названием.

Важнейшим географическим источником XVI – XVII веков является «Книга большого чертежу». «Большой чертеж» России составлялся дважды. Первый раз – по указу Ивана Грозного до создания московских крепостей на Волге (наиболее вероятно, около 1570 г.), второй раз – с утверждением новой династии Романовых. Его роспись, так называемая «Книга большому чертежу», составленная в 1627 г. в Разрядном приказе по царскому указу и содержащая данные обоих источников («старого» и «нового» чертежей), рассматривается как официальный по своему происхождению памятник. В «Книге большому чертежу» о городе говорится: «От Самары до Саратова 200 верст (в исчислении XIX в. 448 верст. – С. Б.). <...> А ниже Иргыз реки 30 верст Караман река (в исчислении XIX в. около 65 верст. – С. Б.) <...> а ниже Карамана реки 40 верст на Волге город Саратов» [20].

Казалось бы, в 1627 г. в подновленном чертеже речь должна уже идти о левобережном Саратове 1617 г. И это так. Далее указывается: «А с нагорной стороны выше Саратова пала река Таибалык; а на Волге реке против Саратова остров. А ниже того острова с нагорной стороны пала в Волгу река Увеша; а ниже ее городище Увешенское». Действительно, в «Книге большому чертежу» все соответствует общим беллетристическим описаниям начала нового XVII в. Совпадает все, кроме расстояний, которые даются еще старыми 1000-саженными верстами от реки до реки, явно со «старого» чертежа, созданного до возникновения русских крепостей в Поволжье (Увеша – Иловка – 60; Иловка – Камышенка – 50; Камышенка – Балыклея – 40; Балыклея – Царица – 80 верст). Расстояний между Саратовом – Царицыным и Царицыным – Астраханью нет.

То есть неясно, до какого Саратова указаны сорок старых верст (более 80 новых) от реки Карамана? Где он стоял? Ни правобережный Саратов 1590 г., размещаемый близ устья р. Гуселки, ни левобережный Саратов 1617 г. у р. Саратовки не подходят, от них до устья указанной реки намного ближе. И почему ниже Саратова расстояния идут от реки Увешы? Если бы Саратов, о котором идет речь в документе, и р. Увеша были разнесены достаточно далеко друг от друга, что имеет место для крепостей 1590 и 1617 гг. основания, возник бы заметный разрыв в волжском поперечном «километраже». То есть Саратов весны 1614 г. (точнее, более ранний «дозасекинский» Саратау, давший имя более поздним городам) должен находиться где-то близ очень древнего города Увека.

Косвенным подтверждением «домосковского» этапа существования Саратова могли бы быть данные одного из выдающихся европейцев – знатока России второй половины XVII в. Н. Витсена: «Этот город Саратов, теперь в основном разрушенный, прежде был мощным городом, построенным из кирпича. Там стояло много великолепных дворцов и большой дворец для увеселения. <...> Отсюда, если нужно, перевозят оставшиеся камни в Астрахань» [21]. Но смущает путаница сходных данных о Саратове и двух Сараях на Ахтубе (впрочем, под такое описание подошли бы и другие золотоордынские города Поволжья). Лишь последующее упоминание Витсеном, что «он уже раньше был основан Александром», позволяет сузить круг претендентов до двух пунктов на Волге: Водянского и Увекского городищ [22]. Оба эти пункта имели левобережные города-спутники, оба были основаны задолго до эпохи Золотой Орды, во II в. до н. э., как указывал профессор Ф.В. Баллод [23]. Их координаты (как античных поселений) в IX в. н. э. приводил выдающийся ученый Востока М. ал-Хорезми [24]. Но в данном случае речь явно шла о Квасниковском городище, знаменитом Яйлаке, отмеченном на картах Фра Мауро (1459 г.) и Пицигани (1367 г.), городе у сорока сороков островов, рожденных тектоническими разломами, пересекающих Волгу окрест Саратова.

От Саратовского городища на острове (1590-1613 гг.), если искать его близ Пристанного, до Квасниковского действительно около 20 новых – 10 старых верст, указанных в «Памяти стрелецким головам». Левобережное городище лежит почти напротив Увекка и реки Увеша, и разрыва в поверстном исчислении нет. На нем действительно длительное время выламывались золотоордынские кирпичи. Завершение этого процесса успели зафиксировать члены СУАК в конце XIX в., после того как в 1893 г. оно было найдено Ф.В. Духовниковым: «Около села Квасниковки тоже есть древности, почти уничтоженные как временем, так в особенности человеком. <...> В сажнях двухстах от Квасниковки и в сажнях восьмидесяти от обрывистого берега Волги видны с дороги выпуклости. <...> Тут была когда-то каменная постройка, давно разобранные жителями. В нескольких сажнях к северу заметна другая четырехугольная выпуклость <...>. По описанию жителей, здание было построено из квадратного тонкого кирпича, очень твердого и хорошо обожженного. Находили там синяго и голубаго цвета кафеля. <...> В этой местности находили прежде много татарских старинных денег, за что эту местность называют Грошовое. <...> Кроме курганов, в дачах Квасниковки верстах двух трех от нея к востоку находится городище... представляет из себя груды кирпичей. <...> Наконец, в Квасниковском займище есть интересное в археологическом отношении небольшое озеро Кладовое. <...> Говорят, в нем находили не только русския деньги (пятаки), но и татарския» [25].

В 1909 г. А.А. Кротковым и П.Н. Шишкиным в полутора верстах от Квасниковки к северо-востоку были обследованы остатки каменного сооружения 50 сажень в окружности, также несколько курганов, и «вскоре удалось нам напасть на довольно порядочную площадь, сплошь усеянную очень мелким кирпичем, осколками толстостенной глиняной посуды, а также обливной штукатурки» [26]. Нахождение здесь крупного древнего города подтверждает и ранняя топонимика, сохранявшая помимо вышеупомянутых Грошового, Кладового еще и овраг Мечетный, Сухую Мечетку, Мечетную воложку, как бы напоминая об указе 1588 г. царя Федора Ивановича ломать «мизгити (мечети. – С. Б.) и полаты в Золотой Орде и тем делати город» [27].

При всей логичности предположения о нахождении раннего Саратау на Квасниковском городище у вдумчивого читателя встает вопрос: почему же в 1590 г. князь Засекин не использовал его плюсы, а столь далеко сместил создаваемую по указу московского царя крепость от древней и хорошо обжитой по обоим берегам Увекской переправы? Ведь здесь были богатые рыбные промыслы, высокие доходы от перевоза и ломки камня. Здесь сходились древние пути к Уралу, Каспию и Черному морю, а князь зачем-то спрятал новую крепость в дебрях волжских займищ.

Возможно, сказался человеческий фактор, и лишь опрометчивая жестокость князя Г.О. Засекина привела к 84-летней одиссее Саратова. Именно он, будучи самарским воеводой, казнил в марте 1587 г. Матвея Мещеряка с товарищами. Мещеряк был одним из самых влиятельных волжских атаманов – ему удалось вывести остатки дружины Ермака на родину. Но особый цинизм его поступка заключается в том, что князь сам пригласил Мещеряка с казаками на службу и сам же спровоцировал конфликт с ногайскими послами. «Государь Федор Иванович Матюшу Мещеряка, да Тимоху Пи...ша, да иных их товарищей пуших велел казнить перед ними послы смертною казнию» [28], причем атаманы были схвачены менее чем через год после сибирской эпопеи.

После этой казни у Засекина, весьма удачно расположившего крепость Самару, почему-то вдруг пропал градостроительный дар. Что Царицынская крепость, что Саратовская ставятся на островах, в обоих случаях неудачно. Не из боязни ли казацкого гнева как можно далее отодвигал Засекин свои последние городки от известных обжитых мест

у древних путей и переправ, контролируемых в то время казачеством? Быть может, он желал защититься хоть на время, нигде долго не задерживаясь. Уже в год основания крепости «лета 7098» в Разрядных книгах указывается: «в новом городе на Саратове острове голова Федор Туров» [29], и только. А станица на Уевке была в то время одним из главных центров волжских казаков. В расспросных листах есть строки, подтверждающие этот факт: «в роспросе <...> и на пытке твоему государю воеводе <...> сказали атаманы и Литва, что послали весть на Волгу, и на Увек и на Яик к атаманам и к их товарищам, а велели быт всем нынешняго 95 году к твоему государеву городу (Самаре. – С. Б.)» [30]. Прося помощи, сзывая отряды, великий волжский атаман поставил малую речку Увек (протекающую в пределах Заводского района Саратова) наравне с Волгой и Яиком, причем за три года до основания Саратовской крепости. Казаки опоздали, но тем сильнее могла быть их ненависть.

Нелучшее размещение Саратовской крепости 1590 г. на острове привело к длительной одиссее города, пока он не вернулся к издревле обжитой котловине меж Соколовой и Увекской горами, объединив левый и правый берега новой агломерацией, теперь уже не Увека и Саратау (Квасниковского городища), но Саратова и Покровской слободы (Энгельса), которые со временем все более и более разрастались в сторону древнейшей Увекской переправы, а затем достигли и поглотили ее. Лишь это возвращение к очень раннему торговому пути с Урала к Волге дало возможность вновь расцвести городу.

Тюркская форма могла произойти «от санскритского *sārtha*, что значит торговец» [31]. Впрочем, и классическое булгарское Сарытау уместно для этого поселения, где левобережное поднятие издали бросается в глаза своим ярко-бурым глинистым обрывом (тюрк.: сары – желтый, рыжий; тау – гора). Еще один вариант можно предложить, если вспомнить местную топонимику и труды СУАК: в период золотоордынской урбанизации летнее становище Батыя, звучавшее на тюрки как «Яйлак», со временем могло стать «Сарайтау» – «Дворцовой горой» («Саратау» Мухаммедьяра). Но и казакам, гордо именовавшим себя в XV–XVI вв. Сары-аз-ман (позднее это знаменитая разинская Сарынь) и контролировавшим тогда волжские переправы на Понизовье, название Сары-тау («Казацкая гора») тоже могло быть не чуждо. Любимая в Средневековье игра слов, когда в названии концентрировалось несколько значений, может быть, сохранила понятные и удовлетворявшие все этносы Понизовья вариации, а проплывший мимо Никитин зафиксировал имя города с привычным «оканьем» волжан, но остался непонятым писцами Московии, еще не знавшими топонимики Нижней Волги.

Удивительно, но до сих пор Квасниковское городище не рассматривалось как вероятный предшественник Саратова даже гипотетически. Это странно, так как именно к Квасниковскому городищу выходило наиболее мощное древнее русло, шедшее вдоль левого берега до Увека, – известная воложка Сазан (см. рисунок).

Возможно, что лишь пренебрежение волжской гидрографией привело к осложнениям и в поисках «Саратова-острова» 1590 г. Саратовские острова, как показывают планы разных лет, меняют конфигурацию, появляясь и исчезая в зависимости от изменений течения Волги. Когда в 1890 г. после сообщения Холмогорова приступили к поискам «Саратова-острова», то такового могло уже и не быть. Но если взглянуть на один из наиболее ранних документов, «Карту генерального межевания» 1845 г. с нужной нам точкой отсчета – о. Курдюм, то ниже по течению в семи старых верстах от него действительно можно видеть бывший там ранее удобный остров на оптимальном для сооружения острога месте. Создание на нем укреплений позволяло контролировать оба русла – коренное и Тарханку – для проверки тарханных грамот. Причем прямая, соединяющая мыс у р. Гуселки

(южнее с. Пристанного) с левобережным Саратовом 1617 г. (южнее р. Донской), пересекает этот остров, связующий в единое целое зоны концентраций артефактов XVI-XVII вв. по обоим берегам.

В процессе размыва и накопления наносов следы сгоревшего в 1613-1614 гг. острога на острове могли исчезнуть, а вот по соседним берегам сохраниться. На правом и левом берегах должны были находиться поселения у переправы. Одно из них благодаря самарской дороге позднее доросло до статуса левобережного Саратова. Другое, у р. Гуселки, подходит на роль Караманской станицы, так как со стороны Москвы оно действительно было под Караманским лесом, к тому же имело отличный обзор с высот Пристанского рынка и удобный ход для разездов по правому берегу от Тетюшей до Балыклея. А для вестей и при отступлении могла пригодиться знакомая, контролируемая «своими», скрытная переправа, уводившая по дебрям Карамана к «промосковской» Самаре.

Отклонение течения Волги от Пристанского поднятия негативно сказалось и на третьем, левобережном Саратове 1617 г., что наглядно демонстрирует схема течений 1902 г. М.П. Аристова. Уход Волги к востоку во второй половине XIX в. создал угрозу самому существованию городища «старого Саратова», откуда город был перенесен на правый берег в 1674 г., но здесь СУАК успела зафиксировать параметры и артефакты XVII столетия.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в истории города есть как минимум четыре опорных пункта. Переломные моменты были в жизни не трех, а четырех городов. Наименование пошло от г. Сарытау на левом берегу, затем оно заимствовано для крепости на острове в 1590 г., с острова вновь переместилось на левый берег в 1617 г., а затем – на берег правый в 1674 г. с изменением этнической и геополитической обстановки. В 1590 г. был поставлен лишь очередной форт укреплявшегося на Волге Московского государства на Саратове (Саратовском) острове. Помимо контроля над проходом кораблей по Великому волжскому пути, он, вероятно, играл роль альтернативы древней переправе между Увеком и Сарытау, контролируемой тогда вольным казачеством. Но вопрос, когда и кем создан изначальный Саратов, левобережный спутник древнего Увека, упомянутого как один из античных наблюдательных пунктов в первой половине IX в. великим ал-Хорезми, все еще открыт. Изучение каждого из четырех городов далеко от завершения. Оттого истинный возраст города пока затерян в глубинах тысячелетий, как и возраст многих других городов Понизовья, но это только лишний повод уделить более внимания изучению опорных точек процесса урбанизации на Нижней Волге.

Литература

1. Щекатов А. Новый и полный географический словарь Российскаго государства или Лексикон... – М.: Тип. Моск. ун-та, 1787. – С. 85.
2. Краснодубровский С.С. Год основания Саратова // Труды СУАК. – 1889. – Т. II. – Вып. II. – С. 462.
3. Протокол Общаго Собрания СУАК // Труды СУАК. – 1891. – Т. III. – Вып. II. – С. V.
4. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. – Саратов, 1892. – С. 54.
5. Краснодубровский С.С. Рассказ про старые годы Саратова. – Саратов: Тип. Губ. земства, 1891. – С. 8.
6. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI-XVIII вв. – Саратов: Друкарь, 1923. – С. 154, 155.
7. Худяков Д.С. Земля Саратовская (несколько «портретов» на фоне истории Поволжья). – Саратов: Кадр, Соотечественник, 1998. – С. 31-32.
8. Донецкий Б.Н. Кочующая крепость // Памятники Отечества / Вольная губерния. – № 39 (1-2). – М., 1998. – С. 46.
9. Рашитов Ф.А., Сингатулин Р.А. От Увека до Саратова // Золотоордынскому городу

- Укеку семь с половиной столетий. – Саратов: Изд. Саратов. губерн. торг.-пром. палаты, 2003. – С. 51.
10. Семенов В.Н. Саратов изначальный. – Саратов, 2011. – С. 7, 12.
 11. Акты исторические, собранные археографической комиссией // Т. 1. – СПб., 1841. – С. 436-437.
 12. Разрядные книги 1475-1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. – М.: Наука, 1966. – С. 358, 390, 436.
 13. Никитин А. Хождение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века. – М.: Эксмо, 2009. – С. 12.
 14. Мухаммедьяр. Пер. с болгарского турки. – М.: Булгар иле, 2007. – С. 226, 270, 296.
 15. Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в путешествиях и картах европейских писателей с X до начала XIX века. Рукопись. 1884. – С. 88.
 16. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. – Вклейка карты Волги.
 17. Ремезов С. Приложение к чертежной книге Сибири. – СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. – С. 21.
 18. Акты исторические, собранные археографической комиссией // Т.3. – СПб., 1841. – С. 441.
 19. Дубман Э.Л. Сказание о первых самарцах: очерки по истории Самары 1586-1680-х годов. – Самара: АртМакет, 1991. – С. 56, 54.
 20. Книга Большому Чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – С. 140, 143.
 21. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария... / Пер. с гол. В.Г. Трисман. – Амстердам: Пегасус, 2010. – Т. II. – С. 894.
 22. Браташова С.А. К проблеме возраста Увековского городища // Саратов. краевед. сб.: Научные труды и публикации / Под ред. В.Н. Данилова. – Саратов: Наука, 2011. – Вып. 5. – С. 232.
 23. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.-Пг.: Гос. изд-во Мосполиграф, 1923. – С. 98.
 24. Браташова С.А. Волга инкогнита по картам II-XVIII веков. – Саратов: Орион, 2011. – С. 24-27.
 25. Духовников Ф.В. Поездка в село Квасниковку // Изв. Об-ва арх., ист. и этногр. при Казан. ун-те, 1894, отд. оттиск. – С. 2-5.
 26. Кротков А.А., Шишкин П.Н. Городище и курганы близ с. Квасниковки // Труды СУАК. – Саратов, 1910. – Вып. 26. – С. 103.
 27. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., 1985. – С. 117.
 28. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. 1586 г. – Л. 82-84.
 29. Разрядные книги 1475-1598 гг. / Под ред. В.И. Буганова. – М.: Наука, 1966. – С. 436.
 30. Из отписок детей боярских Ф. Гурьева, И. Страхова и Р. Норова 1586-1587 г. [URL: <http://newciv.relarn.ru/work/2-41/library/samleto/texts1/text3.htm>].
 31. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М.: Географиз, 1957. – С. 215.
 32. Аристов М.П. Как быть Волге под Саратовом? – Казань: Тип. И.С. Перова, 1902. – Приложения.

Совместные проекты Самара – Дюссельдорф – Штутгарт – Бохум. К Году Германии в России 2012/13

Отдельная и пока в полной мере не разработанная научно-практическая тема – влияние побратимства на образы волжских городов. Волгоград и Кёльн, Нижний Новгород и Эссен, Ярославль и Кассель создали множество оригинальных проектов, завязанных на толерантности, морали, человечности. Для Самары и Штутгарта 20-летнее побратимство также было наполнено множеством событий и программ. Одну из них представляет ниже профессор М.Г. Вохрышева.



Сошлемся на ряд других интернациональных проектов, продвигающих имидж Самары. Еще в 1998 г. великий художник и мудрый человек Владимир Немухин, приехавший в Самару из Дюссельдорфа на выставку К. и Я. Бар-Геры «Нонконформисты – второй русский авангард», предсказывал городу «взрыв интереса к авангарду». Благодаря побратимству со Штутгартом многие самарские художники и искусствоведы включились в современную коммуникацию. Думается, что не без этих импульсов стали стремительно развиваться проекты Нелли и Романа Коржовых, а также других самарских авангардистов, творящих заново историю искусств на улицах и в музеях своего волжского города.

Расширяются также профессиональные контакты, что не может не продвигать имидж города. Например, персональная выставка известного профессора-слависта К. Аймермахера проходила в Самарском художественном музее в 2008 г. Выставка ставила целью расширение глобального культурного горизонта волжских регионов. Действовавший в Самаре в течение ряда лет Институт европейских культур под руководством профессора Н.Т. Рымаря был непосредственным партнером школы К. Аймермахера.

Подготавливая данное издание, мы опирались на фундаментальный труд по регионалистике профессора Гертруды Цепль-Кауфман «Город и культура. Театральный авангард на Рейне 1905 – 1933 гг. Формирование образа региона и влияние классического авангарда. Интернациональные параллели» // *Stadt und Kultur. Konstruktionsprozesse der Region unter den Bedingungen der klassischen Moderne. Ein internationaler Vergleich*; Dieter Breuer /Gertrude Cepl-Kaufmann (Hrsg.): *Das Rheinland und die europäische Moderne. Kulturelle Austauschprozesse in Westeuropa 1900 1950*, Essen: Klartext Verlag, 2008.

Постоянным партнером самарских культурологов уже много лет является Театральный музей Дюссельдорфа и его директор, доктор Винрих Майсциес (Direktor – Dr. Winrich Meiszies). Доктор В. Майсциес – член редколлегии данного альманаха.



Еще в 2006 г. в Театральном музее Дюссельдорфа проходила презентация альманаха «Самарское приношение. Шостакович – 100 лет». Выставка 2012 г. в Театральном музее Дюссельдорфа «Расскажи мне историю», посвященная постановкам «Гамлета», – образ «Музея будущего» (Tell My Story. Hamlets Theater).

Творческое сотрудничество вузов (Самара – Штутгарт) /Creative Cooperation of High Schools (Samara – Stuttgart)/



М.Г. Вохрышева, доктор педагогических наук, профессор
Самарская государственная академия культуры и искусств
Самара, РФ

Статья посвящена творческому сотрудничеству Самарской государственной академии культуры и искусств с вузами Штутгарта.

Ключевые слова: сотрудничество, концертная и научная деятельность.

*M.G. Vokhrysheva, Dr. Pedagogic, Professor
Samara State Academy of Culture and Arts
Samara, RF*

The article is devoted to the cooperation of Samara State Academy of Culture and Arts and Stuttgart Higher Schools.

Key words: cooperation, concert and scientific activity.

Творческое сотрудничество Самарской государственной академии культуры и искусств с вузами Штутгарта началось в рамках партнерства городов. В 1993 году в Самару по приглашению администрации прибыл из Штутгарта студенческий оркестр духовых инструментов, в составе около 40 человек из университета Хонхайм (Hohenheim). Он выступил с концертами в городе и был приглашен также в Самарскую академию культуры и искусств (тогда академия имела статус института).

В академии студентам из Штутгарта был представлен с программой классических произведений и русских народных песен оркестр русских народных инструментов «Жар-птица» под руководством профессора Е.С. Грузинова. В составе оркестра тоже были студенты, но они готовились стать музыкантами- профессионалами. Концерт понравился гостям, и оркестр был приглашен с ответным визитом в г. Штутгарт, где дал 6 концертов, в том числе в зале университета Hohenheim и концертном зале Wilhelma-Theater. В состав делегации Самары входил джаз-квнтет студентов под управлением И. Лескина. Он сопровождал и украшал все совместные мероприятия, а также представил две самостоятельные концертные программы. Студенты двух вузов подружились и некоторые из них переписывались в течение ряда лет. В Штутгарте был напечатан ряд рекламных афиш творческих коллективов академии.

Во время этой поездки мне, в то время ректору Самарской государственной академии культуры и искусств, была организована встреча с ректором Института библиотекovedения и информатики П. Фодозеком (P. Vodosek). Теперь этот институт входит в состав Медиауниверситета (Stuttgart Media University). Было интересно по-

знакомиться с работой вуза, поскольку в нашей академии ведется подготовка специалистов для библиотечно-информационной сферы. Договорились о сотрудничестве, обмене студентами и преподавателями.

С октября 1996 г. по январь 1997 г. в рамках партнерства городов Самара – Штутгарт проходила стажировку в Институте библиотековедения и информатики аспирантка кафедры библиографии Наталья Ивановна Семина. Она работала над темой исследования «Сравнительный анализ историко-культурной среды городов Самары и Штутгарта», знакомилась с документами в архивах, городской и земельной библиотеке. Параллельно с исследовательской работой она принимала участие в учебном процессе: слушала лекции по курсу «Отраслевые библиографии», посещала практические занятия циклов «Информационные ресурсы» и «Информационный поиск». Н.И. Семина собрала большой материал по истории библиотек, познакомилась с иной практикой обучения студентов, приобрела друзей, получила массу положительных впечатлений. Через год она защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук, в настоящее время – доцент кафедры библиографии. Ее пребывание в Штутгарте получило отражение на страницах журнала HBI aktuell [1].

С 18 сентября по декабрь 2004 г. проходила стажировку в Медиауниверситете г. Штутгарта старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурных коммуникаций Самарской государственной академии культуры и искусств Ольга Владимировна Белякова. Целями стажировки были повышение квалификации в преподавании немецкого языка для студентов – будущих профессиональных переводчиков, а также проведение исследовательской работы. Стажировка главным образом была связана с направлением «Медиакоммуникации и медиалингвистика». За время пребывания в институте О.В. Белякова провела работу над диссертационным проектом по теме «Лингвистические особенности немецких газетных статей», прослушала курс по теме «Массмедиа в Германии», составила проект исследования и приступила к его реализации под руководством профессора Ф. Тиссена. Во время ее пребывания в университете был проведен конкурс среди студентов на стипендию по прохождению практики в Самарской государственной академии культуры и искусств. Приглашение из Самары было отправлено, но, к сожалению, победитель конкурса приехать не смог. О.В. Белякова тоже через некоторое время защитила диссертацию, посвященную изучению коммуникативных стратегий в текстах статей политической полемики на материале немецких СМИ.

В декабре 1995 г. Институт по библиотековедению и информатике проводил Международный конгресс, посвященный подготовке информационных специалистов (Informationsspezialisten zwischen Technik und gesellschaftlicher Verantwortung). Конгресс был интересен тем, что в докладах звучали новаторские идеи, которые отражали направления деятельности, получившие распространение в практике наших библиотек и информационных служб лишь в последующие годы. Речь шла о медиа как источниках информации, о медиатеках, цифровых информационных технологиях. Ставились уже тогда вопросы об информационной этике и виртуальной этике в частности, о коммуникации в Интернете. В контексте новых информационных технологий рассматривались проблемы функционирования информации в обществе, акцентировалось внимание на тенденциях, которые обозначились со временем и в развитии российского информационного пространства. Была выделена специальная секция «Интернациональный форум», где прозвучали доклады представителей «средне- и восточноевропейских» («mittel- und osteuropäischen») государств. Россия

была представлена нашим докладом «Подготовка информационных специалистов в вузах культуры и искусств России», в котором главные направления подготовки иллюстрировались на примерах из опыта Самарской государственной академии культуры и искусств. Материалы конгресса опубликованы в сборнике, который представляет большую научную ценность в плане изучения развития зарубежного библиотекведения [2].

В рамках конгресса состоялась экскурсия в медиатеку г. Штутгарта. Это одна из первых медиатек в мире. Она базируется на широком понимании термина «медиа», вследствие чего в ней представлены самые разные (более 60 видов) источники информации. В нашей практике «медиа» чаще всего связывают лишь с электронными формами представления информации, что, надо думать, относится к явлениям временного характера.

90-е годы были периодом активного взаимодействия нашей академии с Институтом библиотековедения и информатики г. Штутгарта. Благодаря ректору института профессору П. Фодозеку мы получали книги по библиотековедению и журнал «HBI aktuell». Материалы изданий интересны с точки зрения преподавания соответствующих библиотековедческих курсов. В частности, монография В. Тауэра и П. Фодозека «Geschichte der öffentlichen Bücherei in Deutschland» дала возможность содержательно обогатить курсы «История зарубежных библиотек и библиотековедения». Кроме того, тексты книг и журналов оказались полезными для работы со студентами, изучающими немецкий язык в рамках библиотечно-информационной специальности, а также по направлению «лингвистика», где обучаются будущие специалисты межкультурных коммуникаций и переводчики.

Печатные издания вуза г. Штутгарта активно были использованы при написании кандидатской диссертации, выполненной аспиранткой Самарской государственной академии культур и искусств С. А. Алашеевой (теперь – доцент кафедры информатики и информационных технологий) по теме «Система подготовки библиотечно-информационных специалистов в ФРГ». Основное содержание диссертации изложено в книге [3]. Список литературы, данный в приложении, из 320 названий содержит 168 публикаций на немецком языке.

Приведенные факты свидетельствуют о том, насколько плодотворными могут быть личные контакты вузовских преподавателей и студентов, а также обмен учебной и научной информацией.

Литература

1. Siomina N. Neuer Partner der HBI in Rußland – Staatliche Akademie für Kultur und Künste Samara // HBI aktuell. – 1997. – № 1. – S. 13.
2. Informatiusspezialisten zwischen Technik und gesellschaftlicher Verantwortung: Internationaler Kongreß der Hochschule für Bibliotheks- und Informationswesen vom 4.-5. Dezember. 1995. – Stuttgart: Hochschule für Bibliotheks- und Informationswesen, 1995. – 211 s.
3. Алашеева С.А. Система подготовки кадров по библиотечно-информационному делу в ФРГ. Сер. Современная библиотека. – Вып. 47. – М.: Литера, 2009. – 155 с.

Образ волжского города: от краеведения к регионалистике

/Image of Volga city: from local history
view to regional studies/



Я.А. Голубинов, кандидат исторических наук
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Каждый город имеет свой образ, формирующийся как сумма "мест памяти", метаморфозы которых, их появление и забвение позволяют проследить, как изменялось отношение к городу у местных жителей и внешних наблюдателей. Самара, типичный волжский город, дает прекрасную возможность его осмысления как культурного и социального-экономического феномена.

Ключевые слова: образ города, места памяти, краеведение, регионалистика, Самара.

Y.A. Golubinov, Dr. in History

Samara State Medical University, Samara, Russia

Every city has its own image, which is formed as the sum of "places of memory", their metamorphoses, their appearance and oblivion, allows us to trace a changed attitude toward the city from local residents and outside observers. Samara, a typical Volga city, provides an excellent opportunity to understand of the city as a cultural and social-economic phenomenon.

Keywords: city image, place of memory, local history, regional studies, Samara.

Город, по удачному выражению одного исследователя, – «это символическое пространство, в котором мы даем более или менее образные ответы на вопрос, который определяет наше поведение (этос): как быть «дома» в мире, в котором наша идентичность не дана, наше сосуществование под вопросом, наша судьба случайна или нестабильна» [1, р. 197]. Это символическое пространство можно, вслед за А.Ф. Филипповым, воспринимать как «локал», то есть «смысловой комплекс, означающий область совершения действий соответственно определенным правилам» [2, с. 261]. Город-локал, таким образом, состоит из мест, «элементарных смысловых комплексов». А каждое место имеет не только топографическую привязку к ландшафту, но является своеобразным «местом памяти», т.е. укоренено в прошлом. Сумма этих «мест памяти» дает нам изменяющийся во времени образ города.

Волжские города, на наш взгляд, как никакие другие в России подходят для подробного изучения. Сам волжский край в течение буквально нескольких столетий претерпел разительные превращения как в политико-административном, так в экономическом и в культурном измерении. Образ Среднего Поволжья впервые, пожа-

луй, был сформирован в XVI веке Иваном Пересветовым, который писал, что приближенные московского царя говорили и сравнивали эти края «с райской землей по большому плодородию» и «за ее плодородие нельзя было бы так оставить» во владениях казанского хана [3]. После включения Самарского Поволжья в состав Российского государства и основания в 1586 г. Самары эти земли начали понемногу осваиваться переселенцами из центра и правого берега Волги. Процесс этот выразился не только в хозяйственных и политических формах. Ведь пространство культуры – это не только и не столько пространство объектов и фактов, сколько пространство смыслов [4]. «Осмысливание», присвоение пространства шло в первую очередь через именование, через создание особого культурного ландшафта, который походил бы (хотя бы частично) на оставленные позади земли предков.

В конце XVI в. сложился образ Самары и самарского региона как опасного пограничья, порубежья, и до определенного момента эта территория не воспринималась как подлинная часть Московского царства. Для иноземных купцов, проезжавших по степной дороге на Яик, даже во второй трети XVIII в. Самара представлялась «последним местом России» [5]. Даже повышение статуса Самары, в 1688 г. она из крепости превратилась в город, не изменило этого образа. И лишь с началом массовой русской колонизации в 1730-х гг. был запущен процесс складывания нового культурного района в составе России – Поволжья, региона, доселе входившего в состав Российского государства практически номинально, и потому абсолютно нового, без древних традиций самоуправления и культурной самоидентификации, свойственной жителям регионов Центральной России. До конца XVIII века главным местом Самары была деревянная крепость и несколько административных зданий [6, с. 45]. Самара мыслилась и воспринималась в первую очередь как важный элемент в системе защиты русских владений в Заволжье от степняков, а также как центр политической власти в этом крае.

К началу XIX в., после всех бурь предыдущего столетия, Самара превратилась в еще один маленький провинциальный город, хотя и была центром громадного уезда. Сердце города, крепость разрушалась, многократно горела, пока последние ее остатки не исчезли к середине XIX века (так что и местоположение ее можно установить в большом трудом). Образ Поволжья в литературе того времени вполне отражал представления о нем столичных жителей, да и в принципе соответствовал истине. Герой Грибоедова мог с равным успехом отправить дочь не в Саратов, «в деревню, к тетке, в глушь», а в Самару, местный же городничий, как и его гоголевский коллега, вполне мог воскликнуть, что это город уездный, и «отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Местные власти, как во всякой глубинке, по свидетельству современника, творили беззакония и наживались на взятках [7, с. 43, 45].

Однако Самара вовсе не собиралась уступать, по крайней мере в экономическом развитии. На первый план выступили купцы, крестьяне и дворяне, активно поставившие хлеб на рынок. Это было замечено правительством [5]. Важным обстоятельством, ускорившим создание губернии за Волгой, был быстрый, если не сказать стремительный, рост Самары и подъем ее экономического значения. Самара превращалась из пограничного городка, хотя и довольно обжитого, в столицу одной из внутренних губерний империи. Только после этого Самара могла претендовать на то, что эта земля и есть Россия в подлинном смысле этого слова.

Символическим было то, что после принятия статуса губернского города в 1851 г. Самара выгорела дотла, и облик уездного города был потерян навсегда. Старые

места XVIII в. – крепость, деревянные дома, склады, улицы были заменены постройками согласно новому, утвержденному лично императором, плану застройки города. Жизнь переместилась в лабазы на берегу рек Волги и Самары, а место старой крепости заняла Хлебная площадь.

Вместе с хлебными лабазами на первое место выходит река. В это время и формируется своеобразный, по словам В.В. Розанова, долгое время жившего в Симбирске, «приволжский дух, приволжский патриотизм, довольно... значительный и гордый. Волжане любят свою реку, гордятся ею: с Волги они как-то начинают Россию, и где нет Волги, им кажется, что нет и России или что Россия там ненастоящая» [8]. Вообще активное обращение к образу великой реки в искусстве начинается как раз в последней трети XIX века, то есть во время невероятного подъема волжских городов, связанного с хлеботорговлей. «Волга, такая типичная русская территория, а в литературе нашей совсем не описана», – сокрушался в 1875 г. А.Н. Пыпин, но затем ситуация была быстро исправлена [9]. Река становится ярким образом, характеризующим Самару, мыслится как «Русский Нил» и начинает играть важную роль в формировании имиджа города.

Приток капиталов в город не мог не отразиться на его внешнем облике. Старые купеческие дома, которые и имели «в архитектурном отношении то преимущество перед деревянным, что выстроены из кирпича и оштукатурены, но все таки стоят прямо и не так скоро темнеют и боченятся» [10, с. 44], в конце XIX–начале XX вв. были заменены эффектными зданиями в стиле модерн, но «уж, конечно, Самара постаралась, чтоб и грязь у нее на улицах была соответственная» [10, с. 92]. Эта антиномичность в развитии города, блестящие особняки и постоянная грязь на улице, выглядит доминантой в истории самарской городской сцены и живет в памяти горожан.

Но менталитет с трудом менялся под напором социально-экономических перемен. Купцы-нுவориши постепенно вытесняли дворян с места региональной элиты, но при этом не их привычки, вкусы и мысли практически не менялись. Современный исследователь добавляет, что «Самара – город, надевающий любую маску во имя главной ценности: конформизма... Отсюда проистекает утилитарная этика и этический релятивизм горожан, проявившиеся в различные периоды самарской истории. Эстетическим выражением подобной этической парадигмы явились архитектурная эклектика и вкусовое поле провинциальных крестьянских грюндеров» [11]. Подобное положение не было чем-то особенным. Другие города, разбогатевшие на торговле зерном, находились в сходной ситуации. Однако купцы и дворяне, заседавшие в городской думе, думали не только о стяжании богатств. Многократно описанная деятельность П.В. Алабина служит тому ярким примером.

Среди новых мест Самары второй половины XIX в. прежде всего надо выделить поликонфессиональные культовые постройки – православные храмы и монастыри, католический костел, лютеранская кирха, мечеть – органично вписались в городской силуэт. Светские постройки – драматический театр, административные, общественные, учебные учреждения довершили создание облика молодого губернского города. Угадывались и контуры будущего индустриального комплекса. Паровые мельницы, элеваторы, знаменитый пивоваренный завод фон Вакано были первыми крупными предприятиями города.

Данный период также характеризуется поиском собственной идентичности самарцев. И память о прошлом проявляется скорее в методичном поиске свиде-

тельств о славном прошлом города. Происходит складывание краеведения посредством эрудитских штудий в библиотеках, архивах, все уникально локальное становится предметом повышенного интереса [12]. Появляются исследование местных любителей старины, ведется изучение региона и его особенностей (географических, этнографических и т.п.).

Старая купеческая Самара просуществовала до 1917 г. Во время революции и Гражданской войны Самара выступила в новой для себя ипостаси альтернативного центра государства – в 1918 г. здесь заседал КомУЧ. Позднее в годы Великой Отечественной войны Куйбышев рассматривался как запасная столица СССР.

Столь стремительные перемены не могли не отразиться на городском культурном пространстве. С 1935 по 1991 гг. город носил имя Куйбышев, отказавшись тем самым не только от старого, купеческого наследия, но и от памяти пионеров Дикого Поля, что пришли на эти земли в XVI веке. Городская сцена всех советских городов, по сути, была заново сформирована. Забвение старого, желание (свойственное тогда, впрочем, большинству жителей страны) построить новое гармоничное общество, без эксплуатации человека человеком, выразилось в массовой перестройке и переделке старых зданий под новые нужды молодого советского государства. Так в Куйбышеве прежние памятники, символизировавшие связь города с монархией и религией были методично уничтожены и заменены новыми (разрушен в 1930-е кафедральный собор – Храм Христа Спасителя, а на его месте построен помпезный Дом культуры, ставший потом театром оперы и балета, убран памятник Александру II и на его место водружена статуя В.И. Ленина и т. д.). Город нашел своих новых героев в лице первых советских руководителей, полководцев Гражданской войны, революционеров. Память о них была закреплена в виде памятных досок, названий улиц и площадей, общественных зданий, учебных учреждений.

В годы Великой Отечественной войны сформировалась новая идентификация города. Из города хлебного, купеческого он превратился в запасную столицу, а впоследствии в центр авиационной, космической, нефтеперерабатывающей промышленности. Это не могло не отразиться на менталитете жителей (многие из них были приезжими, в годы Великой Отечественной и после нее в город попали десятки тысяч никак не связанных с ним людей). Одновременно произошел окончательный уход из сознания горожан дореволюционной Самары.

Даже новое деление города, прирезка к нему новых районов, обозначила некий водораздел между старыми и новыми самарцами. В менталитете горожан четко обозначилось деление Куйбышева на две крупные части, практически самостоятельные микрокосмы: старый город, в котором теперь размещалась власть во всех ее проявлениях (обком, штаб ПриВО, горисполком, а также театры и вузы) и Безымянка – промышленный, закрытый район. Горожане разных районов ощущали скорее отчужденность друг от друга нежели от приезжих.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. «Самара была компактным провинциальным городом», границы которого примерно совпадали с нынешними. Но и в пределах «старого города» существовали свои законы, согласно которым те или иные группы населения вели свою жизнь на работе, дома, на досуге. Молодежь группировалась вокруг различных вузов, среди которых наиболее известными были КуАи, технический институт, выполнявшие роль кузницы кадров для индустриальных гигантов.

Активность гуманитарных факультетов Педагогического института и возрождение в 1969 г. классического университета позволило вывести научную жизнь горо-

да на качественно новый этап – активно заявили о себе преподаватели исторического и филологического факультетов. Нельзя отрицать влияния И. Машбиц-Верова, Л. Финка, В. Скобелева на поколения молодой самарской интеллигенции. Именно под их руководством была создана самарская филологическая школа. А Л. Финк, например, «во многом определял культурный, театральный уровень жизни Самары. Ее художественный уровень. Он был настоящим художественным идеологом театрального дела нашего города, присутствовал на репетициях, писал статьи, книги о театре, об актерах» [13, с. 35]. На историческом факультете царил Е.И. Медведев, который навсегда остался патриархом самарской исторической науки [15]. Именно он и его коллеги начали искать особое место Самары в истории России, специфику ее исторического пути, изучать ее роль в таких острых переломных моментах истории, как революция 1905-1907 гг., революция 1917 г. и Гражданская война. Становление регионалистики шло через осмысление Самары в глобальном пространстве. Изучение регионов экономистами, социологами, культурологами велось для того, чтобы строить и развивать в первую очередь экономику, одновременно изменяя провинциальный менталитет. В городе обозначилась свои научные школы – авиационно-космическая под руководством Д.И. Козлова; медицинская, руководители которой М.А. Аминев, Т.И. Ерошевский (самарский уроженец), Г.Л. Ратнер и др. были выдающимися учеными.

Театры, ставившие и показывавшие премьеры, которые давали какую-то степень выхода из строго регламентированных советских рамок, сыграли роль своеобразных инкубаторов свободы. Потому, наверное, так велико было значение Драматического театра времен П.Л. Монастырского. Выдающиеся деятели Оперного театра, такие как балетмейстеры Н.В. Данилова, И.А. Чернышов, режиссер Б.А. Рябкин, дирижер Л.М. Оссовский сумели сформировать особую атмосферу и заслужили признание зрителей [14].

Параллельно со столицами в Куйбышеве шло вызревание своих собственных общественных организаций, который ставили своей задачей помочь всем горожанам прикоснуться к культуре. Так в 1960-х годах в Куйбышеве действовал городской молодежный клуб (ГМК-62), главным достижением которого стало организация и проведение первого Грушинского фестиваля. Общим местом, которое связывало воедино практически все слои молодежи послевоенного города, был т.н. «Брод» – улица Куйбышева (от площади Революции до парка им. М. Горького), на которой находились главные кинотеатры города, а также магазины и пивные [15, с. 65-57 и сл.].

Таким образом, образ Куйбышева к концу советской эпохи вполне четко обозначился, как типичного советского индустриального города, с профессиональной дисциплиной заводчан, клубами, театрами, вузами, в которых можно было наблюдать поиски новых форм работы, а также с традиционной привязанностью в Волге.

В постсоветском пространстве уже не Куйбышеву, но с 1991 г. вновь Самаре, пришлось находить новые ориентиры для развития города. В 1990-е гг., в эпоху экономической, политической и социальной нестабильности, прежние идеалы и ценности, выпестованные советским государством, были поколеблены и практически забыты населением. За фасадом индустриального гиганта стали проглядывать хибарки и особняки старого купеческого города. Начался распад или коммерциализация традиционных для Куйбышева культурных оазисов: театра оперы и балета; киноиндустрии (киностудии, кинопроката).

Но именно в 1990-е и 2000-е гг. перед самарцами стали проблема образа города, связанная с привлечением в регион людей, идей и средств. Если хлебная Самара привлекала наших предков в XIX в. просто в силу своего существования, если рабочий и научный гигант советского периода стягивал к себе население без каких либо усилий со своей стороны, то теперь Самарской области и Самаре приходится привлекать дополнительные усилия, чтобы доказать свое право занимать одно из первых мест в ряду экономически и культурно развитых регионов. Это потребовало синтеза различных дисциплин, в результате которого во второй половине XX века и родилась регионалистика. Самара обрела свой экономический, культурный, политический, этнографический, религиозный образы на фоне страны или мира.

В процессе восстановления и сохранения исторической памяти горожане разделились на два лагеря. Представители одного ратуют за всемерное восстановление прежних исторических названий (и даже удревления даты основания города), тогда как другие ищут опору в советском прошлом и сопротивляются попыткам, как они утверждают, переиначить историю. Порой это вызывает нешуточные баталии, поскольку вопрос уже перешел из историко-культурной в политическую плоскость [16]. Отношение к проблеме переименования может, пожалуй, сейчас служить доказательством большей или меньшей «самарскости» человека. Это подтверждает то, что процесс формирования самарского менталитета вступил в какую-то новую фазу.

Кроме проблемы обретения новой старой исторической памяти на первый план вышла и проблема самоидентификации Самары, большого «самарского мифа» или «самарского текста» [17]. По мнению филолога Михаила Перепелкина, Самара обрела таковой уже в начале XX века, а вот Куйбышев так и не сумел сконструировать нечто подобное. Местные же литераторы чураются Самары, поскольку «признать себя самарским сегодня – все равно, что признаться в своей местечковости. Быть самарцем немодно. Неприлично даже». Интеллигенция предпочитает репрезентировать себя как европейцев. «Минимум – москвичи и петербуржцы. И собственно самарского текста в силу этого как бы и нет. Но это не проблема Самары и даже не проблема этих людей. Проблема в том, что людям в современной Самаре не за что зацепиться. Культурного слоя нет. Чуть нарастет – счищаем». Подобные заявления в силу своей провокативности вызывают справедливый гнев другой части общества. Самарский текст, несомненно, звучит в живописи, графике В. Пурыгина или В. Каркаряна; в литературных произведениях В. Аксенова или Д. Рубинной.

Кроме значимых образов хлебной, купеческой Самары, промышленного гиганта Куйбышева, возник и довольно неустойчивый, но все же крайне специфический образ Самары 1990-х, который можно обозначить как Самару мистическую. Наслоение дореволюционных, советских, пост-советских слухов, легенд, мифов создало уникальную атмосферу таинственного (от инопланетян и секретных советских военных объектов в Жигулевских горах и пещерах до чудес, вызванных православными иконами) и свидетельствует, скорее всего, о стремительной архаизации сознания горожан.

Таким образом, можно заключить, что в настоящее время происходит процесс переоткрытия «мест памяти», связанных с дореволюционным, купеческим и дворянским самарским нарративом. Параллельно с этим происходит переосмысление советского наследия, к которому складывается очень неоднозначное отношение. Вместе с тем, есть попытки выстроить и некие новые культурные проекты, которые призваны показать Самару частью русской национальной культуры.

Литература

1. Donald J. This, here, now: Imaging the modern city // *Imagining Cities: Scripts, signs, memorials* / Ed. by Sallie Westwood and John Williams. London, NY, 1997.
2. Филиппов А.Ф. Социология пространства. – СПб., 2008.
3. Пересветов И. Большая челобитная Ивану Грозному. 1540-е гг. // Библиотека Якова Кротова. – URL: http://krotov.info/spravki/history_bio/16_bio/peresvetov.htm#2 (дата обращения: 24.06.12).
4. Стрелецкий В.Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии // *Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах*. – Вып. 1. – М., 2004. – URL: <http://www.mediafire.com/?uijez0t2zwz>. (дата обращения: 24.06.12).
5. Смирнов Ю.Н. Политика освоения Заволжья и организация управления его территорией в XVIII – первой половине XIX вв. (основные этапы) // *Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. История*. – 1997. – №1. – URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1997web1/hist/199710901.html>. (дата обращения: 24.06.12).
6. Гурьянов Е.Ф. Древние веки Самары. – Куйбышев, 1979.
7. Алексушин Г.В. Во главе Самары. – Самара, 1999.
8. Розанов В.В. Русский Нил / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. Сукача. – URL: http://www.history.vuzlib.net/book_o032_page_2.html. (дата обращения: 24.06.12).
9. Тимофеев М.Ю. Реки в семиосфере нации: случай России. – URL: <http://timland.narod.ru/nation/rivers.htm> (дата обращения: 24.06.12).
10. Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / Сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. – Самара, 1991.
11. Кобозева З.М. Диалогичность хронотопов: «мещанский мирок» в «купеческом царстве» провинциальной Самары // *Вестник Самарского государственного ун-та*. – 2009. – № 7.
12. Алабина П.В. «Двадцатипятилетие Самары как губернского города» и «Трехвековая годовщина города Самары». – URL: <http://www.lib.smr.ru/lib3/razdel.php?162>.
13. Король О. Лев Финк // *Самарские судьбы*. – 2008. – №4.
14. Куйбышев, 1981; Куйбышевский оперный: страницы истории Куйбышевского театра оперы и балета / Е. Бурлина, С. Жданова, В. Молько и др.; Чернышёв И.А. Итоги, трудности, замыслы: Главный балетмейстер И.Чернышёв / Запись текста Е. Бурлиной // *Советская музыка*, 1981, № 4, с. 50-52; Внукова С. Околдованные сценой: Светлана Хумарьян о Самарском театре оперы и балета // *Performance*. – 2011.
15. Лебедев В.М. Самара молодости нашей. Записки бывшего стилиста. – Самара, 2004.

Самара и волжские города в районе Самарской Луки с точки зрения мифологии пространства и "широтной" компаративистики

/Samara und die Wolgastädte rund um den Samara Wolgabogen: Mythologie des Raumes und "Breiten"-Vergleichsanalyse/



Д.В. Денисов, кандидат культурологии
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Анализируются структурно-функциональные связи, характеризующие внутреннее пространство г. Самары, его положение в геофизическом евроазиатском пространстве и мифологические особенности Самарской Луки.

Ключевые слова: регионалистика и региональная культура, мифология пространства, архаические парадигмы в структуре современного сознания.

D.V. Denisov, Dr. Cultural

Die Staatliche Medizinische Universität, Samara, RF

Der Artikel ist der Analyse von strukturfunktionalen Beziehungen gewidmet, die die innere Raumeinteilung der Stadt Samara charakterisieren, die Stadt im euroasiatischen Großraum positionieren, den mythologischen Hintergrund aufzeigen.

Schlüsselwörter: Regionalismus, Regionalkultur, Mythologie des Raumes, archaische Paradigmen in der Struktur des modernen Bewusstseins.

Один из важнейших показателей уровня развития макрорегиона – насыщенность его пространства произведениями искусства, среди которых здания, памятники и естественные ландшафты. Их наличие способствует воспитанию уважения к культуре, труду и достижениям лучших представителей нашего общества, к природе родного края. Городской ландшафт Самары прост, он состоит в преобладании спальных районов и промышленных зон. Эстетически ориентированный взгляд может «отдохнуть» на некотором количестве зданий в стиле постмодерн, чаще всего нуждающихся в капитальном ремонте, но тут же обнаружит некую недостаточность, состоящую в малом количестве памятников. В советское время необходимый ландшафт создавали, в постсоветское время памятники ставятся «абы как» и «абы где». Примеры тому: ракета «Союз», которая установлена на крошечном пятке, пространственно ориентированном только в сторону суетного проспекта Ленина, проходящего параллельно Волге (2003 г., архитектор В. Жуков), и памятник Высоцкому (2008 г., скульптор М. Шемякин), установленный перед Дворцом спорта чуть ли не на автобусной остановке и отгороженный от Волги глухой стеной с изображениями событий из жизни актера.

Выгодно воспринимаются в контексте волжского простора притязательный комплекс монумента Славы с рабочим, обращенным лицом к Волге и держащим крылья (постамент – 40 м, фигура – 13 м; Бондаренко, Кириухин, Самсонов, 1971

г.), величественная многофигурная конная композиция-памятник чапаевцам (Манизер М.Г., 1932 г.) – на фоне узкой полоски Волги и Жигулей между Струковским парком и драмтеатром, и стела «Ладья» (И. Галахов, Янкин, 1986 г.) на берегу Волги. Самолет-памятник ИЛ-2 (1975 г.) на пересечении Московского шоссе и проспекта Кирова отличает открытость пространства во всех четырех направлениях, в том числе к Волге, находящейся на некотором удалении. Без приобщенности к Волге Самара и ее достопримечательные места становятся безликими. Волга же приобретает на территории Самарской Луки, излучины вокруг Жигулевских гор, особый характер. Левобережная Самара расположена на Соколых горах, правый берег – Жигулевские горы. Согласно легенде, это Сокол и Жигуль – два брата, не поделившие между собой красавицу Волгу.

С гидротехнической точки зрения природный комплекс Самарской Луки, направляющий Великую русскую реку по обводному пути, единственный на Земле. Уникален он и в отношении сохранения жизни. «Не только моря подкатывались к Самарской Луке. С севера к ней не раз приходили ледники, покрывавшие тысячекилометровые пространства от Балтики до Средней Волги, от Беломорья до Днепровских порогов. Самарской Луке повезло. За последние сотни миллионов лет ни разу не покрывали ее ледники, не затопляли ее ни моря, ни воды тающих ледников. Благодаря этому не исчезли на Луке леса и луга со всеми их обитателями. Такие места сохранения растений и животных в неблагоприятные климатические периоды ученые называют рефугиумами. Жигулевский рефугиум – важнейший на юго-востоке европейской части нашей страны» [1, с. 7–10]. Жигули – это известняковые горы, возраст которых около 20 млн лет, протяженностью 60 км, высотой до 375 м, с «приростом» в один сантиметр за 100 лет. Мягкости известняка противостоит «духовная» мощь этих малых гор.

По площади Самарско-Жигулевский регион (53 565 км²) больше в порядке возрастания, чем Бельгия, Молдова, Швейцария, Нидерланды, Дания, Эстония, Словакия, Босния и Герцеговина и чуть меньше, чем Латвия (64 589 км²), Литва (65 200 км²), Грузия (69 700 км²), Ирландия (70 273 км²). Самара приблизительно одинаково удалена от: 1) Парижа и Дели; 2) Будапешта, Афин, Алма-Аты, Новосибирска; 3) Гамбурга, Рима, Красноярска; 4) Архангельска, Санкт-Петербурга, Минска, Кишинева, Анкары, Тегерана, Ашхабада. Равная удаленность от этих центров может означать в равной степени отсталость от этих центров или же в равной степени причастность к событиям, происходящим в этих центрах. Само по себе осевое положение предполагает наличие, главным образом, некоего внутреннего движения, редко проявляющегося вовне, при котором чуть ли не главной становится вертикальная ориентация, как это можно видеть на примере ракеты «Союз».

Самара – скрытая стартовая площадка не только для качественной авиационной и космической техники, но и для многих пилотных проектов. Один из них – Октябрьская революция, определившая содержание мировых процессов XX века. В период с осени 1889 по август 1893 года Самара стала местом жительства В. И. Ульянова. Именно в Самаре был сформирован марксистский подход, здесь Ульянов делал свой перевод «Манифеста коммунистической партии». Эвакуация Правительства СССР, Верховного Совета СССР и крупных учреждений культуры (Мосфильм, Большой театр), и, в том числе, дипломатических представительств в 1941 г. в города Самарской Луки стратегический шаг, задействовавший эффект «взлетной полосы» в вопросе «сохранения жизни».

Жигули – это terra incognita в буквальном и переносном смысле. В первом значении на территории Жигулей находится Национальный парк Самарская Лука и заповедник. Во втором значении как древнее образование Жигули и Самарская Лука есть достойный предмет для мифотворчества. Эта мифическая составляющая региона раскрывается, в том числе, в деятельности человека по созданию городов, присвоению им тех или иных названий, переименованию и развитию в том или ином отношении.

С Жигулями связана такая культурная форма отдыха как «Жигулевская кругосветка», в которую отправляются из любой точки Самарской Луки вниз по течению, переправляют плавсредства у Переволок (с 1965 г. – пос. гор. типа Междуреченск) через Волжско-Усинский перешеек (самое узкое место на Самарской луке – 2 км. шириной), к Усинскому заливу и возвращаются через Жигулевское море к отправной точке маршрута. Совершив аналогичную Жигулевскую кругосветку по городам Самарской Луки! В нашем маршруте восемь остановок: в качестве отправной точки и конечного пункта служит Самара как областной город, далее по часовой стрелке или же вниз по течению следуют города Новокуйбышевск (город с 1952 г.), Чапаевск (город с 1927 г.), Сызрань, Октябрьск (город с 1956 г.), Тольятти, аэропорт Курумоч (ввод в экпл. 1957 по 1961 гг.; входит в десятку крупнейших аэропортов России) и снова Самара.

С данным выделением относительно Самарской Луки устанавливаются следующие пространственные соотношения:

1. Симметрия старой Самары и Самары Промышленной, расположенных к востоку от Луки, с правобережными городами Сызрань и Октябрьск (находится в 19 км. к востоку от Сызрани);
2. Симметрия города Чапаевска (юг) с городом Тольятти (северо-запад);
3. Симметрия города Новокуйбышевска (юго-восток) с аэропортом Курумоч (45 км к востоку от Тольятти и 30 км северо-западнее Самары).

Данное «крестообразное» расположение вытекает из логики освоения геофизического пространства. Могло ли оно быть иным или нет? Примечательно, что, согласно позднейшим индийским авторам Амаракоши и Хемачандра, вокруг мировой горы Меру, на которой находится город Брахмана, располагаются именно восемь городов. Соотнесение их со странами света варьировалось, но «в полном виде, включая зенит и надир, индийская индуистская схема богов-хранителей выглядит следующим образом: Индра – Восток, Агни – Юго-Восток, Яма – Юг, Наиртта (Сурья) – Юго-Запад, Варуна – Запад, Ваю – Северо-Запад, Кубера – Север, Шива (Сома или Ишна) – Северо-Восток, Брахма – Зенит, Вишну – Надир» [2, с. 93-94]. Обращаясь в рамках мифологического подхода к предельным значениям, мы задаемся вопросом о полноте, целостности, гармоничности и закономерности развития перечисленных городов Самарской области относительно ландшафта Самарской Луки, как малого, но значимого оплота «сохранения жизни» на юго-востоке европейской части России.

Обращение к древнеиндийскому материалу происходит, с одной стороны, наряду с гермопольским (Древний Египет) и китайским мифами творения; с другой стороны, с учетом традиций, восходящих к моменту существования инодславянской общности. Относительно археологических исследований П. Ф. Кузнецова в Кинельском и Нефтегорском районах Самарской области, расположенных на восток и юго-восток от Самары, вопрос о данной общности приобретает конкретные очертания.

ния. Кузнецов и его американский коллега Дэвид Энтони, историк коневодства, считают, что приручение лошадей, без которых немислима древнеиндийская культура, происходило не на Аравийском полуострове, а между Волгой и Уралом 3500 л. до н. э. [3]. Как знать, может быть, санскритские слова *valgā* «узда» и *valgu* «милый, прекрасный (-ая)» причастны к этимологии современного названия р. Волга?

Индийским студентам, учившимся в Самаре, Жигули виделись на карте в форме слона с «хвостиком», образуемым руслом Воложки, старое русло Волги напротив Самары, и с узким перешейком у с. Переволоки в качестве хобота, направленного на запад. Согласно индийским представлениям на Земле, глубоко в ее недрах имеются четыре слона хранителя мира. Сарвабхаума (букв. «Всей Земли»), северный слон-хранитель мира, – слон Куберы, бога Севера и богатств. Обитель Куберы – чудесный цветущий город Алака, полный садов, рощ, рек и озер, птиц и зверья. Дворец Куберы парит там над горами в виде белого облака. Чудесную колесницу Куберы влекут полукони-полуптицы [4, с. 98]. В Самарской Луке есть свой город-мираж с древними домами, церквями на склонах гор и сказочно-реальными ландшафтами, которые то здесь, то там над Жигулями видят люди. Бытует в Жигулях и легенда о Белом колдуне, жившем в Жигулях со времен, когда еще в Жигулях не было людей. В подземной тиши он создавал чудо-вещи: летающую лодку, светящуюся в темноте, вечные часы с колокольным звоном, заводимые раз в сто лет, сказочную печь, превращающую камни в золото [5].

Итак, сравним древнеиндийскую логику осмысления физического пространства и логику его освоения на территории, прилегающей к Самарской Луке.

* Запад Самарской Луки (СЛ). В мифологии Древней Индии Западом правит Варуна, правитель океана, живущий в белом великолепном дворце на дне океана. На западе СЛ моря не было, но его создали люди. Это Куйбышевское водохранилище, нижнюю часть которого называют Жигулевским морем. Аналогию подводному городу образует старый Ставрополь, затопленный при создании водохранилища. Кроме того, на западе находится Сызрань – центр добычи нефти и сланцев, там глубоко под землей в окрестностях поселка Новокашпирского имеется уникальный природный памятник «кладбище» ихтиозавров, водных ящеров, живших там более 100 миллионов лет назад.

* Север, северо-запад СЛ. Северная сторона, управляемая Куберой, соотносится с богатствами. Тольятти, названный по имени руководителя итальянской компартии, с градообразующим предприятием АвтоВАЗ, – самый крупный город России, не являющийся столицей субъекта Федерации. Тольятти мог бы претендовать на роль «золотой кладовой», но он находится на северо-западе, за которым закреплена стихия Ветра, соотносимая с современным понятием «развитие». И, действительно, по отношению к Самаре Тольятти выступает как город динамичный и прогрессирующий.

* Восток СЛ. В древнеиндийской мифологии Восток – мыслится как страна богов, управляющих природными процессами, т. е. центр управления. Ею правит Индра вместе с семью великими небесными мудрецами, обитателями поднебесья, отшельниками и царями. Эта «божественная» восточная вершина излучины Волги находится на зеленой массив Соколых гор между Самарой (Барбошина поляна, Дубки) и пос. Управленческий (какова точность интуиции, проявившаяся в данном наименовании!) и пос. Красная Глинка, созданными в связи со строительством комплекса управления Куйбышевского гидроузла. С северной стороны эта зеленая зона Самары ограничивается устьем реки Сок, расположенным в 50 км. от устья реки

Самарка. Собственно Самара чуть смещена в юго-восточном направлении, солнечном в индийской мифологии.

* Югом СЛ правит в индийской мифологии бог Смерти. Вспомним тут о Чапаевске как центре по производству химического оружия и зоне экологического бедствия.

В целом концепция особых свойств восьми сторон света вписывается в класс самых древних восьмеричных мифов творения. Генезис этого представления можно проследить, применив любой из восьмеричных мифов творения к суточному циклу и определив Восток как первый этап. В этом цикле Солнце, посещая южную сторону света, особенно в жарком климате, начинает уничтожать все своими лучами, а вечером погружается в глубины океана на Западе. Богатства получаемые, когда Солнце посещает северную сторону, к сожалению, нематериальные: во-первых, это сияние и сверкание северного льда и снега, во-вторых, – опыт и знания, осмысляемые и воспринимаемые, когда человек спит.

При обобщенном подходе количество учитываемых пунктов было бы равным пяти: Самара, Новокуйбышевск, Чапаевск, Сызрань, Тольятти. Социальная реальность сегодня такова, что города Новокуйбышевск, Чапаевск, Октябрьск, Тольятти, продолжают носить имена, связанные с революцией, революционерами и коммунистами, но принцип равенства-единства как главное достижение Октябрьской революции утерян. Одно из проявлений социального неравенства – депрессивное состояние городов, в том числе, перечисленных.

Опираясь на восемь фаз древнеегипетского гермопольского мифа [6], дадим детальную характеристику принципов взаимодействия городских образований Самарской Луки. Обращение к структуре мифа можно рассматривать как стилистический прием или как реальный процесс творчества, объединяющий выделенные центры в единое целое.

Итак, первый этап маршрута «Воды творения» (I) и восьмой «Установление законов» (VIII) нашего маршрута действуют в отношении Самары как областного города – источника инициатив и установлений, действующих на территории Самарской области, и как самой восточной точки Самарской Луки. Это отправная и конечная точка маршрута.

Второй этап «Субстанция, утроба» (II) гермопольского мифа указывает на энергии, обеспечивающие развитие. Для Самарской области разные виды топлива, делающие нас мобильными, вырабатываются в Новокуйбышевске, насчитывающем на 2010 г. 108 450 тыс. жителей. В XVIII веке на этом месте возникли села Мордовские, Чувашские и Русские Липяги. После сооружения Самарско-Златоустовской железной дороги (1857–1885 гг.) появилась станция Липяги. В 1946 году началось строительство крупного нефтеперерабатывающего завода. В 1952 г. пос. Новокуйбышевский был преобразован в г. Новокуйбышевск. Город имеет высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха.

Третий этап «Тьма, отсутствие жизни» (iii) гермопольского мифа предполагает переход от некоего идеального пространства к реальному, символически обозначенному строчным написанием римской цифры «iii». Фраза «Отсутствие жизни» очень точно характеризует город Чапаевск, насчитывавший на 2010 г. 73,4 тыс. жителей, который уже был упомянут как зона экологического бедствия. Один из вариантов его спасения – перенос на новое место. Город был основан в 1909–1910 гг. в 43 км. от Самары. С 1927 по 1929 гг., став городом, Чапаевск назывался Троцк по имени революционера, с 1929 получил современное название по имени р. Ча-

паевка, служащей прямым указанием на героя гражданской войны Чапаева. Известный памятник Чапаеву, установленный перед самарским Драмтеатром, изначально предполагался для Чапаевска.

Вопрос зависимости решений, принимаемых современными ответственными лицами, от древних представлений возникает в случае Сызрани, которая относительно четвертого этапа гермопольского мифа получает характеристику «Расширение пространства» (iv). Во-первых, у Сызрани уже произошло расширение Волжско-Усинского перешейка и открылись широкие пространства Приволжской возвышенности. Во-вторых, пространство расширяется благодаря шести железным магистралям, сходящимся и расходящимся в Сызрани: две линии идут на восток, две – на запад, одна – на юг и одна – на север. В китайском восьмизначном цикле творения оговаривается, что расширение пространства сопряжено с опасностями, а именно «опасностью у воды» [7, с. 10]. Данная характеристика дает нам основание вспомнить, что в Сызрани находится второй по величине в России подземный склад снарядов. Случайно ли?

Правобережная Сызрань (на 2010 г. 179 400 человек) была основана в 1683 в 137 км. западнее Самары и получила статус города в 1796 г. На рубеже XIX–XX вв. Сызрань – это четвертый по значимости центр мукомольной промышленности (Самара занимала третье место), центр добычи нефти («Второе Баку») и горючих сланцев, центр фармацевтической промышленности. Там расположен филиал Военно-воздушной академии им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (бывшее Сызранское высшее летное училище).

Далее в 8-элементном цикле происходит смена вектора направленности, но перемещения еще нет, что выражается в близости города Октябрьск к Сызрани (в составе Сызрани с 1942–1956 гг.). В пятый этап гермопольского мифа, характеризуемый как «Божественный глагол», г. Октябрьск вписывается своим революционным названием.

Шестой этап гермопольского мифа – «Пробуждение к жизни», приходящийся на г. Тольятти (основан в 1737, на 2011 г. 720 тыс. человек), шестой пункт нашего маршрута, город энергетиков и автопрома. До 1964 г. Тольятти носил имя Ставрополь, что по-гречески (греч. stavro-poly) означает «Город Креста». Старый Ставрополь был затоплен при создании Куйбышевского водохранилища (1955–1957 гг.). Новый построен на более высоком месте, его районы имеют правильную прямоугольную планировку.

Седьмой пункт назначения – аэропорт и село Курумоч. Соответствующий этап гермопольского мифа называется «Сжатие», время на нем начинает сокращаться и исчезает. Относительно этой характеристики село Курумоч не должно быть большим, оно насчитывает 7150 человек. Село Курумоч, изначальное название которого Богоявленское-Курумоч, было основано по приказу В. Н. Татищева для поволжских калмыков в 1738 г.

Древнеиндийский миф говорит об отсутствии действий на северо-востоке, но придает ему функцию «дарования сил и энергии». Так, бог Сома, соединенный позже с Луной, – это божество, не совершающее деяний, но предоставляющее энергию (аналогично богатой ресурсами Восточной Сибири) другим богам, управляющим силами природы, для совершения их действий. Предшествует функции дарования этап накопления богатств Куберой; выявляется накопленное на следующем этапе, следуя суточному циклу, с восточной стороны – там, где находится Самара. Примером

реализации этой функции может служить такой исторический факт: в годы Великой Отечественной войны с 05.12.42 до середины 1943 года передачи советского радио транслировались из Самары. Аппаратные располагались около села Новосемейкино, на полпути к аэропорту Курумоч на глубине 28 метров. Радиопередачи транслировались на Москву и оттуда на весь мир. Важно учитывать, что в какой бы точке не начался маршрут – его предпоследний этап будет принимать на себя функцию «Подателя сил, вдохновения и энергии».

Пример г. Тольятти показывает, что если городу суждено было уже в советское время осуществлять интенсивное взаимодействие с западным миром, он может получить в качестве названия имя иностранца, пускай коммуниста, но иностранца. Случайно ли тогда название Богоявленское-Курумоч? Наряду с тюркскими предметно-бытовыми и природными этимологиями следует учитывать и контекст, связанный с Богоявленской тематикой. В его число входит космодром Куру, расположенный на северо-востоке Африки во французской Гвиане, и священное поле Куру в Индии, аналогичное по значимости битве на Курской дуге во Второй мировой войне [8, с. 254–256]. Согласно одной из этимологий название Курумоч восходит к названиям рек Кура (Курумка) и Моч. С учетом возможной санскритской этимологии следовало бы сказать, что название Курумоч расшифровывается как «(Место) освобождения (рода) Куру (от греха)» (much / муч – корень глагола «освобождать»).

Согласно древнеиндийскому эпосу «Махāбхāрата», перед началом решающей битвы на поле Куру, известном как место решения спорных вопросов, Кришной была явлена его Вселенская форма. В «Махāбхāрате» столица царственного рода куру – Хастинапур (букв. «Город Слона», hastin букв. «имеющий хобот»), ее, как и волжский Ставрополь, поглотили воды. В русском былинном цикле, посвященном Святогору – неземные рост и мощь которого дают нам представление о Вселенской форме Кришны – имеется мотив слепого («темного») отца, которому Илья Муромец, чтобы заслужить достойный прием, по рекомендации Святогора подает для рукопожатия раскаленный кусок железа [9, с. 220]. В «Махāбхāрате» слепому царю, слепому любящему своего злобного сына, по совету Кришны для приветственного объятия подвигается железная статуя. Таким образом, в число привлекаемого мифологического материала входят и наиболее древние элементы русского былинного эпоса.

Включенность Самарской Луки в городской пейзаж Самары – особая, она – левобережная, т. е. предполагающая большую удаленность от центра и защиту естественной водной преградой, как у левобережной Казани. В Самаре «левобережная» оппозиционность усиливается Самарской Лукой, отгораживающей Самару от центральной части России: не случайно Жигули были местом Волжской вольницы. Оппозиционность Самары создает в нормальной стабильной ситуации некий диалог и плюрализм точек зрения, в критичной для страны ситуации, например, во время Великой Отечественной войны такая «здоровая» и «конструктивная» оппозиционность становится спасительной. Старые города в Верховье Волги, входящие в Золотое кольцо России, – Тверь, Ярославль, Кострома начинались с того или иного берега, но сегодня они расположены на обоих берегах Волги. На Нижней и Средней Волге правобережны – Волгоград, Саратов, Нижний Новгород.

«Диалог» с центром может быть свойственен любому городу, находящемуся на равном удалении от Москвы (около 1000–1200 км.), если он сам является центром крупного региона. Так, на аналогичном удалении от Москвы находятся восточная

граница Самарской области и западная граница Белоруссии с городом Брест. Левобережная оппозиционность в применении к Самаре – это оппозиционность в значительной степени «восточная». Из волжских городов Самара – самый восточный город. От Рыбинска до Казани Волга следует в юго-восточном направлении, далее до Тольятти – на юг и, «совершив марш-бросок на восток» на 100 км., достигает Самару, расположенную на 50-й долготе (50°07'00" в. д.), и, вернувшись затем на исходный уровень Тольятти, продолжает течь на юго-запад, меняет у Волгограда направление на юго-восточное и впадает на 48 долготу у Астрахани в Каспийское море.

Городов, расположенных на 50 долготу, немного. Это Баку (49°50'06" в. д.), столица Азербайджана, Тегеран (51°25'00" в. д.), столица Ирана, а также Киров (49°39'00" в. д., прежние названия – Хлынов, Вятка). Это означает, что Самара более восточный регион, чем Турция, Грузия, Азербайджан, Армения, страны Ближнего Востока, Ирак. Относительно этого постулируемая оппозиционность Самары может интерпретироваться как нахождение в некоей фазе развития, несколько опережающей общие тенденции Центральной России. Подобное опережение – вполне естественный механизм, позволяющий нарабатывать необходимый опыт и потенциал для решения задач, которые ожидают Центральную Россию и, как следствие, всю страну через 2–3 или 5–10 лет. Конечно, само по себе нахождение на несколько градусов восточнее не означает наличия опережающих процессов, но их основание может быть усмотрено во включенности Самары в некое особое информационное пространство Сибирско-Азиатского региона, центром которого является Красноярск, а по диаметру расположены Ашхабад (Туркмения), Дели (Индия), Катманду (Непал), Харбин (Китай) и Самара.

Данный механизм опережения находится в обратно пропорциональном соотношении с хронологическим порядком освоения Европы и Сибири. Так, из городов, расположенных на 53 широте, Гамбург (53°33'00" с. ш.) был основан в начале IX в., Самара (53°11'00" с. ш.) – в 1586 г., Минусинск (53°42'00" с. ш.) – в 1739 г. получивший статус города в 1822 г., и Николаевск-на-Амуре (53°09'00" с. ш.), город с 1856 г., до 1926 – Николаевск, административный центр Хабаровского края. Общим для них является нахождение на некотором удалении от морей: Гамбург расположен в 110 км. на юго-востоке от Северного моря, Самара – 70 км. ниже (юго-восточнее) Куйбышевского водохранилища, Минусинск – на южной окраине Красноярского водохранилища, порт Николаевск-на-Амуре несколько отгорожен островом Сахалин от Охотского моря. Эльба течет на северо-запад, Волга – на юг, Енисей и Ангара на север, Амур на северо-восток.

Размещение Куйбышевского водохранилища (длина 500 км – третье в мире после водохранилищ в Гане и Канаде) и Красноярского водохранилища (54°55'00" с. ш.; длина 388 км, второе по России), а также Братского на Ангаре (56°15'00" с. ш.; длина 570 км, первое место по России), на одних широтах говорит в пользу того, что одинаковая широтность создает одинаковые предпосылки для таких гидротехнических сооружений. Кроме того, срединная часть озера Байкал, вытянувшегося с юго-запада на северо-восток на 636 км, отмечается как 53°13'00" с. ш., т. е. две единственные в мире аномалии Самарская Лука и пресноводное озеро Байкал, оказываются расположенными на одной широте. Более того, в центральной части Байкала расположен остров Ольхон (53°09'24" с. ш.) длиной в 72 и шириной в 12 км. – размеры сопоставимые с Жигулями, длина которых 60 и ширина от 25 до 32 км. С учетом нахождения поверхности Байкала на высоте 457 от уровня моря (а гора Бе-

зымянная, самая высокая точка Жигулей, составляет 381,2 м над уровнем моря), даже высота о. Ольхон и Жигулевских гор становятся сопоставимыми. С северо-западным берегом Байкала Ольхон образует Малое море и Ольхонские ворота.

Сравнение с Минусинском (71 100 тыс жителей на 2010 г.) и Николаевском-на-Амуре (22 600 человек на 2011 г.) затруднено более поздним освоением Сибирского региона. Сравнение Казани (55°47'27" с. ш.; 1 161 тыс. жителей) с Красноярском (56°01'00" с. ш.; 1 млн человек), расположенных соответственно на севере Куйбышевского и Красноярского водохранилищ, более перспективно. В нашем случае оптимально сравнение немецкого Гамбурга (53°33'00") и Самары (53°11'00"). В этом сравнении Гамбург, количество жителей которого превысило 1 млн в 1900 г. и на 11.2011 г. составило 1 799 тыс. человек, выступает как старший брат Самары. Каждое из сходств имеет свое ограничение, поэтому число совпадений и несопадений приблизительно равно. Первый параметр – рассмотренное расположение по отношению к водоемам, второй и третий – количество жителей и площадь.

Многие параметры, характеризующие деятельность современного города, сконцентрированные в одном Гамбурге (755 264 км²), являющемся крупнейшим портом Германии, распределяются в Самаре равномерно между г. Тольятти (314,79 км²; 719 484 человек на 2011 г.), Новокуйбышевском (86 км²; 108 450 жителей на 2010 г.), Курумочем (7150 человек). В сумме эти четыре образования по площади и количеству жителей превосходят Гамбург.

Исторически Гамбург – город-государство, входившее в Ганзейский союз и имеющее свой собственный гимн. Девиз Гамбурга «*Libertatem quam reperere maiores digne studeat servare posteritas – Die Freiheit, die erwarben die Alten, möge die Nachwelt würdig erhalten*» («Свободу, что добились для нас наши предки, достойно пусть с честью хранят потомки»). Как и старые волжские города, современный Гамбург, имеющий статус федеральной земли, расположен на обеих сторонах Эльбы. До середины XIX века он развивался в своих средневековых границах, свои сегодняшние очертания получил 1937 году. Для старых городов водные преграды не являются помехой и их очертания со временем принимают форму круга. Согласно принципам древнеримского градостроения, понятие город геометрически выражалось формой круга (*urbes* «город», *orbis* «круглый», *urvo* «опахивать, т. е. намечать границу будущего города») в сочетании с делением этого круга на квадрат, т. е. на четыре (от отглагольного прилагательного *quadrata* «разделенный на четыре»), двумя главными улицами. Рим был известен как *Roma quadrata*. <...> Даже в сложных территориальных условиях идеальные геометрические формы твердо соблюдались. Теоретически эта форма может быть понята лишь как квадрат внутри круга» [10, с. 23–24]. Самара, в силу своего расположения на стрелке рек Волга и Самара, развивается, осваивая в своем поступательном движении сектор междуречья рек Волга и Самарка, который составляет чуть более 30 градусов, расширяющийся в северо-восточном направлении. Однако, наличие явно выраженного сектора служит указанием на то, что Самару следует рассматривать как сумму таких секторов.

В круговое образование, центр которого – стрелка рек Волга и Самарка, входят:

- северо-западный сектор, образуемый г. Самара (интервал от 13 до 14 часов);
- следующий сектор в направлении против часовой стрелки, т. е. правый северный (интервал от 12 до 13), образует зеленую зону отдыха «за Волгой», на правом берегу Волги в Волжском районе Самарской области. Эта зона богата лесом,

полями, лугами, многочисленными озерами, протоками, заливами, турбазами и дачами в селах Выползово, Подгоры и Гаврилова Поляна. С правобережной зоной отдыха имеется паромное сообщение летом и круглогодичное сообщение судов на воздушной подушке. Село Рождественно (с 1571 г., 5000 жителей), расположенное ближе всего к центру рассматриваемой окружности, являет максимум заволжской круглогодичной активности. Перечисленные села образуют четырехчастное (quadrate) формирование данного сектора, развернутое в линию;

- северо-западный сектор (от 9 до 12) также относится к пойме Волги: в него входят снова село Рождественно и села Торное, Новинки, Шелехметь;

- в сектор, противоположный самарскому, в 20 км к юго-западу от Самары и симметричный Приволжскому и Кировскому районам Самары, вписывается г. Новокуйбышевск (108 400 жителей на 2010 г.). Признаком юго-западного сектора служат факелы нефтеперерабатывающих предприятий Новокуйбышевска, денно и ночью сжигающие природный газ. Именно по этим «огням» пассажиры поездов дальнего следования узнают город. По гамбургским меркам Новокуйбышевск входил бы в черту Самары.

Выше изложенное действует относительно центра, задаваемого стрелкой рек Самарка и Волга. Современный, т. е. географический центр города, сместился на северо-запад за пределы старой Самары в Промышленный, а также Кировский и Приволжский районы, завершающие череду спальных районов. В Кировском районе вблизи от парковых зон, дачных и лесных массивов, входящих в городскую черту, в 1994 г. был возведен по проекту, копирующему римский Колизей, торговый центр Колизей. Его круговые очертания создают в ландшафте Самары значительную доминанту. Относительно пространственной точки, отмеченной самарским Колизеем, Красноглинский район Самары (85,5 тыс. человек), отделенный от Кировского района многокилометровым лесным массивом, оказывается симметричен старейшей части города на стрелке Самарки и Волги. Это новое круговое образование с одной стороны ограничивается Новокуйбышевском, с другой аэропортом Курумоч, включает восточную окраину Жигулевских гор и находящиеся там поселения. С учетом этого, наблюдая как торговые мегацентры осваивают пространство от Колизея к пос. Управленческий, можно сказать, что формирование современной Самары как кругового образования происходит на наших глазах.

Итак, обратимся к городскому ландшафту Гамбурга, города, прозванного немцами «Ворота в мир». Через центр Гамбурга протекает небольшая речка – die Alster, которая благодаря шлюзу растекается центре Гамбурга большой восьмеркой, вершина которой ориентирована на юг, т. е. к Эльбе. Гамбург застроен равномерно с обеих сторон от этой речушки. В Самаре аналогичное положение занимает река Самарка, разливающаяся также очень широко. Через Самарку перешагнули только несколько районов, по сравнению с Гамбургом это можно назвать только робким шагом. Самара и Гамбург расположены на возвышенностях, но в центральной части Гамбурга рельеф выравнивается и перепад составляет только шесть метров. Географический центр Самары находится на высоте 100 метров над уровнем моря, на юго-запад от Речного вокзала высота быстро снижается и составляя 28 м над уровнем моря, совпадает с уровнем реки Волги. Спуск к речному вокзалу в Гамбурге тоже крутой, как в Самаре, но перепад между береговой линией и городскими кварталами значительно меньше. Если в Самаре только готовятся планы по строительству на стрелке в слиянии рек Самарка и Волга стадиона (на месте современного элевато-

ра), то в Гамбурге на территории бывшей таможенной портовой зоны, создан новый Гамбург-Сити. Природная достопримечательность этого района – разветвление Эльбы: на Северную и Южную Эльбу. Значительная часть бывшей таможенной зоны была расположена на острове, образуемом разными руслами Эльбы. В Самаре – это остров Проран, зона отдыха, омываемая основным руслом Волги и Воложкой.

Существенно отличает Гамбург наличие аэропорта в черте города. Широкие пространства гамбургского аэропорта Фюльсбюттель расположены примерно в том же районе, как и самарская Безымянка, но гамбургский рельеф не понижается так сильно, как самарский в районе Безымянки. В Самаре в этом месте находится производственный аэродром авиазавода «Авиакор» (авиазавод 18, эвакуированный из Воронежа). «ЦСКБ-Прогресс» (авиазавод 1, эвакуированный из Москвы) в 1961 году полностью был перепрофилирован на ракетно-космическую тематику. Аэропорт Самары расположен в 30 км. от города, между Самарой и Тольятти. Сегодня Самара и Гамбург в равной степени причастны к авиапрому: Гамбург – в европейском масштабе второе по значимости место сборки Аэробуса (аэродром Финкенвердер на юго-западе Гамбурга). Самара – место производства знаменитых Ил-2, лучших бомбардировщиков второй мировой войны и советского Ту-134, Ту-154.

Эльба судоходна, ее фарватер, постоянно контролируемый и поддерживаемый на определенном уровне, позволяет принимать порту г. Гамбург самые большие океанские лайнеры и сухогрузы. Эльба течет на северо-запад, Волга – на юг, но благодаря излучине у берегов Самары ее русло уходит от Самары вверх по течению в аналогичном северо-западном направлении. В Самаре железнодорожный мост находится на таком же расстоянии от центра и главного вокзала, как и в Гамбурге, но там мосты пересекают Эльбу, а в Самаре – р. Самарка. Сызранский (Александровский) мост через Волгу находится в 10 км от г. Сызрань и в 127 км от Самары вниз по течению. Он был введен в эксплуатацию в 1880 г., его длина составляет 1436 м. Переправиться на железнодорожном и автомобильном транспорте на другой берег можно по дороге, проходящей по Куйбышевской ГЭС. В Гамбурге сообщение с левым берегом обеспечивается двумя тоннелями, несколькими мостами юго-восточнее центра Гамбурга. Старый тоннель был построен для пешеходов и автотранспорта в 1911 г., он расположен на глубине 24 м., его длина – 246 м, новый обеспечивает движение по автобану № 7.

Гамбургский порт размещается напротив города в пойме Эльбы, которая испещрена десятками портовых каналов. Самарцам очень легко представить эту местность на примере множества «заволжских» (правобережных) пойменных проток и озер, если в своем воображении они на этих водоемах поместят океанские корабли. Далее за территорией гамбургского порта следует небольшая возвышенность с несколькими левобережными районами Гамбурга. В Самаре на аналогичном удалении начинаются Жигули, но они значительно выше, чем упомянутая возвышенность в Гамбурге и не заселены. В Гамбурге – разветвленная сеть метро и городских электричек. Движение городских электричек осуществляется по насыпям (дамбам), линии метро в некоторых районах выходят на поверхность и проходят по эстакадным мостам. Одна из линий городских электричек пересекает юго-восточнее центра Эльбу и идет в северо-западном направлении параллельно руслу реки до конечной Нойграбен (букв. «Новая яма»). Этому району Гамбурга в Самаре соответствует поселок Ширяево, известный своими каменоломнями. Если до уже упомянутых сел Подгоры и Гаврилова поляна можно добраться с помощью паромной переправы и авто-

бусного маршрута или личного автотранспорта, то до следующего села Ширяево можно пройти по берегу Волги пешком (на велосипеде), на транспорте – со стороны ГЭС. Самое узкое место Самарской Луки – Жигулевские ворота, место встречи сказочных Жигуля (Жигули) и Сокола, Соколых гор, на которых расположена Самара. В Гамбурге – Falkenstein «Соколиный камень» – это одна гора, расположенная в районе Blankenese. Чтобы составить представление об этом районе, достаточно сказать, что это элитный район с дорогими особняками, такой же, каким сейчас становится волжский берег в районе Барбошиной поляны (поляны Фрунзе) и Студеного оврага.

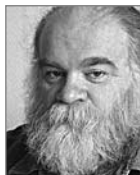
Рассмотренные в данной статье алгоритмы развития городских образований универсальны. Они оказываются одними и теми же в древних мифах, решениях должностных лиц по избранию тех или иных направлений в развитии городов, а также логике развития городских образований, расположенных на одной и той же широте. Мифологический способ обобщенного рассмотрения системы взаимосвязей позволял закреплять за каждым сектором пространственного образования определенный принцип развития, соотнося его с деятельностью божества, управляющего теми или иными стихиями. Современная методология облачает данные принципы развития в понятия, образы реальности, общие для разнообразных явлений и ситуаций. Современная методология не предполагает сведения основного набора понятий в единую схему, образующую своего рода «конвейер мысли» и одновременно базовую схему развития. Обращение к восьмеричной схеме – один из способов отображения полнофункционального цикла развития и осмысления вопроса гармоничного устройства городского пространства. В применении к городскому ландшафту эти принципы как своеобразные этапы развития неизбежно получают свою особую пространственную локализацию.

Литература

1. Кудинов К. А. Жемчужина Средней Волги // Жигули Заповедные // Сост. В.К. Туманов. – Куйбышев: Куйбышевское кн. изд-во, 1988.
2. Семека Е.С. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира // Труды по знаковым системам. Вып. V / Отв. ред. Ю. Лотман. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1971. – С. 92-119.
3. Приручили ветер // Волжская коммуна. – 20 сентября. – 2008. – № 264. – С. 5.
4. Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. – М.: Гл. ред. восточной литературы, 1982. – 270 с.
5. Ерофеев В. Тайны жигулевских подземелий // <http://www.awesta.sibirjak.ru/page-id-115.html>
6. Кларк Р. Священные традиции Древнего Египта / Пер. с англ. К. Савельева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 448 с.
7. Щуцкий Ю.К. И-цзин: Книга перемен / Пер. с кит. и комм. Ю.К. Щуцкого. – М.: Изд-во Эксмо; Спб.: Мидгард, 2006. – 640 с.
8. Жарникова С.В. Реки – хранилища памяти // Гусева Н.Р. Русский Север – прародина индославов. – М.: Вече, 2003. – С. 253–257.
9. Былины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1957. – С. 500.
10. Кереньи К., Юнг К.Г. Введение в сущность мифологии // Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / Пер. с англ. А.А. Юдина. – М.-К.: Совершенство – Port Royal, 1997. – С. 11-210.

Музеи и фестивали актуального искусства в индустриальном российском городе

/Museums and festivals of actual art in the industrial Russian city/



В.В. Долонько

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Самара, РФ

Статья посвящена актуальному искусству (Contemporary Art) в провинциальном городе.

Ключевые слова: актуальное искусство, гуманитарная стратегия, индустриальный город.

*V.V. Dolonko, Volga region state social and humanitarian academy
Samara, RF*

Article is devoted to actual art (Contemporary Art) in a country town.

Keywords: actual art, humanitarian strategy, industrial city.

Культурное пространство накануне Contemporary. Contemporary Art стало в настоящее время доминантным направлением развития изобразительных искусств в той части российской провинции, которую принято именовать «индустриальными городами». Иронический вздох – «принято именовать» – в большей степени относится к состоянию «реальной» экономики и, в первую очередь, индустрий в этих городах. Сейчас они представляют собой скорее гигантские потребительские общины, члены которых заняты в сферах управления, услуг и торговли. Специфика профессиональных занятий мешает им значительно удалиться от центра, но уровень доходов позволяет переехать в пригород. Вот этот крупный населенный пункт с прилежащими усадебными и коттеджными поселками я и буду именовать в дальнейшем современным городом, присовокупляя определение «индустриальный», во-первых, в память об истории его возникновения, а, во-вторых, с надеждой на то, что когда-нибудь сумеют найтись аргументы в пользу возобновления в нем какой-либо формы товарного производства.

Культурное пространство этих городов к концу XX века характеризовалось чрезвычайной консервативностью. Развитие художественной культуры происходило как правило в государственных учреждениях и под присмотром творческих союзов, созданных под присмотром того же государства. Underground же как художественное течение существовал в столицах, а единственное исключение из этого правила – Свердловск / Екатеринбург – лишь подтверждал правило, справедливо требуя к себе особого внимания и исследования причин собственной феноменальности.

Советская эпоха оставила в наследство типовую инфраструктуру: один город – один театр, один оркестр, один художественный музей и т.д. Все в единственном экземпляре и с полным набором признаков монопольного права на творчество, знание того, как нужно творить и поддержку в обмен на идеологическую лояльность.

С концом эпохи средств на грамотную совершенствование этой структуры не нашлось. Их не было совсем, даже на сохранение наличествующих ресурсов. Парадоксальная ситуация: страна стремилась жить в условиях свободы – выбора, слова, совести, – а выбор этот предлагалось делать в условиях деградации культуры, главная цель которой – содействие развитию эмоциональной сферы личности.

Тупиковую в целом ситуацию усугубил директивный запрет заниматься воспитательной работой в образовательных учреждениях. Пусть из благородных побуждений воспрепятствования реставрации коммунистического режима, но теми же ускоренно-большевистскими методами. В школе – и в средней, и в высшей – это ознаменовало начало господства прагматического подхода к обучению с приматом получения знаний над формированием личности. Обучение языкам искусств строителей новой школы не интересовал.

Вот на фоне этих процессов в середине 90-х годов в российской провинции робко дали о себе знать первые ростки так называемого актуального искусства – Contemporary Art, «паровозы» которого – галеристы, «пиарщики» – довольно скоро и удивительно споро превратили его в синоним искусства современного, лишив сторонников иных направлений права на настоящее.

Актуальное искусство как mainstream. Актуальное искусство из нового направления довольно быстро превратилось в направление доминирующее в современном арт-бизнесе. Именно в арт-бизнесе, а не в изобразительном искусстве: художники продолжают свои занятия творчеством, в малой степени завися от ажиотажа вокруг Contemporary.

Причин тому, что музеи традиционного искусства запросто отдали «командные высоты» в битве с неопитами множество.

Причина экономическая. Провинциальные музеи фактически лишены возможности пополнять собственные фонды. Для участия в аукционах, да и просто для покупки работы у владельцев, даже при скромности их запросов, нет средств. Исключение составляют работы местных мастеров, но и этот вид деятельности после появления конкурирующих между собой союзов художников (в Самаре – их три!), прекращения деятельности Худфонда и фактический отказ государственных органов управления от полномасштабного сотрудничества с экспертным сообществом тихонько свернули.

В небольшой же и непополняемой коллекции государственного музея работ первого ряда, к которым у посетителей есть тяга возвращаться неоднократно, как правило, либо нет вовсе, либо их крайне мало. В городах с повсеместно недоразвитым въездным туризмом и ограниченным числом любителей живописи это обстоятельство делает государственные музеи фактически неспособными к выживанию.

Помочь могут передвижные выставки, но здесь к высокой цене вопроса, определяемой, в частности, повышенными в последнее время требованиями безопасности, а значит и страховки, добавляется причина организационная. Каждый крупный провинциальный город имеет потребность не реже одного раза в квартал принять либо столичную выставку, либо обменяться с коллегами лучшими работами из собственных фондов. Но федеральное министерство, музеи федерального подчинения

относятся к выставкам подобного рода как к событию, из ряда вон выходящему. Вместо того, чтобы воспринимать работу по их организации как к части будничного процесса.

Есть еще один выход – развитие профессионального искусства «на местах». Не профессионального искусства вообще, а искусства высокого. Но этому мешает проблема, касающаяся качества «трудового ресурса» (так она именуется в учебниках по макроэкономике).

Во-первых, отсутствует как прослойка категория искусствоведов. Их попросту в провинции не готовят (возникшие несколько лет назад симулякры в виде специализаций строительных и классических университетов пока не в счет – нет результатов) и целевых стипендиатов в столицы не направляют. В государственных музеях осталось по два-три специалиста, остальные – девочки-мальчики с дипломами иного профиля.

В музеях нет профессионалов – что же говорить о возможностях школьных преподавателей воспитать у детей и подростков художественный вкус тем более в условиях нового школьного курса. И вот это – во-вторых. Из родителей – учителя и воспитатели, прямо скажем, малоквалифицированные, а от чтения книг подрастающее поколение «самой читающей страны в мире» уже порядком отвыкло.

Подавляющее большинство посетители музеев и галерей, отвечая сами себе на вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо?» – принимают в расчет какие угодно категории, кроме эстетических.

В музеи и галереи продолжают – вопреки элегантно законченности приписываемой Аврааму Маслову пирамиды – посещать. Но практически перестали приходить из-за «трепета души», перестали тянуться за знаниями, и если и заглядывают, то для того, чтобы подсмотреть что-нибудь для интерьера домашней кухоньки или заимствовать расцветку для каминного пледа.

Признаемся, это результат многолетней целенаправленной деятельности музейных работников, стремившихся уберечь экспонаты от «диких нравов толпы», то так и не сумевших в одиночку привить посетителям хотя бы элементарные потребности в общении с древним или прекрасным, или прекрасным древним.

А в галерее актуального искусства ничего этого нет – смотри, трогай! Каждое твое посещение – участие в уникальном спектакле, который никогда больше не повторится. В какой из государственных музеев взрослый человек может придти и с ним всерьез займется творчеством, начнут что-то конструировать, рисовать, лепить? А в галерее актуального искусства – пожалуйста. Это ли не настоящая забота о развитии художественной самодеятельности?

Или вот в 90-е в государственных музеях разгорелась, наконец, искра, зажженная Ириной Александровной Антоновой, и музейные площадки стали «своими» для музыкантов, оперных певцов, танцовщиков, драматических актеров. Вокруг изобразительных искусств стихийно возник творческий «кластер», давший начало многочисленным фестивалям, перформансам.

Но к началу 10-х энтузиазм пропал. Не без участия чиновников – это другая тема – важно, что тлеющий огонек подхватили именно представители Contemporary Art, для которых синтетичность жанра – естественное состояние. И закружились видео-, боди- и прочие арты.

Contemporary Art – палочка-выручалочка. Без всяких оговорок. Простота в организации выставочных залов: не нужно требований к влажности, освещенности,

уровне пыли столь высоких как в музеях традиционного искусства. Хотелось бы, чтобы технологические условия соблюдались, но их нет, и галереи – по десятку на город работают! И растут как грибы!

В одной Самаре – «Арт-Пропаганда», «11 комнат», «Арт-Центр» на Мичурина, «Виктория» (сделавшая, при всей своей разносторонности, крен в сторону «актуальности»). А посмотрите отчеты о выставках последних сезонов областного художественного музея (государственного) – свыше половины экспозиций – Contemporary Art.

По иронии судьбы, самая опытная, самая профессиональная, самая креативная команда, творящая в «актуальных» жанрах – самарский филиал Поволжского центра современного искусства Нели и Романа Коржовых не имеет своей площадки.

Я пишу об экспансии Contemporary в настоящем времени, уже зная о демарше московских галеристов, объявивших о прекращении своей деятельности. Это не аргумент против моих рассуждений: москвичи ведут речь о мастерах, а я о ширпотребе, захлестнувшем провинцию. Не о Кабакове и Брускине, Монастырском и Звездочетове, Осмоловском и «Синих носсах – о легионах ремесленников, не владеющих навыками изобразительных искусств, работы которых составляют основу провинциальных экспозиций.

Провокационная форма, циничный стеб и принципиальное неприятие традиционных социальных институтов – вот три кита, способные привлечь в современную галерею публику, не ищущую в ней художественных открытий.

Актуальное и традиционное. Можно ли избежать противостояния? Провокация в случае с Contemporary Art – и часть содержания, и маркетинговый прием. Прием удачный, если оценивать его с краткосрочной дистанции. Со стратегических далей провокация неотделима от противостояния актуального и традиционного искусств.

И в этом противостоянии не все «чисто». Как это ни парадоксально, «административный ресурс» – на стороне актуального. Особенно однозначно воспринятого чиновниками сигнала от Президента Медведева, посетившего 21 марта прошлого года Мультимедиа Арт Центр на Остоженке, последовавшего сразу за празднованием дня работника культуры, который Дмитрий Анатольевич встретил «не с представителями классического искусства, театра, кино, а с теми, кто смотрит на искусство по-своему, формируя его современную составляющую» [1]. Вслед за ним федеральное министерство культуры выпустило распоряжение, согласно которому региональные министры должны всячески способствовать развитию актуального искусства и ежемесячно отчитываться перед федеральным центром в достигнутых результатах, и пошла «писать губерния».

С одной стороны – чудо! В консервативной стране государственную поддержку получило искусство нетрадиционное. Это, безусловно, будет способствовать развитию новых жанров, созданию новых произведений искусства, появлению новых культурных практик.

С другой стороны – федеральное министерство не озаботилось принятием ни одного документа, который в той же мере способствовал развитию традиционного искусства.

Как в этой связи будут действовать «на местах» – предсказать не сложно. И вот уже в Москве стартуют три масштабных проекта центров современного искусства. И ни одной стройки музея искусства традиционного. В провинции в старинные особ-

няки, в которых, как правило, располагаются местные музеи, врываются фестивали и экспозиции Contemporary Art`а, смотрясь в исторических интерьерах зачастую как «лошадь в магазине».

Есть ли во все этом опасность? На мой взгляд, есть, и заключается она в закреплении сегодняшнего состояния культурного пространства, представляющего собой лоскутное одеяло из субкультурных заплаток, существующих без надежды на обретение общих ценностных критериев и идеалов.

Описанная модель, доставшаяся нам в наследство от постмодернистского бунта последней четверти XX века, пришла на смену модели, базирующейся на устойчивой дихотомии «массовое – элитарное». Модель эта – логичный итог полувекового «восстания масс», творцам которого претило снисходительное отношение к собственным вкусам как проявлению «низкого». Они стремились разрушить иерархическую лестницу ценностей (не только эстетических, безусловно), им это удалось.

Последствия мы видим повсеместно. Появление квазиэлит вместо элиты, борьба с любыми проявлениями традиционных ценностей как мешающими цивилизационному прогрессу и, в конечном счете, утверждение идеологемы: «Нет искусства низкого и высокого, нет вкусов совершенных и несовершенных, нет ценностей общественно признанных, все высказывания равноценны».

Не берусь утверждать, что нельзя сконструировать общество, идеальное настолько, чтобы приведенное выше высказывание было верно. Но в реальной России начала XXI века подобная конструкция культурного пространства губительна – и для дичающих масс, и для исчезающих элит.

Преодолеть отрицательные эффекты можно, но только если отнестись к Contemporary Art как к явлению чрезвычайно сложному и неоднозначному как с социальной, так и с эстетической точки зрения. Явлению, требующему профессиональных толкований и разъяснений.

Необходимо отказаться от обсуждения проблемы Contemporary Art как единственного «современного» направления искусства, как долгожданного выхода из застоя, вызванного деградацией искусства официального.

Как?

И мы возвращаемся к отсутствию гуманитарной стратегии России, к кризису образования, к потребительской парадигме. Круг замкнулся, и совершенно не очевидно, что есть воля и ресурсы, чтобы его разомкнуть.

Литература

1. Кузьмин В. Культура указом: Дмитрий Медведев побеседовал с представителями современного искусства // Российская газета. – 2011. – 23 марта.

Формирование эффективного имиджа Нижнего Новгорода как фактор развития его межрегиональных и международных экономических, научно-образовательных и культурных связей

/Effective image formation of Nizhny Novgorod as the factor
of development for its interregional and international
economic, scientific and educational and cultural relations/

И.Н. Ефимова, кандидат социологических наук

А.В. Маковейчук, аспирант

ННГУ им. Н. И. Лобачевского

Нижний Новгород, РФ

Анализируются ключевые вопросы формирования имиджа Нижнего Новгорода и его восприятия как внутренней, так и внешней общественностью, а также принципы эффективного имиджестроительства как фактора экономического и культурного развития города и региона.

Ключевые слова: имидж города, бренд региона, имиджевая политика, интернет-технологии.

I.N. Yefimova, Ph.D.

A.V. Makoveychuk, graduate student

NNGU of N.I. Lobachevsky

Nizhny Novgorod, RF

The article is devoted the key issues of forming the image of Nizhny Novgorod and its perception, both internal and external public, and analysis the principles of the effective image construction as the factor of economic and cultural development in the city and region.

Key words: *image of the city, brand of the region, image politics, Internet-technologies.*

Все вопросы городского развития тесно связываются с образом города. Причиной этого является новая ступень развития общества, когда вопросы имиджа, образа, бренда становятся факторами изменения реальности. Положительный образ города необходим для привлечения финансовых инвестиций, туристов и улучшения социального самочувствия жителей города. Имидж города влияет на различные стороны городского развития, и прежде всего на экономику, культуру, образование, миграционные процессы, а также на поведение жителей в городе.

В последние несколько лет вопросы создания положительного образа Нижнего Новгорода привлекают внимание, как городских властей, так и широкой общественности. Была разработана и реализуется программа городского развития «Нижний Новгород – столица Поволжья», направленная на создание столичного имиджа.

Цена любого города как «товара» означает для различных групп потребителей разное значение. Для жителей самой территории, это, прежде всего, стоимость жизни, уровень доходов, пенсий, социальных льгот, а также стоимость конкретных товаров и услуг на территории. Для туристов – это стоимость путевок, величина суточных карманных расходов. Для представителей бизнеса – стоимость оборудования и стройматериалов, налоговые льготы, правила раздела продукции и вывоза прибыли.

Успех в формировании имиджа города в первую очередь зависит от того, насколько удачно сознательно формируемый имидж определенной территории будет соответствовать, с одной стороны, ее объективным качествам, а с другой – ожиданиям и запросам потребителя, будь то турист, инвестор или переселенец [1].

Образ города – это относительно устойчивая и воспроизводящаяся в массовом или индивидуальном сознании совокупность всех эмоциональных и рациональных представлений о городе, складывающаяся на основе всей информации, полученной о нем из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений. Целенаправленно формируемый образ города называется имиджем города.

Образ города обладает свойствами изменчивости, историчности, относительной устойчивости, комплексности, плюрализма точек зрения, зависимости от объективных характеристик городского развития. На изменение образа города влияет экономическая, политическая ситуация, неожиданные перемены различных сторон жизнедеятельности города, государственная и градостроительная политика, инновационная деятельность.

Бренд региона – совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики региона и сообщества, получившие общественное признание и известность, пользующиеся стабильным спросом потребителей. Бренд региона формируется на основе ярко выраженного позитивного имиджа региона, и является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ региона, активом региональной экономики.

Репутация региона – динамическая характеристика жизнедеятельности региона, формирующаяся в обществе в течение достаточно продолжительного периода времени. Это ценностные убеждения, мнение у человека (группы лиц) на основе полученной достоверной информации о регионе, личного опыта взаимодействия в социуме региона. Репутация региона олицетворяет собой комплекс возможностей для реализации существенных интересов членов различных групп целевой аудитории. Это гарантия эффективного использования конкурентных преимуществ данной территории для жизни, бизнеса, капиталовложения, отдыха, учебы и т. д. [2]

Изменение имиджа города происходит в результате имиджевой политики, проявляющейся в городском планировании и пропаганде разных сторон жизнедеятельности города, качества его продукции и услуг, истории и традиций, ярких проявлений сотрудничества с другими регионами и странами. Имидж города складывается из тех сторон жизнедеятельности, которые субъекты, в принципе, в состоянии изменить – качество жизни, кадровых ресурсов, инфраструктуры, высоких технологий, массы капитала, контролирующих органов и т. д. При этом необязательно, что их деятельность приведет к желаемым результатам. Имиджевая политика является только частью городского маркетинга.

Структура образа любого города представлена взаимосвязями следующих понятий: облик города, стереотипы о городе, городская символика, статус города, городской фольклор, душа города, городская мифология и эмоциональные связи с городом и т. д.

На основе краткой характеристики различных сфер жизнедеятельности Нижнего Новгорода можно отметить, что наилучшая ситуация в городе наблюдается в отношении кадровых ресурсов, высоких технологий, богатой культурной жизни, сохранения городских достопримечательностей, возможностей для туризма.

История изменения образа Нижнего Новгорода проходит по следующим этапам: «Спаситель Москвы и России», «Карман России», «Закрытый город Горький», «Третья столица» или «столица реформ», «Кузница кадров», «Город «грязных» выборов и «черного пиара», «Столица ПФО», «Культурная столица Поволжья», «Спаситель России» и т.д.

Не все эти образы являются общепризнанными. Относительно образа Нижнего Новгорода, как «Столицы ПФО» до сих пор ведутся споры. Образ города как «Культурной столицы Поволжья» также является спорным. Новые исторические события накладывают свой отпечаток на образ города, становясь более яркими, по сравнению с предыдущими. Однако существовавший на протяжении некоторого времени образ, не исчезает совсем и сохраняется хотя бы у части населения.

Многие образы Нижнего Новгорода до сих пор существуют в сознании горожан. Особенно это касается образов «спасителя России», «кармана России» и «третьей столицы». Наименее распространен образ Нижнего Новгорода как города «грязных выборов и черного пиара». Возможно, существует подобный внешний образ, но определенно не внутренний.

Центральное место образа Нижнего Новгорода составляют Кремль, Ярмарка, Горьковский автомобильный завод, Нижегородское ополчение, военное производство во время Великой Отечественной войны, К. Минин, Д.М. Пожарский и М. Горький. Все эти элементы образа имеют положительную оценку горожан. Наибольшую гордость жители испытывают за события давней истории. Нижний Новгород видится нижегородцам прежде всего как город великих исторических заслуг. Однако современная деятельность Ярмарки и ГАЗа оценивается положительно далеко не всеми нижегородцами. С этими предприятиями связан мотив потери прежней роли города как торгового центра и кризиса промышленности города.

Образ Нижнего Новгорода многолик и включает в себя как множество событий, так и выдающихся личностей и достопримечательностей. Поэтому при позиционировании города важно учитывать не только основные элементы образа, но также и другие элементы, оказывающие влияние на образ.

Положительный образ Нижнего Новгорода базируется на акцентировании событий, как освобождение Москвы от польско-литовских захватчиков, военное производство во время Великой Отечественной Войны, научных разработки в области физики в Сарове, каменный Кремль, большое значение Ярмарки в XVIII-XIX веке, благоустройство города и реставрация памятников архитектуры в последние годы, красота природы и ландшафта города, слияние рек, верхняя и нижняя части. Среди выдающихся личностей города особую гордость вызывают К. Минин и Д.М. Пожарский, собравшие народное ополчение, писатель М. Горький, летчик В.П. Чкалов и многие другие ученые, художники, музыканты и т.д. Надежды на лучшее развитие города связываются с деятельностью губернатора В.П. Шанцева.

Негативный образ Нижнего Новгорода базируется на акцентировании событий и личностей с которыми связан позор города. К ним относятся ссылка А.Д. Сахарова, по мнению нижегородцев, это порочит город, делая его причастным к несправедливости власти, плохая экология Дзержинска, непопулярность автомобиля «Волга».

Восприятие Нижнего Новгорода как города прошлых достижений связано с утраченной городской позицией в сферах торговли и промышленности. Если раньше благодаря Ярмарке город имел славу торгового центра, «Кармана России», то в связи с революциями 1905 и 1917 гг., а также закрытием города, Нижний Новгород утратил лидирующие позиции в этой сфере. Теперь Ярмарка изменила свое значение в жизни города. Промышленность Нижнего Новгорода описывается через призму военных достижений, в то время как ее современное состояние оценивается по-разному.

Нижний Новгород как город нереализованного потенциала включает в себя переживания о недостаточно высоком статусе города в России. Город мог несколько раз стать столицей, был крупнейшим торговым центром, несколько раз спасал страну. Нижний Новгород предстает как сильный город. Это не город-мученик, как другие города, которые были в осаде во время Великой Отечественной войны, а город, оказавший существенную помощь стране и не один раз оказывающийся на передовой развития.

Наиболее актуально для жителей позиционирование Нижнего Новгорода как города с богатой историей. Несмотря на то, что жители говорят, что интерес к истории навязывается местными властями, горожане его активно воспринимают. Данный образ включает в себя почти все элементы существующего образа города и имеет крайне положительную оценку.

Продвижение имиджа «Нижний Новгород – столица Поволжья» будет активно воспринято населением, если образ столичного города будет раскрываться в представлении нижегородцев как богатая история и высокий потенциал развития. Жителям не надо доказывать, что Нижний Новгород, это столица, прежде всего надо показать, что столица – это богатая история.

В то же время, бренд «Столица – Нижний» более перспективен, нежели «Нижний Новгород – столица Поволжья» или «столица Приволжского федерального округа». Привязка к округу заставляет жителей задумываться об отличиях своего города от других городов Поволжья – Казани, Самары и т. д. и прийти к выводу, что они также имеют богатую историю, развитую промышленность и красоту Волги. Также жители сравнивают финансовую поддержку федерального центра Нижнего Новгорода и других городов Поволжья, и, как правило, эти сравнения показывают, что другие города поддерживаются не меньше, а порой даже больше, чем Нижний Новгород.

С идеей столичности связан образ Нижнего Новгорода как «Третьей столицы», который до сих пор разделяется частью нижегородцев в большей или меньшей степени. Своеобразным отголоском данного образа является представление нижегородцев о городе как о третьем в России по значимости, после Москвы и Санкт-Петербурга. Жители отмечают, что идея столичности близка Нижнему Новгороду. Эта идея озвучивалась неоднократно еще декабристами. Некоторые жители указывают на то, что Нижний Новгород мог стать столицей еще Древней Руси, если бы не территориальная близость к монголо-татарам.

Также идея столичности связана с характером нижегородцев, некоторые жители считают, что их характер близок к жителям столицы. Образ Нижнего Новгорода как столицы без привязки к Приволжскому федеральному округу оказывается гораздо в более выигрышном положении, чем образ столицы Поволжья [3].

Таким образом, история изменения образа Нижнего Новгорода насчитывает несколько этапов. Новые исторические события накладывают свой отпечаток на образ города, становясь более яркими, по сравнению с предыдущими. Однако существовав-

ший на протяжении некоторого времени образ, не исчезает совсем и сохраняется хотя бы отчасти у населения. Представленная выше история образов Нижнего Новгорода показывает, что существовавший ранее образ может стать снова актуальным.

Среди достаточно действенных инструментов формирования имиджа города и региона можно использовать визуализацию: это могут быть ролики, посвященные разнообразным событиям региона, обращения местных властей к своей аудитории или креативные видеоролики, посвященные региону, его известным людям, промышленным объектам, туристическим местам или известным культурным памятникам. Размещение их на видеохостингах способствует появлению «вирусного эффекта», который может привлечь целевую аудиторию к тем проблемам, интерес к которым мы и хотим вызвать у широкой общественности. Особенно, если информация подана в легкой развлекательной форме.

Поскольку в процессе формирования и продвижения имиджа региона необходимо работать одновременно с разными аудиториями, то целесообразным будет использование сразу нескольких площадок, главное, чтобы они использовались в рамках единой стратегии и дополняли друг друга. Коммуникационные интернет-сервисы в этом смысле – это наиболее благоприятная среда для продвижения имиджа региона на разных уровнях. С каждым годом цифровая среда коммуникаций становится все популярнее как среди обычных пользователей, так и среди представителей различных ветвей власти. Интернет проникает в самые отдаленные уголки нашей Родины, способствуя доступности информационных ресурсов для все большего количества людей. Благодаря Интернету и социальным сетям скорость распространения информации в новых медиа на порядок превышает возможности традиционных СМИ [4]. Несомненным преимуществом использования социальных сетей в качестве формирования и продвижения имиджа региона является доступность аудитории и доверительный формат общения. Продвижение в новых медиа позволяет точно воздействовать на целевую аудиторию, выбирать площадки, где эта аудитория в большей степени представлена, и наиболее подходящие способы коммуникации с ней. При грамотном использовании инструменты Web 2.0 могут существенно улучшить понимание своей целевой аудитории и взаимоотношения с ней. Кроме того, преобладающее большинство населения нашей страны в последние несколько лет проникается все большим доверием к социальным медиа, нежели к официальным источникам информации. Поэтому игнорировать новые каналы коммуникации сейчас просто нельзя.

Литература

1. Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? // <http://www.nb-media.ru/main.php?id=1&nid=1378> (дата обращения 10.05.12)
2. Там же
3. Маслова А.Н. Программа «Нижний Новгород – столица Поволжья» и ее восприятие жителями города // Мир студенческой и молодежной науки: приоритетные национальные проекты – инновации – молодежь / Под ред. Ю.С. Пивоварова. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – С. 297-303.
4. Бульина В. Социальные сети как инструмент реализации программ территориального брендинга // <http://libris-ex.livejournal.com/11171.html> (дата обращения: 12.05.12).

Самарские городские пространства ЭПОХИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА /City spaces of Samara in the time of post-industrial society/



А.В. Жоголева, кандидат архитектуры, доцент
Самарский государственный архитектурно-строительный университет
Самара, РФ

В эпоху постиндустриального общества городские пространства начинают претерпевать значительные изменения. Архитектурный образ становится одним из ведущих факторов, усиливающим другие – несимволические – факторы постиндустриального развития города. В статье рассматриваются траектории архитектурной деятельности и архитектурные проекты, которые могут быть интегрированы в структуры целостного городского проектирования.

Ключевые слова: городские пространства, архитектурный образ, "пространства потоков", целостное городское стратегическое планирование, городской брендинг, мультикомплексный объект, транспортно-пересадочный узел.

*A.V. Zhogoleva, associate professor of the department "Town-planning"
The Samara State University of Architecture and Civil Engineering
Samara, RF*

In the conditions of formation of post-industrial society urban spaces begin to change. Architectural image becomes one of leading factors, strengthening others - not symbolical - factors postindustrial development of the city. In article are considered. Trajectories of architectural activity and architectural projects, which can be integrated into structures of complete city design.

Keywords: urban spaces, architectural image, "space of streams", trajectories of architectural activity, over-all urban strategy planning, branding of town, multicomplex object, ransport and transfer complex hub.

В эпоху постиндустриального общества представления о городском пространстве начинают претерпевать значительные изменения. Это связано с переходом от линейно-текстовой индустриальной цивилизации к интерактивно-гибридной постиндустриальной, основанной на глобальной экономике высокоспециализированных услуг, креативных индустриях, постмодернистской мифологии, научных инновациях, управлении телекоммуникационными системами.

Возникают городские пространства, которые как узлы осуществляют функции организации, собрания, управления и перераспределения транспортных, финансовых, товарных, миграционных, информационных и других потоков - «пространства потоков», в местах пересечения которых образуются узлы интенсивной деловой активности. Территориально такие пространства закреплены в центральных районах

крупных городов, технополисах, высокоурбанизированных территориях, деловых центрах. Определяя архитектурные качества пространства как «потока» или «узла», мы сталкиваемся с представлениями о его многомерности, описываемыми с помощью множества градостроительных, социальных, экономических параметров. Территориальное оказывается лишь частым случаем во всем многообразии «центральностей» узлового положения, а потому лишь частично определяет пространство. Лондонский Сити, парижский Дефанс, московский «Москва-сити», нью-йоркский Манхеттен и другие высокоурбанизированные деловые центры городов – занимают относительно небольшие по площади территории, но на них сконцентрированы самые известные, знаковые и инновационные здания сооружения нелинейной архитектуры, медиаархитектуры. Эти градостроительные образования меняют функции центральных пространств: от исторических центров городов с пешеходными улицами, торговыми и культурными объектами к высокоурбанизированным центрам деловой активности с качественной транспортной инфраструктурой (возможностями удобной связи с аэропортами, вокзалами, скоростными магистралями непрерывного движения, со спутниковым и телекоммуникационным оборудованием).

Особенностями архитектурной деятельности становятся: «апофеоз знакового сооружения» (Р. Колхаас), архитектурный язык, которому «научились в Лас-Вегасе» (Р. Вентури), имитационное моделирование впечатлений, качество организации ландшафта, комфорта (климатические системы), безопасности (спутниковое и навигационное оборудование). В архитектурной типологии большое распространение получают объекты, дающие прибыль (торгово-коммерческие, досуговые) и объекты «индустрии гостеприимства» (выставочные, гостиничные объекты, внешний транспорт и пр.). Проектно-творческая составляющая архитектурной деятельности «пространства потоков» – проектирование архитектурных оболочек геометрических, информационных потоков и встраивание их в центральные деловые районы на основе диалогического творческого мышления.

В качестве особой составляющей архитектурной деятельности «пространства потоков» выделяются программные архитектурно-культурные технологии – событийные действия, направленные на вхождение архитектуры в постиндустриальное городское пространство. Это проектирование средовых, культурных событий, презентация имеющих место или предполагаемых пространств в экспозиционной плоскости.

Архитектурная деятельность на швейцарской всемирной выставке 2002 г. была частью грандиозного шоу, символические сооружения которого встали в один ряд с такими легендами архитектуры как Хрустальный дворец в Лондоне и Эйфелева башня в Париже. Основные сооружения Олимпийским игр-2012 в Лондоне – центр водных видов спорта З. Хадид, станция метро В. Олсопа, мечеть М. Иварса – спроектированы по нелинейной архитектурной программе. Поскольку, несмотря на то, что нелинейной архитектуре уже более десяти лет, столь масштабных комплексов до сих пор не построено, предполагается, что Олимпиада-2012 и Лондон совершат этот рывок в принципиально новое измерение и станут новой точкой отсчета в представлениях о городских пространствах.

Событийные формы «пространства потоков» формируют иную тенденцию взаимосвязи территории и архитектурной деятельности. Не территория «работает» на бренд архитектурного сооружения, а, наоборот, благодаря архитектурно-культурным технологиям архитектурная деятельность, обустроивающая территории для прове-

дения выставок, форумов, олимпийских игр, саммитов и прочих мероприятий, дает территориям потенциал, служащий катализатором их социально-экономического развития («архитектура как проект города» – один из тезисов главного архитектора Барселоны О. Боигаса) [1]. Архитектурные проекты включаются в стратегические планы городского развития для улучшения позиций тех или иных территорий относительно других в системе глобальной конкуренции, и ведущие мировые архитекторы нанимаются с целью улучшить экономические показатели того или иного города с помощью ошеломляющего проекта, запуская в действие механизм «эффекта Бильбао». Интеграция городского и архитектурного брендинга способствует встраиванию субъектов архитектурной деятельности в сети деловой активности через презентацию имиджевых стратегий города. Архитектурный образ становится связующим посредником, усиливающим другие – несимволические – факторы постиндустриального развития в борьбе города за инвестиции и ресурсы [2].

Постиндустриальные реалии приходят и в российские территории. Города-миллионники – Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Самара – становятся центрами деловой активности, постепенно выводящими регионы в сети международного сотрудничества. Самара проводит и принимает участие в работе крупных международных рекламно-презентационных мероприятиях (бизнес-встреч, торгово-экономических миссий, бизнес-конференций, фестивалей, форумов, бирж сотрудничества и т. д.). По объему внешнеторгового оборота город в 2004 занимал ведущее место в ПФО. Объекты «инфраструктуры гостеприимства» формируют «пространства потоков» Самары: Самарский железнодорожный вокзал стал крупнейшим вокзалом в Европе, в составе аэропорта Курумоч идет строительство нового пассажирского терминала. Гостиницы «Холидей Инн», «Ренессанс», загородные парк-отели, ВЦ «Экспо-Волга» – такое строительство является исходным условием формирования «пространства потоков» становящегося постиндустриального общества.

В России состоится Чемпионат мира – 2018 по футболу, в заявке в качестве возможной арены проведения матчей обозначена Самара. Под строительство стадиона предлагается площадка на стрелке рек Волги и Самары.

Проведенный градостроительный анализ показал, что выбранная территория является наиболее перспективной для размещения крупного спортивного комплекса регионального значения. На это указывают плотностные факторы (отсутствие плотной застройки и наличие территориальных резервов), функциональные факторы (дефицит спортивных функций и наличие рекреационного ресурса), экологические факторы (наличие экологически чистых рекреационных зон), эстетические (разнообразии природного окружения).

При условии переноса с территории объектов речного порта и электрической подстанции, фактической площади, отведенной для строительства, достаточно для размещения зон: зона А - фактически сам стадион, и зона Б - зона градостроительного добавления, которая будет активно использоваться как во время проведения чемпионата, так и после (гостиницы, торгово-развлекательные объекты, рестораны и пр.).

Основные предложения по функциональной организации территории:

– проектирование мультикомплексного объекта, размещаемого в строительном объеме стадиона и в зоне А стадиона: стадион, концертный зал, выставочный комплекс, бассейн, спортивная школа, центр экстремальных видов спорта, парк с велотреком и пр.;

- проектирование многофункционального архитектурно-градостроительного ансамбля высокоплотной общественной застройки в зоне В стадиона, примыкающего к набережным вдоль р.Волга (общественно-деловые, торгово-коммерческие, досуговые и гостиничные объекты, функционирующие также и вне проведения чемпионата);

- проектирование мультифункционального транспортно-пересадочного комплекса-узла (платформа электропоезда, автовокзал, причал, подземный паркинг). Узел работает как для транспортного обслуживания стадиона, так и для обслуживания общественно-деловых объектов вне проведения чемпионата;

- развитие территорий левого берега р.Самары, где предполагается размещение высотной общественно-деловой застройки, а также застройки многоквартирными жилыми домами.

Основные предложения по организации транспортных и пешеходных потоков:

- электрификация железнодорожной ветки, проходящей по территории к железнодорожному вокзалу Самары, строительство дополнительной станции с пассажирскими платформами для обеспечения доступа пассажирского железнодорожного транспорта;

- организация пешеходных подходов к стадиону по зонам А и Б вдоль р. Волги по благоустроенным пешеходным набережным;

- разведение пешеходного движения высокой интенсивности и автомобильного движения по разным уровням. Частично пешеходные эспланады могут проходить над функциональными проездами к объектам общественного назначения в составе территории;

- создание новой очереди набережной р.Волга и далее поэтапное формирование набережных и благоустроенных береговых территорий р. Самары;

- безопасное пешеходное движение по мосту через р. Самару;

- организация пешеходного мола вдоль ул. Кутякова, ведущего от Хлебной площади до стадиона.

Следующим градостроительным этапом освоения территорий Самары можно выделить застройку свободных территорий Ленинского и Железнодорожного районов под общегородской деловой центр, а также территорий Засамарской Слободы под жилую застройку малой и средней этажности. Таким образом, строительство узла интенсивной активности с объектом регионального значения - стадионом на территории Стрелки позволит освоить определенные градостроительные резервы Самары и запустит развитие центральных и прилегающих городских территорий, которые в последствие станут районами с хорошо развитой инфраструктурой.

Литература

1. Бронуицкая А. Барселонская модель // Проект-international. – 2005. – №11. – С. 50-53.
2. Жилкин С.Ф. Стратегическое городское планирование. – Самара, 2001. – 260 с.: ил.

Константин Карлович Грот /Konstantin Karlovitch Grot/



А.Н. Завальный,

главный библиограф Самарской областной научной библиотеки
Самара, РФ

К.К. Грот – первый губернатор Самары, заложивший основы городской культуры, образования и права, забытый в советские годы и заново открытый в исследованиях постсоветского времени. Именно он был основателем и благотворителем первой самарской библиотеки. С инициативой о присвоении имени К.К. Грота Самарской областной универсальной научной библиотеке выступил ее коллектив. Идея была поддержана учеными и педагогами города. Процесс возвращения памяти об этом выдающемся человеке продолжается.

Ключевые слова: Самара, Самарская губерния, губернатор Грот, реформы.

*A.N. Zavalny, the main bibliographer of the Samara regional scientific library
Samara, RF*

K.K. Grotto is the first governor of Samara who has founded the base of culture, education and judiciary in the city Samara. He had been forgotten in the Soviet years and newly discovered in the researches of Post-Soviet time. The staff of the Samara regional universal scientific library supported by scientists and teachers initiated the assignment of the name of her founder and the philanthropist K.K. Grotto. The process of returning the memory of this outstanding person is in progress.

Keywords: Samara, Samara province, governor Grotto, reforms.

В январе 2015 года исполняется 200 лет со дня рождения выдающегося государственного деятеля России и филантропа, действительного тайного советника Константина Карловича Грота (1815 – 1897), брата знаменитого русского филолога и литератора Якова Грота, дяди талантливого русского философа и психолога Николая Грота.

Константин Карлович Грот был деятельным участником либеральных реформ Александра II. Он также содействовал преобразованию системы уголовных наказаний, открытию детских приютов, основал Мариинское попечительство для призрения слепых, наладил издание книг с брайлевским шрифтом и библиотечное обслуживание слепых. На собственные средства открыл в Петербурге образцовое Александро-Мариинское училище для слепых детей и ремесленные мастерские для взрослых слепых. Был председателем комиссии для разработки проекта реформы государственной системы призрения.

Сам выпускник Царскосельского лицея, Грот в 1871 году стал одним из организаторов комитета по сооружению памятника Пушкину в Москве.

В 1853 – 1860 годах Константин Карлович Грот возглавлял молодую Самарскую губернию. Он был одним из самых блестящих администраторов среди губернаторов империи.

Грот провел огромную работу по упорядочению всех звеньев аппарата управления обширным краем. Беспощадно пресекал коррупцию и взяточничество. Уделял особое внимание губернской столице, много сделал для ее благоустройства, выступил инициатором строительства городского водопровода. В Самаре были установлены первые сто фонарей для освещения улиц, разработан ряд мероприятий по противопожарной безопасности. Грот способствовал передаче городскому обществу Струковского сада, участвовал в открытии губернского статистического комитета и первой сберегательной кассы. При непосредственном участии губернатора были открыты мужская гимназия, духовная семинария, женское училище, военный госпиталь, телеграфическая контора. Грот перестроил и улучшил тюремные помещения в Самаре и губернии, взрослых арестантов стали обучать письму и чтению. Уездной полиции было запрещено задерживать людей до предъявления им обвинений.

В мае 1858 года врач Нестор Васильевич Постников при энергичной поддержке К.К. Грота открыл под Самарой первую в мире кумысолечебницу, функционировавшую на научной основе. При содействии К. Грота Постников смог получить от города землю в аренду по очень низкой цене, а от Приказа общественного призрения ссуду на 3 тысячи рублей. К. Грот также исходатайствовал у министра государственных имуществ предоставление в аренду казенной земли для кумысолечебницы. На базе кумысолечебницы была создана Самарская областная туберкулезная больница им. З.П. Соловьева.

Грот содействовал переселению немецких колонистов в Самарскую губернию, помогал осваивать новые земли. В 1863 году одно из своих поселений жители называли в честь К.К. Грота – Гротсфельд (Гротфельд). Ныне на этом месте садоводческое хозяйство СПК «Ягодный» Кошкинского района.

Огромен вклад Константина Карловича в культуру Самарской губернии.

В январе 1859 года по его распоряжению при редакции газеты «Самарские губернские ведомости» был открыт Кабинет для чтения, чтобы самарцы могли знакомиться с выписываемыми и получаемыми редакцией по обмену периодическими изданиями.

1 (13) января 1860 года по инициативе Грота открылась Самарская (публичная) библиотека (ныне Самарская областная универсальная научная библиотека). Грот лично обратился к видным общественным деятелям России и в различные государственные учреждения с просьбой помочь в комплектовании фондов библиотеки. Постоянно передавал в дар ей крупные партии книг и завещал свое книжное собрание (всего свыше 8 тысяч изданий). Учитывая заслуги Грота, Самарское общество удостоило его звания Почетного гражданина Самары, а после смерти Грота портрет Константина Карловича работы художника А.Ф. Пермякова был установлен в зале библиотеки.

На средства, собранные по инициативе Грота (более 3 тысяч рублей), в августе 1855 года было начато строительство первого, деревянного, здания

Самарского драмтеатра. 16 ноября того же года он был открыт (на нынешней Хлебной площади с фасадом на Волгу). Зал его вмещал 550 зрителей.

Стоит сказать, что К.К. Грот был связан с семейством Михаила Семеновича Щепкина. Сын актера служил у К. Грота в Самаре. Сам М.С. Щепкин писал о Гроде: «Поживешь поболее – увидишь, что такие начальники редки... Что за человек! Право, чудо».

При Гроде в Самаре из кружка любителей музыки было организовано Филармоническое общество (1858).

При поддержке Грота 19 февраля 1899 года в Самаре состоялся первый университетский праздник – торжественное собрание выпускников университетов, живших и работавших в Самаре. До Грота в губернии было порядка 5 человек с высшим образованием, при нем – 56 выпускников 7 университетов. Впоследствии, благодаря этим встречам, в Самаре было создано Общество поощрения высшего образования (1873).

Грот пожертвовал 5 тысяч рублей Самарскому реальному училищу на учреждение стипендии одному из самых бедных учеников. В Самарской учительской семинарии трое учащихся получали именные стипендии Грота. Он завещал капитал на учреждение пособий и наград для учителей и учительниц всех народных школ Самарской губернии без различия ведомств и наименований.

В Петербурге Константину Карловичу Гроту был поставлен памятник, в его честь названа улица. В Самаре, в областной универсальной научной библиотеке, каждые два года проходит научно-практическая конференция «Гротовские чтения», оргкомитет которых возглавляет исследователь жизни и деятельности К.К. Грота, видный самарский ученый Петр Иванович Савельев. В 2005 году, благодаря поддержке министра культуры Самарской области Ольги Васильевны Рыбаковой, в зале библиотеки была установлена мемориальная доска, посвященная Гроту. В 2007 году вышел документальный фильм о Гроде, подготовленный творческой группой Аллы Николаевны Мировой.

Образы города и самосознание горожан. По страницам самарских газет и журналов¹ /Images of the city and the identity of citizens. On pages of newspapers and magazines Samara/



А.Н. Завальный,

главный библиограф Самарской областной научной библиотеки
Самара, РФ

*A.N. Zavalny, The main bibliographer of Samara regional scientific library
Samara, RF*

Истоки самарского патриотизма. В 1764 году вышел указ Комиссии о коммерции (Коммерческой комиссии) о посылке купеческих детей за границу для обучения. Самарское купечество оказалось на редкость единодушным. Оно отписало, что «к приобучению в другие государства и города желающих никого не имеется и таковых нет».

Договорились. Волжские разбойники, обитавшие под Самарой, славились своей дерзостью. Вплоть до начала XIX века страх перед ними был так велик, что один отчаянный мужик смог ограбить судно, где находились 60 бурлаков. В руках он держал уздечки и железные конские путы, звук которых ночью был принят за лязг оружия.

Отлавливая местных пиратов, чиновники порой упрекали их:

– Вы бы хоть казенного-то не трогали!

– А черт вас там разберет, – отвечали разбойники, – где казенное, а где нет. Ставьте значки!

Кончилось тем, что на государственных судах появились опознавательные знаки. Нос кораблей украсил российский герб, а мачту – красный флаг.

Афоризм, рожденный в Самаре. 8 сентября Александр I приплыл из Ставрополя в Самару. Прекрасная погода и живописные виды Жигулей благотворно сказались на склонном к хандре монархе. Он был очень доволен, весел и выдал вполне актуальный и сегодня афоризм: «Как жителю гор необходимо иногда переходить в долины, чтобы переменить воздух, так и жителю коляски, чтобы успокоиться, не худо ехать по воде».

Дайте выпускников. В мае 1853 года самарским губернатором стал Константин Карлович Грот. За несколько лет он сделал очень много для развития губернии и совершил невероятный в российских условиях подвиг.

Отчасти с помощью отлично образованных выпускников российских университетов, отчасти благодаря своей воле и легендарной честности Грот смог искоренить взяточничество на территории края. «Особенность, – вспоминал современник, – которую этот край с того времени справедливо гордится».

В перерыве между стихами. Дмитрий Азарьевич Путилов в 1850-х годах основал первую в крае кумысолечебницу. Он известен и как автор текста к романсу Александра Алябьева «Не задумывайся, мой друг». В то же время Путилов слыл большим оригиналом. В Самаре он имел одноэтажный дом на Дворянской улице, а напротив стоял двухэтажный особняк помещика Обухова. Путилов терпеть не мог соседа и пакостил ему как только мог. Зная, что Обухов любит с верхнего этажа любоваться волжским раздольем, Путилов на крыше своей одноэтажки выставил три щита, которые полностью загородили Обухову вид на Волгу.

Поэтов надо кормить. 6 сентября 1857 года, возвращаясь из ссылки, в Самаре побывал великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко. Вместе со своим приятелем Иваном Никифоровичем Явленским он осмотрел город, а затем друзья решили пообедать и велели извозчику ехать к самому лучшему самарскому трактиру.

Едва они переступили порог заведения, как в один голос воскликнули: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» В трактире стоял резкий запах сала, гри и «всевозможной мерзости». Спутники заказали котлеты, но так и не смогли их дожидаться. Перед уходом голодный Явленский бросил половому полтинник и выругался. Полагаете, что половой ответил грубостью? Никоим образом. Он молча улыбнулся и поклонился: получил деньги и котлеты сэкономил. А Шевченко прославил нас на весь мир: «Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан! И нет порядочного трактира! О, Русь!».

«Иди, не бойся». В 1862 году Лев Николаевич Толстой отправился в самарские степи «на кумыс». С ним поехали двое ребят – учеников яснополянской школы.

Как-то в жаркую и душную ночь Толстой предложил мальчикам прогуляться. Они вышли из кибитки, где спали, и, поскольку жара не спадала, стали снимать с себя одежду. Через некоторое время бредущая по степи троица приобрела следующий вид: в середине шел раздетый по пояс Толстой, по бокам, держась за его кальсоны, семенили совершенно голые ребяташки.

Ребятам стало страшновато, и один из них спросил: «Лев Николаевич, у тебя есть сила? Если кто на нас нападет, будет грабить, ты отботаешься?»

И вдруг они заметили идущего им навстречу человека. Мальчики испуганно замолчали, компания остановилась. Человек приближался, глядя себе под ноги. Неожиданно он поднял голову и замер. Немую сцену прервал Толстой: «Иди, не бойся». Человек с опаской приблизился, медленно приходя в себя. Это оказался знакомый башкир: «Князе, я испугался. Моя думал, какая явлэний с неба, человек дурной, а эти маленькие, как крылья».

Зато сэкономил. Самарский губернатор в 1867 – 1872 годах Григорий Сергеевич Аксаков занимал до этого пост оренбургского губернатора и был председателем миссионерского общества, созданного для распространения православия среди инородцев.

Когда в Петербурге затребовали отчет о работе общества, то выяснилось, что из отпущенных ему 6 000 рублей за два года было израсходовано всего 7 рублей 50 копеек. Пытаясь оправдать слабую работу миссионеров, Аксаков написал, что деятельность общества не имела никакого успеха по причине войны с турками. Министр внутренних дел России П.А. Валуев был в шоке. Он велел от-

ветить губернатору, что в следующий раз просит сообщить перед тем, как тот решит объявить туркам очередную войну. Вы, наверное, уже догадались, что в то время Россия с Турцией не воевала.

Реформа по-русски. Владельцы села Царевщина (ныне поселок Волжский) братья Д., жившие в Петербурге, узнали о предстоящей отмене крепостного права. И накануне реформы быстро обменяли часть хорошей пахотной земли, которой пользовались крестьяне, на песчаные бугры. Возмутившихся крестьян жестоко высекли плетьюми. Тут подоспел манифест об освобождении, но мужики наотрез отказались принять новый надел и требовали прежние земли. Шесть лет царевщинцы искали правду у властей и регулярно посылали ходоков в столицу.

Став самарским губернатором, Г.А. Аксаков решил при помощи хитрости прекратить это безобразие. С большой свитой, жандармами и казаками он прибыл в село. Собрав крестьян, губернатор объявил, что или они принимают предложенный им надел, или их выселяют в Сибирь. Воцарилась гробовая тишина, и Аксаков подозвал стоявшего поближе мужика:

– Ну, отвечай, согласен ты принять надел?

Мужик теребил в руках шапку и молчал.

– Отвечай же!

– Да что я могу ответить, ваше превосходительство. Как мир, так и я. Если мир не согласен, так и я не согласен.

– Казаки! Уведите его на левую сторону. В Сибирь пойдет... А ну-ка, подойди вот ты.

Ответ был тот же, и вскоре на левой стороне образовалась внушительная кучка отказников. Губернатор стал волноваться, но, опасаясь провала рискованной затеи, продолжал пытаться крестьян. Наконец щедедушный мужичонка с пронзительным голосом выпалил:

– Я, ваше превосходительство, согласен.

– Ну и молодец, – обрадовался губернатор, становись направо.

После этого все остальные согласились и с облегчением встали направо. Тогда взмолились отказники:

– Ваше превосходительство, да ведь и мы сказывали, что как мир, так и мы. Мир согласен, так и мы согласны.

Немного поломавшись для порядка, Аксаков приказал освободить их. Мужики, довольные благополучным исходом дела, жестоко избили героя дня – щедедушного мужичонку – и устроили грандиозную выпивку. Причем пьянее всех был битый спаситель.

Куда везли самарские трамваи. Один из авторов «Золотого теленка» Илья Ильф и писатель Юрий Олеша в 1924 году были в командировке в Самаре. Позднее они общались с Михаилом Булгаковым, который записал в своем дневнике: «Приехали из Самары Ильф и Олеша. В Самаре два трамвая, на одном надпись «Площадь Революции – Тюрьма», на другом – «Площадь Советская – Тюрьма»... Словом, все дороги ведут в Рим!».

Театр абсурда. Летом 1936 года началась очередная разборка И.В. Сталина с бывшими соратниками. Газеты запестрели лозунгами, клеймящими «троцкистско-зиновьевскую свору белогвардейских террористов». Многолюдные собрания на заводах и в колхозах, в институтах и воинских частях требовали уничтожить «ядовитую змею», «презренную сволочь», «наймитов фашизма». В этот гнев-

ный хор удачно вписалась резолюция митинга работников Куйбышевского драмтеатра. Передав «братский привет» сотрудникам НКВД, жрецы Мельпомены четко и бескомпромиссно заявили о своей позиции: «Работники советского театра требуют самой безжалостной, самой суровой расправы с мерзавцами, которые хотели поднять руку на самое дорогое, самое любимое, самое родное, что есть у советского народа, – на великого продолжателя дела Ленина – Иосифа Виссарионовича Сталина и его ближайших соратников».

Зато увидели Куйбышев. Летом 1939 года студент московского института Александр Исаевич Солженицын отправился с приятелем в путешествие по Волге. Приехав в Казань, друзья сторговали за 225 рублей лодку-байдарку и поплыли вниз по реке. 21 августа они причалили в Куйбышеве. Наелись здесь до отвала хлеба и решили возвращаться. Стали продавать лодку, а она не продается. Удалось отдать только за 175 рублей. Да и то с большим трудом. Обескураженным путешественникам объяснили: чем ниже по течению, тем лодка дешевле. А может, их просто облапошили?

Предосторожность. В октябре 1941 года группу писателей эвакуировали из Москвы в Куйбышев. Их разместили в общежитии «Гранд-отеля», но через несколько дней попросили освободить номера: английские дипломаты потребовали места для своих горничных. А еще наши чиновники были категорически против, чтобы в ресторане «Гранд-отеля» наряду с иностранцами обедали Д.Ф. Ойстрах, Э.Г. Гилельс, С.В. Образцов, М.А. Шолохов и другие деятели искусства и культуры. Наверное, побоялись тлетворного влияния западного духа.

Преобразование. В годы войны Дмитрий Шостакович жил и работал в Куйбышеве. Однажды он увидел такое замечательное объявление: «С 1 октября открытая столовая здесь закрывается. Здесь открывается закрытая столовая».

Страна без героев. Во время строительства Волжской ГЭС Куйбышевское областное радио организовало выездной корпункт во главе с Валерием Михайловичем Прониным. Основной рабочей силой на стройке были заключенные созданных вокруг крупных лагерей. Это, естественно, не афишировалось, и, когда Пронин начал готовить первую серию репортажей о великой стройке коммунизма, характерной была такая ситуация.

– Можно мне встретиться с самым знаменитым сварщиком? – спрашивал журналист.

– Нет, нельзя.

– Почему?

– Он – заключенный.

– Хм, ну ладно, давайте тогда лучшего экскаваторщика.

– Нельзя, он тоже заключенный.

– А про лучшего бетонщика мне уже и не спрашивать?

– Угадали.

Как Кондратов стал хорошистом. Самарский писатель Эдуард Михайлович Кондратов учился в Ленинградском университете. До четвертого курса он был круглым отличником, а потом коррективу в его учебу внес полковник-военрук.

Во время занятий по изучению устройства боеприпасов офицер подробно остановился на давлении газов, которые выталкивают пулю из гильзы.

– Вопросы будут?

– Товарищ полковник! – Кондратов встал. – Вот я слышал, что одному солдату на фронте пуля попала в нос и застряла там. Она ему не мешала, и врачи

решили ее не трогать. После войны солдат вернулся домой и однажды чихнул. Пуля вылетела из носа и убила жену. Как вы думаете, товарищ полковник, какое давление газов было в этом случае?

Военрук взял мел и начал делать расчеты на доске. Через несколько минут он побагровел и повернулся к студенту:

– Все, Кондратов, не быть тебе больше отличником!

Забытая битва. В середине 1950-х годов в Куйбышеве появились стилиаги – группы молодежи, противопоставлявшей себя официальным условностям и нормам. Непременными атрибутами стилиаг были узкие брюки, длинные, почти до колен, галстуки с экзотическими рисунками, туфли на толстой подошве, удлиненные пиджаки, начесанный и набриолиненный кок на голове. Еще мудренее одевались девицы.

Партия и комсомол сразу расценили это как своеобразный вызов. Против стилиаг началась компания в «Волжском комсомольце», их отлавливали на улице и затаскивали в горком ВЛКСМ. Здесь распарывали брюки, обрезали галстуки, выстригали волосы. Сопротивлявшихся избивали. Весной 1957 года борьба достигла апогея. Комсомол обратился за помощью к учащимся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения. Тем же был доступен только один метод воспитательной работы. В теплый майский вечер большая толпа ремесленников вышла на Брод (Куйбышевскую улицу) – место прогулок стилиаг – и стала ремнями с тяжелыми бляхами избивать всех, кто был в узких брюках. Милиция, видимо, получив установку, ничего не замечала.

Весь следующий день стилиаги тщательно готовились. Были призваны знакомые спортсмены и сочувствующие студенты. Собрались к вечеру на набережной под Красноармейским спуском. На Брод направили «спецгруппу» без внешних стилиажных признаков. Увидев шныряющих в поисках врага ремесленников, разведчики поинтересовались:

– Что, ребята, стилиаг ищете? Так их сегодня здесь нет. Они там, на набережной, от вас прячутся.

Орава ремесленников с гиканьем и воплями хлынула вниз к Волге...

Очевидцы говорят, что такого побоища в своей жизни они больше не видели. А самых буйных ремесленников для охлаждения побросали в воду.

Безымянка: в поисках самоидентификации /Bezemyanka: in the search/



Л.Г. Иливицкая, кандидат философских наук
Поволжский институт бизнеса,
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Статья посвящена одному из районов Самары, вошедшему в ее топонимику под выразительным исторически -достоверным названием "Безымянка". В городских нарративах гигантский район с многочисленным населением, мощной космической и моторостроительной индустрией остался местом, не имеющим ни имени, ни прошлого.

Ключевые слова: Безымянка, Безымянлаг, город, городские мифологиемы, идентификация.

L.G. Ilivitsky, Ph. D.

*Volga Institut of Business, Samara State Medical University
Samara, RF*

The article is devoted to one of the areas of Samara, entered into toponymics of Samara under the expressive and historical name "Bezemyanka". In the city narrations the population, the powerful space and engine-building industry remained the place with neither name nor past.

Keywords: Bezemyanka, Bezemyanlag, the closed city, myths of the industrial city.

В 80-х годах XX века в одной из зарубежных газет была опубликована статья, перепечатанная из «Правды», о школе № 88, расположенной на Безымянке. Оригинальное название статьи было «Школа на Безымянке», в английском варианте оно стало звучать как «Школа без имени».

Безымянка – странное, непривычное, и не только для иностранца, название. Сразу возникает вопрос: почему этот район города даже не удостоился имени. Безымянка – это что-то не имеющее собственного имени, а может, не заслужившее его. Но последнее как раз к Безымянке не относится, так как именно благодаря ей Самара стала крупным промышленным городом. Ведь здесь, на Безымянке, будет размещено большинство эвакуированных в Самару во время войны заводов: Московский государственный авиационный завод № 1 им. И. В. Сталина (в настоящее время – ЦСКБ-Прогресс), Воронежский авиазавод № 18 им. Ворошилова (ОАО «Авиакор – авиационный завод»), Московский моторостроительный завод № 24 им. Фрунзе (ОАО «Кузнецов»), Киевский экспериментальный завод (Завод аэродромного оборудования) и др. Вместе с заводами в город придет и промышленная элита: руководители, рабочие, служащие из Москвы, Воронежа, Смоленска, Киева, Днепропетровска. За годы войны население Самары вырастет прак-

тически в два раза: с 350 до 600 тысяч человек, город переживет промышленную революцию, превратится в крупный центр тяжелой индустрии, что позволит ему к середине XX столетия войти в десятку наиболее развитых в промышленном отношении городов СССР.

Но несмотря на тот мощный индустриальный импульс, который дала Безымянка Самаре, для старого города она будет чем-то чужеродным, искусственным, даже опасным. В любом городе существует центр и периферия. Их взаимоотношения и взаимодействия могут выстраиваться по-разному. В Самаре негласный центр – Город резко противопоставлен своему 1-му району – Безымянке. Будут обживаться новые окраины, возникать новые микрорайоны, но в ментальности горожан Самара до сих пор разделена на два полюса: Город и Безымянка. Причем в полном соответствии с мифологическим сознанием Город является воплощением всего самого хорошего, светлого, успешного, престижного (более дорогое жилье, улицы светлее и чище, выше культурный и образовательный уровень населения и т.д.), Безымянке же приписываются ровно противоположные черты.

Столь резкое противостояние, скорее всего, связано с комплексом географических и исторических факторов, и возникших на их основе городских мифологем. Большую роль в восприятии той или иной территории горожанами играет степень близости – отдаленности от Волги. Волга для Самары – это своего рода ось, центр мира, близость к которой сродни приобщению к истине, красоте, успеху. Отдаленная на несколько километров от реки Безымянка наделена в этой связи статусом лишенности, ущербности, неподлинности. Для сравнения, район Барбошиной поляны (бывшая поляна им. Фрунзе) находится приблизительно в равной с Безымянкой удаленности от старого города, но близость Волги создает ему более привлекательный для самарцев образ, обеспечивает более легкое «вхождение» в город. Самара, это город, раскинутый вдоль Волги, расположенный на ее берегу, соответственно, все, что не отвечает данным критериям, с трудом может претендовать на роль города.

Старый город, расположенный на высоком берегу Волги, еще и своей возвышенностью противостоял Безымянке. Географическое расположение в низине оборачивалось мифологическим отождествлением с чем-то темным, грязным, совершенно непригодным для жизни. Безымянка, действительно, в 70-80-е гг. XX века считалась одним из самых грязных в экологическом плане районов города. Очень часто можно было услышать от самарцев, живущий в многоэтажных домах, расположенных на более высоких участках города, что по утрам над Безымянкой стоит серый смог. Непосредственная близость крупнейших в городе заводов, безусловно, сказывалась. Но, скорее всего, более существенным здесь было то, что высота, символизирующая волжский берег, была еще одним фактором, который задавал ценностные координаты в городской оценке. Районы города, построенные значительно позже и имеющие статус «спальных» часто обосновывали свое преимущество перед Безымянкой именно тем, что они располагаются на самой высокой точке города или, по крайней мере, одной из самых высоких. Высота, таким образом, также обуславливала право на принадлежность городу, в противоположность более «низменной» местности.

Следует отметить, что безымянские заводы, которые создали Самаре в советское время имидж крупного промышленного города, для самой Безымянки сыграли ровно противоположную роль. Промышленная Безымянка была противопоставлена Городу еще и потому, что последний был для самарцев воплощением культуры, науки, образования. Именно в Городе располагались все главные театры, институты, большинство научных учреждений, лучшие школы. Именно здесь проживала вся элита города. Даже настоящий воскресный отдых возможен был только в Городе, так как отождествлялся с набережной, пляжем, парком им. Горького (Струковский сад). Безымянке же отводилось второстепен-

ное положение, ее промышленный облик в какой-то степени, даже вызывал отторжение. И в этом заключался, на первый взгляд, определенный парадокс. Советская историческая наука возникновение Безымянки связывала с началом Великой отечественной войны, с эвакуацией из западных регионов страны заводов, с подвигом тружеников тыла, для которых именно «тыл был фронтом». Но почему-то столь положительный, благородный, мужественный образ Безымянки не способствовал тому, что бы она получила равноправное положение с Городом.

Во многом это было с тем, что история Безымянки начинается намного раньше, а именно в 1875 году, когда началась прокладка железнодорожной магистрали от Самары в направлении Уфы. Линия была однопутной, что потребовало строительства развязок для увеличения ее пропускной способности. Одним из таких развязок и стала Безымянка, получившее свое название по имени протекавшей здесь маленькой речки. Вскоре при нем возник рабочий поселок, который постепенно расширялся за счет дачных участков. Необходимость наличия хорошо оснащенной ремонтной базы для железной дороги способствовало тому, что в 1910 г. здесь начали строительство Самарского железнодорожно-ремонтного завода, сокращенно «Сажерез» (позднее в 1935 г. предприятие получило имя Валериана Куйбышева и стало называться Куйбышевским заводом запасных частей (КЗЗЧ) и жилья для рабочих. В 1914 году в связи с 1-ой империалистической войной строительство завода было заморожено и возобновили его в годы 1-ой пятилетки. Несколько раньше был создан кооператив железнодорожников, получившим поэтическое название «Сад-город» Он просуществовал до 1934 г, когда постановлением Самарского Горсовета его земли были переданы заводом «Сажерез» для временного барачного и капитального строительства.

В 30-х гг. XX века Безымянка мыслилась совсем не как «Сад-Город», а как крупный промышленный центр, полигон для воплощения идеи соцрасселения «Первейшее преимущество будущего рабочего района в том, что все элементы его запланированы разумно. Сознательное их размещение – главное отличие социалистического города», – писала «Волжская Коммуна» (1 сентября, 1931) [цит. по: 2]. Статья в журнале «Волжская новь» рисует планировочную схему будущей Безымянки как идеального социалистического города. «Давайте нарисуем условную схему социалистического города. Проводим линию транспорта. Она легко разделит город надвое, оставляя с одной стороны индустриальные кварталы: в них заводы, лаборатории. Теперь перешагнем через узкую линейку транспорта. И мы будем среди светлых кварталов жилищ, окруженных широким поясом древесных насаждений. И затем, преодолевая новую зеленую преграду, можно быть в кварталах зданий общественного назначения» [цит. по 2].

Но прежде чем стать идеальным промышленным социалистическим городом, Безымянке предстояло стать страшным Безымянлагом. В сентябре 1940 года для реализации грандиозного плана строительства был образован Безымянский исправительно-трудовой лагерь. Он состоял из 35 лагерей, включающих стройки в посёлках Управленческий, Красная Глинка и Кряж. Сегодня уже практически не услышишь понятные лишь только старым жителям Самары названия остановок: первый участок или третий. Но это та история Безымянки, о которой предпочитают не вспоминать, но которую невозможно забыть. Город и Безымянка оказались разделены не только Волгой, они стали воплощением свободы (пусть и условной) и несвободы, жизни и смерти. В 1940 году на одного ээка приходилось два-три жителя города. Поэтому Безымянка времен Великой отечественной войны соединила в себе не только подвиг, но и страх, рабский труд, несправедливость. Город, помнивший ее колючие проволоки, с трудом мог ее принять.

Безымянка в послевоенные годы скорее виделась жителю Города не как мощный промышленный центр, а по-прежнему как глухая окраина, населенная бывшими заключенными и шпаной. Ефим Михайлович Кнохинов, директор «школы на Безымянке» о начале своей работы рассказывал так. «Помню, бараки, частные домики, переулочки-закоулочки... Просто так не пройдешь. Да, нужно было отвлечь детей от улицы. Мы поставили себе задачу, защитить от ее много чего неприятного. Вот, сейчас говорят, что творится? Что происходит с молодежью? Да на кого она похожа? Просто люди забыли, что было с молодежью в пятидесятые, шестидесятые годы прошлого века. Я очень хорошо помню и ножи в карманах у ребят, и наркотики... Помню, как Исай Львович Фишгойт, он французский язык преподавал, меня предупреждал: «Ты смотри, в классе ученик такой-то, очень нервный, и у него в кармане обычно нож!...» Что тогда творилось! На чердак ребята обычно уходили драться. В том числе и поножовщина была... Бегали к ним туда, разнимали... Все это было. Школа считалась новостройкой. Как водится, в новую школу отдают учеников по принципу «на тебе Боже, что нам не гоже». К нам пришло довольно много трудных ребят. Школу сдали в эксплуатацию в 1954 году. За семь лет школу разнесли в пух и прах. Всё было разбито. Двери, рамы, стекла... Я тут, когда пришел в 1961 году начал с капитального ремонта» [3]. В 70-е годы школа № 88 (в настоящее время музыкально-математическая гимназия № 2) станет одной из лучших в городе. Здесь будет создано школьное самоуправление, открыты музыкальные классы, организованы различные конкурсы самодеятельности и туристические походы. Ее почетными гостями станут выдающиеся деятели искусства и литературы Д. Б. Кабалевский, Роберт Рождественский, Михаил Плетнев, Александр Дольский, Виктор Берковский, Александр Суханов и др. В школе будет собрана коллекция картин известного самарского художника В.З. Пурыгина.

Школа № 88 – это не исключение в новой истории Безымянки, это скорее пример поиска районом своего лица, своей идентичности, своего будущего. Она не могла опираться на свое прошлое, как старый город, и интуитивно понимала, что ее новый образ связан с будущим, со стремительными изменениями, инновациями. Ведь, действительно, все то, что было придумано в школе № 88 и что позволило ей стать брендом, который ассоциировался с образованием самого высокого качества – это были совершенно новые явления для всего среднего образования советского периода.

Уже в 60-е годы именно то, что сегодня называется инновациями, становятся «до-стопримечательностями» Безымянки. Например, построенная в 1963 году 9-этажка на углу улиц Революционной – Аэродромной. Тогда этот «небоскреб» приезжали смотреть даже из Тольятти и Сызрани. А в 70-е годы уже в качестве массовой застройки на пр. Кирова появится 9-ти и 12-этажные дома улучшенной планировки. Первая очередь самарского метро, соединяющая Юнгородок и ул. Победу, открытая в конце 80-х, также станет на несколько лет объектом обязательного посещения самарцев и гостей города. И не смотря на то, что памятник «Ракета» установлен на пр. Ленина, «Самара космическая» - это тоже, прежде всего, Безымянка.

На пороге 2000-х гг., когда многие российские индустриальные города были стремительно включены в новые, постиндустриальные отношения, Безымянка – то есть Промышленный, Кировский, Советский районы города Самары - оказались «кузницей кадров». Новая администрация Самарской области вышла «из Безымянки»; новые предприниматели и бизнесмены были вчерашними инженерами авиационных заводов. Накопленный после войны опыт профессионалов – производственников позволял решать новые управленческие задачи: губернатор К.А. Титов, мэр О.Н. Сысуев, владелец сети супермаркетов Л.А. Хасис - эти и многие другие прошли большой производственный путь. Появление

нового рабочего слоя эмигрантов из Азии было отмечено появлением «Дома дружбы народов», стремящегося внести свой вклад в формирование толерантных взаимоотношений старых и новых горожан. В тоже время эти районы города стали одними из самых криминальных, наполненными подпольными игровыми клубами и т.п. В этих районах не возникло и адекватного для них культурного пространства: например, кольца «индустриальных музеев» или биенале современного искусства.

И монополия «старого города» по-прежнему стирает самое очевидное: в старых районах проживает значительно меньше населения, чем на Безымянке. Даже образ «Дейтройта» или имидж «Черного неба над Рургегбитом» не обладают столь властной силой, с какой приходится сталкиваться в «случае Безымянки».

Подводя итоги, можно было бы выделить ряд урбанистических мифов, которые помогали или мешали этому району волжского города Самары.

Ментальность волжского города, тяготевшего к великой реке и идентифицировавшего свою свободу с нею, не приняла территориальную отдаленность от Волги.

Лагерное прошлое Безымянки наложило свой отпечаток не только на состав населения в послевоенные годы, но так же на ее «лагерный имидж» впоследствии.

Память об индустриальном величии этой части города вот-вот будет потеряна: она не запечатлена в современных музеях, не культивируется в праздниках, выставках и не играет никакой роли в повседневной жизни горожан. Несправедливо, если бы при самых благоприятных сценариях, была бы стерта память о прошлом - нескольких поколений производственников, брошенных войною на волжские земли, создававших «Тыл» и «космос».

Будущее этих городских районов, несомненно, должно учитывать «волжскую ментальность», позволяющую, как это было на легендарных Грушинских фестивалях, консолидировать все районы Самары. Будущее этих городских районов зависит от модернизационных процессов, ориентированных на авангард в экономике и культуре. Родились ли здесь креативщики, способные дать Безымянке новое имя?

Литература

1. Синельник А.К, Самогоров В.А. Архитектура и градостроительство Самары 1920-х – начала 1940-х годов. – Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2010. – 480 с.
2. Стадников В.Э. Город Куйбышев: Безымянка – градостроительный прагматизм в рамках доктрины «города-ансамбля» сталинского времени. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2011_1/11.
3. Кнохинов Е.М. В ряду приоритетов общества образование должно стоять первым. – Режим доступа: <http://www.samru.ru/society/obrazovanie/11624.html>.

«Островок» в городской цивилизации /«Island» in urban civilization/

Н.В. Костина, врач-психотерапевт, аспирант
Самарский государственный медицинский университет, Самара, РФ

Ключевые слова: *постиндустриальная цивилизация и постсоветское пространство, помолодевший инфаркт, санаторий – остров защищенности.*

*N.V. Kostina, Psychotherapist, Graduate student,
Samara State Medical University, Samara, Russia*

Keywords: *Postindustrial civilization und post-Sviet space, youthful heart,
Sanatorium – an island.*

Мы живем в период перехода от техногенной к посттехногенной цивилизации. Любые изменения для человека, как биологической единицы, являются в определенной степени стрессовым испытанием, некой проверкой на соответствие новым условиям. О том, что в современном, стремительно меняющемся мире теряется чувство реальности и умение ориентироваться в новых условиях писал еще в 70-х гг. Э. Тоффлер. Вслед за ним мы считаем, что футушок является признаком современной цивилизации. Формировавшиеся на протяжении тысячелетий в медленно меняющихся условиях жизни тело и психика человека не рассчитаны на современный высокий ритм жизни и постоянные перемены. Отсюда – объективная потребность в создании специальных средств, методов психологической адаптации человека к современным условиям существования. Резко помолодевшие на стыке советского и постсоветского пространства сердечные и онкологические заболевания, несомненно, усугубляют названные цивилизационное и социокультурное наклонения.

Считается, что техногенная цивилизация весьма агрессивна. В ее рамках оформляется «идеал господства человека над природой, ориентированный на ее силовое преобразование» (В.С. Степин). Техносфера разрастается и обнаруживает стремление к замещению биосферы. Согласно экспертным оценкам, по своей массе она стала сопоставима с массой биологического вещества, что пагубно отражается на здоровье поколений. Потеря коллективных ценностей с окончанием советской эпохи осложнила статус сорокалетних «перфекционистов», расплачивающихся своими инфарктами за несоответствие мира их представлениям о должном. Жесткие сердечные заболевания «расстреливали» не менее агрессивно, чем криминал.

Нужно отметить, что тема стрессовых цивилизационных факторов в жизни человека стала очень популярной в философии XX в. Еще Н. Бердяев, К. Ясперс, Ж. Эллюль и др. отмечали, что эту «медаль» о двух сторонах. Искусственная среда делает жизнь человека более комфортной, но создает и проблемы, влияющие как на тело, так и на душу человека. Опасения, высказанные несколько десятилетий назад философами, разделяют и современные врачи. Они отмечают, что особенности современного мира являются серьезным испытанием для человека, некой проверкой на «выносливость». Условия современного мира во много раз повышают требования к психической структуре человека.

Для того, чтобы адаптироваться к этому «убегающему» вперед миру необходим хорошо сформированный «социальный иммунитет» - физическая адаптивность к изменяющимся социальным условиям. Этот иммунитет формируется с первых дней жизни ребенка тем окружением, в котором он растет. И именно в первые годы жизни закладывается и формируется некое «базовое доверие к миру», являющееся психологической основой, необходимой для преодоления трудностей.

Исследования Бразельтон Штерн [1] наглядно продемонстрировали, что дети постоянно посылают своим матерям сигналы относительно того, что они хотят, что им не нравится. Если мать к ним равнодушна, возникает риск того, что в последствии у ребенка сформируется ощущение, что мир опасен и полагаться в сложных ситуациях можно только на себя. Став взрослым, он приучен быть в постоянной «боевой готовности». На таком психологическом фоне физиологические ресурсы организма подвержены быстрому истощению, что в итоге приводит к различным заболеваниям, в частности, специфическими в данном случае являются заболевания сердечно-сосудистой системы. Дональд Винникотт [2] отмечал, что если этот процесс нарушается из-за неадекватности реакций матери (чрезмерная забота или ее отсутствие) основная психическая структура оказывается поврежденной и тогда, сталкиваясь с ситуацией стресса, взрослые люди вместо психологической реакции, позволяющей найти пути решения проблемы, реагируют соматически (телесно), т. е. заболевая. «Базовое доверие» особенно важно для адаптации в быстро меняющемся мире.

Обратим внимание на тип двигателей техноэволюции, лишенных с детства «базового доверия». Обычно они носители таких черт характера как целеустремленность, прагматичность, трудоголизм, желание в кратчайшие сроки увидеть изменения среды. Внутреннее постоянное ощущение тревоги заставляет этих людей стремиться удерживаться на передовой жизни. Но в то же время их «базовая незащищенность» делает их уязвимыми к стрессам. Для того чтобы справиться с современным темпом жизни, необходим поиск неких «островков безопасности», на которых можно спокойно «отдышаться» перед последующим стремительным движением вперед.

На мой взгляд, особую ценность в этом смысле имеют санатории, находящиеся в структуре города. Четкое соблюдение принципов этапности и преемственности восстановительных мероприятий, четко расписанный режим дня, круглосуточное пребывание больных в санатории непрерывно на протяжении определенного отрезка времени, приводит к смене динамического стереотипа. Наличие четкого лечебного режима и комплекса лечебно-профилактических санаторных факторов организуют условия благоприятные для восстановления физических ресурсов, необходимых для адаптации в быстро меняющемся мире.

Особое место среди санаториев занимает кардиореабилитационный санаторий. Система реабилитации, со своими традициями, которые на протяжении более чем тридцати пяти лет формировались данной группой пациентов, с теми психологическими особенностями, на которых я останавливалась выше. Результатом длительной работы стало особое пространство санатория – реабилитационный сеттинг (охранительный режим), который как огромный контейнер, позволяет восстановить нарушенный опыт отношений с матерью. Этот опыт восстанавливается в паре врач-пациент. И врачу важно намеренно действовать особым образом, отличным от того, каким действовала мать (не быть отстраненным, равнодушным или же чрезмерно беспокойным, неуверенным и тревожным), необходимо контейнировать и перерабатывать внутри своего психического пространства все эти чувства и поддерживать реабилитационный сеттинг, где все четко расписано, что и сколько необходимо делать, что кушать, сколько отдыхать. Где врачи всегда на месте и у пациента есть четко прописанное время встречи с ним и в случае необходимости он всегда может найти врача «живым, спокойным, принимающим и понимающим, который может успокоить и «накормить». Если мать (врач) не испугался и справился с тревогой, страхом и ребенок (пациент) успокаивается и готов вновь возвратиться в стремительно развивающуюся жизнь.

Литература

1. Brazelton & Cramer, 1990; Emde & Sorce, 1983; Stern, 1981.
2. Змановская Е.В. Концепция внутренней реальности Д. Винникотта (с. 99-104) // Е.В. Змановская. Современный психоанализ. Теория и практика. – СПб.: Питер, 2011.

Особенности формирования нового имиджа Самары в первые послереволюционные годы /Peculiarities of forming the new image of Samara city in the first post-revolution years/



Н.Ю. Кривопалова, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный аэрокосмический университет
Самара, РФ

Анализируются основные средства формирования нового имиджа г. Самары в первые послереволюционные годы. Особое внимание уделяется агитационно-массовой деятельности художественной интеллигенции.

Ключевые слова: имидж города, 1917-1921 гг., агитационно-массовая деятельность, художественная интеллигенция.

*N.Y. Krivopalova, Candidate of History, Associate professor
Samara State Aerospace University
Samara, RF*

The paper is devoted to the analysis of the basic means of forming the new image of Samara city in the first post-revolution years. Special attention is given to agitation activities carried out by art intelligentsia.

Key words: image of the city, years 1917-1921, agitation activities, art intelligentsia.

С тановление советского государства было связано с разрушением устоявшихся в обществе духовных традиций и ценностей, а также с тотальным формированием новой по сути и задачам культуры. Важнейшим направлением деятельности центральных и местных органов власти в первые послереволюционные годы являлось утверждение новой идеологии в массовом сознании, создание героических образов наступившей эпохи и подготовка необходимого их восприятия, формирование новых традиций и образа жизни. Эти процессы нашли отражение в работе по преобразованию имиджа городов Советской России. Для укрепления своих позиций на местах новой власти необходимы были наиболее оперативные и «быстрые» средства в изменении идеологической направленности городского пространства. С этой целью разрабатывались специальные технологии, заключавшиеся в использовании топонимики и символического пространства города, проведении революционных праздников, осуществлении агитационно-массовой деятельности в различных ее проявлениях.

Рассматривая процесс преобразования имиджа г. Самары в данный период, необходимо отметить, что основные имиджевые средства были взаимосвязаны и взаимодополняемы. Так, работа с топонимикой, выражавшаяся в изменении названия улиц, площадей, общественных учреждений и направленная на закрепление но-

вых образов в городском пространстве, была связана, в первую очередь, с местами, где проходили массовые революционные праздники и митинги. К таким местам относились, прежде всего, площадь Революции (бывшая Алексеевская), площадь Парижской коммуны (бывшая Театральная), улицы Советская (бывшая Дворянская) и Красноармейская (бывшая Алексеевская). В этой части города уже с 1917 г. появлялись советские государственные и общественные учреждения, не только изменявшие предназначение прежних зданий, но становившиеся новыми символами города и центрами праздничных шествий. Особенно выделялись в этом плане здания Губревкома (бывший Дом Самарского губернатора на Театральной пл.) и Клуба коммунистов (бывший Волжско-Камский коммерческий банк на ул. Дворянской), балконы которых превращались в своеобразные трибуны в дни праздников, оформленные лозунгами и плакатами, где стояли руководители советской власти в городе [1].

В качестве значимого имиджевого средства использовалась замена идеологически важных символов города. В первую очередь изменения затрагивали опять же центры праздничных действий. Наиболее показательным здесь является тот факт, что уже к 1 мая 1918 года памятник императору Александру II на площади Революции был заменен на классический обелиск в честь создания нового государства.

Примечательно также, что Самарский Пролеткульт, занимавшийся подготовкой массовых праздников и вопросами агитационно-массовой деятельности, располагался с 1920 г. в бывшем особняке купца В. Сурошникова. Это красноречиво демонстрировало смену городских элит после революции и изменение идеологической направленности имиджа Самары.

Особое значение в процессе формирования нового городского пространства приобретали различные виды агитационно-массовой деятельности, которая по указанию «сверху» активно разворачивалась во всех городах Советской России. Ее осуществление являлось одной из главных задач Пролеткульта. В качестве основного проводника этой деятельности рассматривалась художественная интеллигенция, которая принудительно или по идейным соображениям оказалась на стороне новой «пролетарской власти».

Важным принципом массовой агитации должна была стать наглядность в силу низкого уровня образования большей части населения, выброшенного в город из деревни. В этой связи первостепенное значение имела деятельность мастеров образительного искусства. В состав инструкторов студии ИЗО Самарского Пролеткульта входили художники, различавшиеся по своим творческим устремлениям, но определяющую роль в агитационно-массовой деятельности начинали играть молодые художники, увлеченные идеями левого движения, авангардного искусства, – выпускники художественных училищ, Свободных художественных мастерских. Скульптор И.Г. Фрих-Хар, начинавший творческую деятельность в те годы в Самаре и руководивший скульптурной мастерской Самарского Пролеткульта, так описывал свое увлечение левым искусством: «Я был еще наивным, активным и горячим, сочувствовал коммунизму, хотя и не знал, что это такое. Увлекался революцией, действием, левыми направлениями» [2].

Подобная тенденция была характерна для многих городов России. Так, Е.П. Ключевская, рассматривая развитие авангарда в художественной культуре Казани, отмечает: «В 1920-е годы идеи авангардного движения получили отчетливо программный характер, претендуя на роль господствующей идеологии. Именно представители эстетического авангарда предреволюционного времени из числа бывших

учеников художественной школы первыми демонстрировали свою приверженность идеям левого движения, что, помимо прочего, выразилось и в претензии на монопольное право проложить дорогу в «будущее пролетарского искусства» [3]. Эта тенденция отразилась на страницах казанской периодической печати тех лет, которую заполнили новые лозунги: «ЛЕФы – работники на революцию», «Создать стиль пролетариата», «Театр, кино, эстрада, цирк, живопись, архитектура, литература, музыка должны стать приемом прорубания в коммунистическое будущее» [4].

Ведущими инструкторами студии ИЗО Самарского Пролеткульта в 1919-1921 гг. были художники-авангардисты, командированные Наркомпросом для организации в Самаре ВХУТЕМАСа (Высших художественно-технических мастерских) и проведения агитационно-массовой деятельности. Это были живописцы Г.Г. Ряжский, К.А. Михайлов, С.Я. Адливанкин, Д.Л. Колобов, скульптор В.Е. Бибаев. Все они одновременно работали и в декоративно-плакатных мастерских губвоенкомата [5]. Примечательно, что Г.Г. Ряжский и С.Я. Адливанкин до приезда в Самару проходили обучение на живописном отделении в Свободных художественных мастерских в Москве: Ряжский учился у К.С. Малевича, а Адливанкин – у В.Е. Татлина. Это во многом определило их тяготение к авангардному искусству, проявившееся в творчестве художников в самарский период. Интерес к новым направлениям обозначил и К.А. Михайлов в статье «Изобразительное искусство и футуризм», помещенной в альманахе Самарского Пролеткульта: «... Современные плакаты и иллюстрации, приспособленные для беглого мимолетного рассматривания, могут с пользой применить некоторые опыты футуризма для передачи движущихся предметов и для изображения бурно и стремительно развертывающихся событий» [6].

Вместе со столичным «десантом» во всех начинаниях массово-агитационной работы в Самаре участвовали и местные художники: Н.Н. Попов, который вернулся в родной город в 1919 г. после учебы в Пензенском художественном училище, и М.И. Степанов, окончивший Московское художественное училище живописи, ваяния и зодчества, еще перед революцией вернувшийся в Самару и приступивший к активной творческой деятельности. Многие работы этих художников характеризуются кубистическим решением композиции.

В целом, в агитационно-массовой деятельности данного периода нашли отражение различные направления авангардного искусства. В качестве конечной цели этой деятельности выдвигалось создание стиля нового времени – стиля пролетариата, который должен был выразиться в системе форм и образов, понятных основной массе населения и способствующих формированию нового типа сознания, сакрализации коммунистической идеологии. Для этого вырабатывался определенный круг символов, аллегорий, метафор, связанных с идеями революции и образами нового мира. Приходилось опираться на традиционное патриархальное мышление в основном еще неграмотного населения, поэтому художники часто использовали приемы монументальной сакральной живописи, являвшейся отражением событий священной истории. Такой способ был применен при росписи библиотеки им. Парижской коммуны в Самаре в 1920 г. Сюжеты располагались по стенам сплошной полосой и были посвящены основным вехам борьбы пролетариата: «Парижская коммуна», «Революция 1905 года», «Взятие Зимнего» и др.

В агитационно-массовой деятельности рассматриваемого периода выделяются следующие основные направления: оформление революционных праздников, роспись общественных зданий и помещений, театрално-декоративное творчество,

оформление литературно-художественных сборников, журналов и книг. Каждое из этих направлений способствовало преобразованию имиджа города. Наиболее значимым являлось оформление революционных праздников, которые становились для новой власти способом конструирования новой идентичности: «Массовые праздники как магические действия языческих жрецов стали отражением единения общества, где посредством определенных действий-символов устанавливалась связь власти и общества, формировалось чувство сопричастности историческому процессу» [7].

Для украшения массовых праздничных действий использовались те формы и средства изобразительного искусства, которые острее выражали требования времени, задачи агитационного характера. Первостепенное значение отводилось политическому плакату, который призван был подобно архаическому мифу рассказать народу о становлении новой жизни, проходившей в жестокой борьбе. Вспоминая свою деятельность в Самаре в эти годы, Г.Г. Ряжский писал в автобиографическом очерке: «... Ко дню советской пропаганды 19 августа [1919 г.] мы выполнили трафаретом до двух тысяч разнообразных плакатов» [8]. Вероятно, тексты лозунгов, темы плакатов и композиций рассылались из центра по всей России и в работах художественной интеллигенции провинции находили конкретное воплощение.

Наиболее распространенным образом агитплаката эпохи гражданской войны стал борец-красноармеец, готовый отстоять завоевания революции. Этот образ встречается во многих работах художников Самарского Пролеткульта, сохранившихся в фондах областного художественного музея. Так, на эскизном рисунке М.И. Степанова, выполненном к панно для оформления триумфальной арки на главной улице города к первой годовщине Октября, изображен могучий красноармеец, который подобно Георгию Победоносцу поражает копьём змия, олицетворяющего «гидру мирового империализма». На двух графических листах Н.Н. Попова, служащих эскизами для оформления праздников, представлены динамичные фигуры всадников – казака и красноармейца, рвущихся в бой, устремленных к подвигу и победе [9].

В агитационно-массовой деятельности в эти годы появлялись новые синтетические формы, соединяющие в едином творческом замысле усилия художников, поэтов, музыкантов, актеров и режиссеров: театрализованные инсценировки и представления, концерты-митинги. Подобные действия заполняли «городскую сцену» Самары при проведении массовых мероприятий. В них прослеживаются как реалистические традиции, так и влияние авангардного искусства. Например, в феврале 1919 г. к празднику Красной Армии было подготовлено театрализованное представление «Белые в плену у красных». Группа участников выстраивалась на фоне беспредметной композиции, представлявшей собой конструкцию, в которой красная звезда вклинивалась в белый блок, что символизировало победу красных над белыми. Такого характера конструкция называлась «архитектурной агитацией». В ноябре 1919 г. ко второй годовщине Октября на площади Революции был проведен концерт-митинг с торжественными речами, парадом и выступлением большого хора Пролеткульта, исполнившего «Интернационал». К празднику было приурочено открытие памятника рабочему – «хозяину Страны Советов», его создал в соответствующей символике молодой скульптор Н.С. Копылов. 1 мая 1920 г. центром праздника «Апофеоз труда», завершающим коммунистический субботник в городе, стала символическая композиция «Алтарь труда», выполненная театральным художником

Ф.А. Лавдовским. А во время праздничных торжеств 1 мая 1921 г. на площади Парижской коммуны проходила торжественная церемония закладки памятника III Интернационалу, который задумывался как «конструктивно-скульптурный» проект, выражающий символ «эпохи мировой революции» [10].

Важным направлением агитационно-массовой деятельности было оформление литературно-художественных сборников, журналов и книг, что в свою очередь являлось эффективным средством трансляции новой идеологии. На обложках журнала «Красная Армия», альманаха «Зарево заводов», сборника «Экономический вестник», изданных в Самаре в это время, отражались основные аллегории, символы и образы пролетарского государства. Иллюстрации идеологической направленности содержались в книгах самарских писателей той поры: М.П. Герасимова, Н.А. Степного (Афиногенова).

Таким образом, в процессе формирования нового имиджа г. Самары в первые послереволюционные годы использовались разнообразные средства, направленные на утверждение советских символов и ритуалов, а также унифицированного сознания людей, исключающего проявление индивидуального, личного начала и закрепляющего новые ценности и идеалы в обществе.

Литература

1. Басс А.Я. Из истории художественного оформления города Самары 1918-1932 годов // Наследие и современность. Международные конференции художественных музеев 1998 и 1999 годов. – Самара, 2000. – С. 162, 168.
2. Фрих-Хар И.Г. – М.: ГТГ, 1994. – С. 30.
3. Ключевская Е.П. Авангард в художественной культуре Казани рубежа XIX-XX веков // Наследие и современность. Международные конференции художественных музеев 1998 и 1999 годов. – Самара, 2000. – С. 248.
4. Там же. – С. 252.
5. Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии. – Самара, 1993-1995.
6. Зарево заводов. – Самара, 1919.
7. Шалаева Н.В. Формирование нового временного пространства в советском искусстве 1920-х гг. // Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории. Интернет-конференция. 2008 / <http://www.newlocalhistory.com/node/217>.
8. Рязский Г.Г. Автобиографический очерк // Мастера советского изобразительного искусства. Живопись. – М., 1951. – С. 466.
9. Басс А.Я. Из истории художественного оформления... – С. 165.
10. Цветова Е.М. Возрожденный «Олимп»: Из истории музыкальной жизни Самары – Куйбышева. – Самара, 1991. – С. 36-37; Басс А. Путь в семь десятилетий // Изобразительного искусства мастера: Страницы художественной жизни Куйбышевской области. – Куйбышев, 1985. – С. 27, 30.

Три образа Самары – три эпохи города

/Three images of Samara – three epochs of the city/



Ю.А. Кузовенкова, кандидат культурологии
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Рассматриваются ключевые этапы саморепрезентации волжского города Самары. Автор опирается как на региональные исследования, так и на самостоятельно разработанное понятие "городская сцена" (социокультурная коммуникация в предметном, духовном и процессуально-деятельностном аспектах).

Ключевые слова: город, образ, имидж, городская сцена, локомотивная группа, идентификация.

*J.A. Kuzovenkova, Dr. in Cultural Studies, Samara State Medical University
Samara, RF*

The article is devoted to the stages of self-representation of Samara. The author relies both on regional studies, and on the self-developed concept "urban scene" (socio-cultural communication in the objective, spiritual and procedural aspects).

Keywords: city, image, city stage, locomotive group, identification.

В большинстве работ, посвященных проблеме идентичности, исследователи говорят о двух основных ее составляющих – персональной и социальной [1]. Социальная идентичность человека и пространство его обитания, в частности город, тесно между собой связаны. Трех-аспектное пространство города – предметное, духовное и процессуально-деятельностное, составляющее «городскую сцену» [2], формирует мировоззрение людей, их культурную идентичность. Но, в то же время само формируется под влиянием активности городского субъекта. Как заметил Э. Сойя: «Города и другие пространства социальной жизни всегда имели власть абсорбировать и репрезентировать сознание и идентичность» [3]. Поэтому, динамика ментальности городского субъекта и связанной с ней культурной идентичности обуславливает изменения «городской сцены» и тесно связанного с ней образа города, своеобразного его идеального измерения. Поэтому, будучи однажды порождённым, образ города постоянно меняется, «переодевается». Это хорошо видно на примере образов Самары, характер и смысловая наполненность которых менялись в зависимости от смены культурной идентичности городского субъекта.

На «городской сцене» Самары на сегодняшний день хорошо просматриваются три «слоя», репрезентирующих три ключевые для нее исторические эпохи. Используемый нами методологический инструментарий «городская сцена» позволил не только проследить динамику идеального измерения Самары на протяжении конца XIX - начала XXI вв., но и найти этой схеме практическое применение в изложении многообразных социокультур-

ных пластов Самары для студентов (в рамках дополнительных курсов по этнокультуре региона, как на теоретических, так и практических занятиях (учебных экскурсиях)).

Вслед за самарскими краеведами мы выделяем три ключевых периода в истории Самары:

- конец XIX в. – 10-е гг. XX в. (имперская Россия);
- 20-е гг. XX в. – 80-е гг. XX в. (советская Россия);
- 90-е гг. – настоящее время.

Первому периоду соответствует образ европеизированной Самары, второму – советского промышленного гиганта, современная Самара находится в поиске своей новой культурной идентичности. Опираясь на трехчастную структуру «городской сцены», выделим основные аспекты в жизни города, позволяющие говорить о том или ином городском образе.

Самара была основана в 1586 г., когда закладывались границы Российской империи, но расцвет города наблюдается только в середине XIX в., когда в Российской Империи начали развиваться капиталистические отношения. Волга позволяла вести речную торговлю с другими областями, продавать лес, пшеницу, скот и др. Разбогатевшее самарское купечество создало особый образ города – европеизированная Самара. Гости, посетившие его в первые годы XX в., в своих путевых заметках отмечали, что Самара произвела на них впечатление европейского города [4], отмечали схожесть Самары с американскими городами (Чикаго, Новый Орлеан), Борис Пастернак сравнивал Самару с элегантным куском Москвы на берегу Волги.

Как выглядели европейские образцы в Самаре начала XX века? В первую очередь – архитектура города. Купцы строили себе особняки в стиле Модерн (Jugendstil) (например, известная в Самаре «дача со слонами» - дача купца К.П. Головкина, особняк купчихи Курлиной и др.), который был распространен во многих европейских странах (Германия, Испания, Франция, Италия, Австрия и др.). Купцы проводили свой досуг по образцу европейцев: на ипподроме, в яхт-клубе, в велосипедном обществе, в фотографическом обществе и др. На устремлениях самарских купцов к материальным, цивилизационным достижениям Европы заканчивалась их похожесть на европейцев. Но, как отмечал Р. Браге, «Европа – это не только географическое понятие, Европа – это культура, это необходимость работы над собой, это возделывание своего внутреннего мира» [5]. Поэтому, острее чувствовавшие самарскую ментальность люди творческих профессий описывали Самару не как европейский город, а как пыльное захолустье (Алексей Толстой «Сёстры»), Максим Горький (фельетоны)).

После революции 1917 г. меняется идеология страны, судьба и образ Самары. Вера в бога заменяется верой в коммунизм, почитание царя на почитание В.Л. Ленина, И.В. Сталина и других советских деятелей. Новый образ города был тесно связан с идеей советской власти. Меняется название – Самара становится Куйбышевом (в честь государственного и партийного деятеля В.В. Куйбышева). Теперь не купцы, а партийные работники формируют образ города.

Пространство города используют как средство формирования сознания горожан. Меняются названия улиц и площадей, например, появилась площадь имени Революции 1905 г., улица Красноармейская, Советской Армии, Чапаевская, Вилоновская и др. Появляются «ленинские места». Закрываются и уничтожаются церкви. Дома в стиле модерн потеряли свою ценность и европейскую символику. Советская власть для своих построек использовала стили конструктивизм и классицизм (сталинский ампир). Оба стиля были призваны подчеркнуть величие и мощь советской власти. В городе начали проводиться демонстрации, парады, митинги, которые поддерживали коммунистическую идеологию. Те же цели преследовали советские «обряды инициаций» (принятие в октябрята, пионеры, комсомольцы, вступление в партию). Большое количество заводов сделало город промышленным гигантом и пополнило ря-

ды горожан технической интеллигенцией. Можно заключить, что на смену уникальному, неповторимому образу купеческого европейского города приходит типовой образ советского промышленного города, имеющий множество своих близнецов на огромной территории СССР

Но в жизни Куйбышева было место и крупным культурным событиям. Например, в 1942 г., когда город стал «запасной столицей», в Куйбышевском театре оперы и балета впервые была исполнена 7-я симфония великого композитора Д.Д. Шостаковича. В 1980-е гг. Самарская область стала родиной знаменитого Грушинского фестиваля – праздника бардовской песни во времена идеологической цензуры, собиравшего на склонах Жигулей стотысячную аудиторию.

В 1991 г. городу возвращают его первоначальное название. Самара уже не позиционирует себя ни как европейский город, ни как советский промышленный. Самара, как и многие другие города России, ищет свой новый образ, рубеж XX-XXI вв. – это переходный период для города. В духе современного постиндустриального общества в нем активно развивается сфера услуг, заменяющая собой промышленную индустрию, Интернет становится одним из важнейших информационных и коммуникативных сред. Самара оказалась вовлечена в процессы глобализации и регионализации. Новый этап не связан с отказом от предыдущего культурного наследия, а пытается вместить в себя все – и настоящее, и прошлое, как советское, так и дореволюционное. В поисках своей культурной идентичности Самара все чаще обращается к купеческому прошлому. Самара подобно передовым европейским городам должна искать пути «открыться новому, не подвергая опасности старое», по меткому выражению В. Лоренса, руководителя программы «Грაც 2003 – культурная столица Европы».

Таким образом, можно сделать вывод, что основные тенденции в развитии Самары являются характерными как для России, так и для западных стран. Самара развивается согласно логике постиндустриального общества, в которой присутствуют и элементы национальной специфики.

Все образы Самары имеют в себе одну общую идею – образ Волги. Самарец, как в конце XIX в., так и в начале XXI в. продолжает чувствовать себя жителем волжского города, волжанином. Привязанность к волжской природе – одна из характерных черт регионального менталитета.

Говорят, что самарцы больше всего любят Волгу, пиво и футбол. Правда здесь то, что бренд «Жигулевского пива», созданный первым пивным королем Российской империи А. фон Вакано, по-прежнему вне конкуренции; самарская футбольная команда «Крылья Советов» объединяет уже не одно поколение горожан.

Литература

1. Баклушинский С.А., Белинская Е.П. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» // Этнос. Идентичность. Образование. – М.: ЦСО РАО, 1997. – С. 64-84.
2. Бурлина Е.Я. Антропология европейского города // Е.Я. Бурлина. Город и имидж. Альманах «Город – Страна – Планета». – Самара, 2003; Кузовенкова Ю.А. Городская сцена Самары начала XX столетия и социокультурная идентификация купечества // Вестник Самарского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 205-213; Кузовенкова Ю.А. Идеальное измерение города: от образа к имиджу // Регион: культура в поисках идентичности: Материалы международной конференции 29 сентября 2009 г. – Саранск: Красный октябрь, 2009. – С. 30-33.
3. Соля Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. – 2003. – № 6. – С. 133-150. – С. 141.
4. Путешествие в прошлое: самарский край глазами современников / Сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. – Самара, 1992. – 285 с. – С. 79; С. 103; С. 158.
5. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 704 с. – С. 18.
6. Путешествие в прошлое: Самарский край глазами современников / Сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. – Самара, 1992. – 285 с. – С. 91.

Самара - родина слонов

(беглые литературные заметки о городе литературных беглых)
/Samara - home of elephants (fluent literature notes about
the city of literary fugitives)/



С.М. Лейбград, поэт, культуролог, педагог, публицист, теле- и радиоведущий, создатель и главный редактор вестника современного искусства "Цирк "Олимп" Самара, РФ

Самара, конечно, крупный населенный пункт. Вот-вот, пункт. Графа. Семантический знак. Анекдот. Концепт. Литературное произведение. Так в полном виде и не опубликованная рукопись. Этот город никогда не был настоящей российской провинцией, глубинкой. Безымянкой – да. Самара и в дореволюционном своем прошлом, и в советском куйбышевском варианте, и в сегодняшнем актуальном виде иллюстрирует основы концептуализма и соц-арта, причем в самой выпуклой, в самой обнаженной, пронзительной и едва ли не самой лобовой его версии...

S.M. Leybgrad, poet, culture expert, teacher, publicist, TV and radio host, founder and editor-in-chief of the messenger of the modern art "Olympus Circus"

Samara, RF

Samara, of course, a major population center. That's it, point. Graph. Semantic mark. Anecdote. Concept. A literary work. So in its entirety and published the manuscript. This city has never been this Russian province, remote places. Bezimyanka - yes. Samara and its pre-revolutionary past, and in the Soviet version of the Kuibyshev, and today's date as a illustrates a basic conceptualism and sots-art, in the most convex in the most naked, poignant, and perhaps the most head-his version of...

Самара всегда была более именем, словом, нежели реальностью. Более мифом, нежели историей. О виртуальности Петербурга известно всем. Виртуальность Самары до сих пор всерьез не исследована, не осмыслена, не освоена и потому – гораздо убедительнее и одновременно незаметнее. Самара, конечно, город, крупный населенный пункт. Вот-вот, пункт. Графа. Семантический знак. Анекдот. Концепт. Литературное произведение. Так в полном виде и не опубликованная рукопись...

Литературы в Самаре-Куйбышеве никогда по-настоящему не было и быть не могло. История города, его недавнее и современное сознание насквозь литературно, фантомно, изящно выдуманно или тяжеловесно вымучено.

Город никогда не был настоящей российской провинцией, глубинкой. Безымянкой – да. Не случайно, что один из самых населенных ныне районов, своего рода промышленная зона, четырехсоттысячный маргинальный бетонно-барачный поселок, эвакуационная слобода, моментально возникшая в последние месяцы 1941 года, так и называется – Безымянка.

Самара и в дореволюционном своем прошлом, и в советском куйбышевском варианте, и в сегодняшнем актуальном виде иллюстрирует основы концептуализма и соц-арта, причем в самой выпуклой, в самой обнаженной, самой пронзительной и едва ли не лобовой его версии – в дмитриалексаноприговской. Как Дмитрий Александрович Пригов является крайней, я бы даже сказал, трагической пародией на Федора Михайловича Достоевского, посткультурным блестящим выкидышем русской психолитературной эволюции, так и Самара с момента своего возникновения доводит до своего предела или предельной невнятности петербургский сюжет отечественной культуры. Петербург вырос на болотах, Самара – на песке. Едва ли не до конца прошлого века в периоды сильных суховеев жители передвигались по городу по щиколотки в песочной пудре...

Сегодня местные жители и гости города, выходя на крутой и живописный склон Волги, неизменно выдыхают: «Вот она – Русь, вот она – Россия!» Пейзажи, действительно, замечательные. Огромная, шириной не менее километра, река, высокое, распахнутое настезь небо, удивительно пластичные, иссиня-зеленые Жигулевские горы и не изгаженные цивилизацией бесконечные дали самарского Заволжья. Город даже при помощи беспощадного государства не сумел справиться с речной массой, и ближайший мост через Волгу – Александровский – до сих пор находится под Сызранью в ста милях от «мощного, стратегически важного производственного, военного, транспортного, научного и культурного центра Поволжья и всей страны».

Вот она – Русь. Вот она – Россия!.. Вспоминается Всеволод Некрасов с его «но воды много». Однако место это при впадении реки Самары в Ра или в Итиль (древние названия Волги) было в конце XVI века окраиной Дикого поля, где продолжали выяснять между собой отношения калмыки, ногайцы и знаменитая казачья Жигулевская вольница, состоявшая из беглых крестьян, преступников, хазарских отщепенцев и тех же калмыков.

Борис Годунов, мысливший в отличие от грядущего Петра Великого, не морскими, а сухопутными категориями, решил прорубить коридор в Азию и взять под контроль мучительно нарождающейся империи «волжскую транспортную магистраль». Исполнителем его воли стал хитрый и жестокий князь Григорий Засекин, начавший свой ратный путь в Ливонии, а закончивший свою бурную жизнь на Северном Кавказе, осваивая с помощью кнута, пряника и междоусобиц дагестанские и чеченские территории. В середине этого пути Засекин основывает три городка-крепости: сначала Самару (1586), а потом Царицын и Саратов.

Любопытно предписание Годунова Засекину (сам я этот легендарный документ не видел, но довольно давно слышал о нем от некоторых местных краеведов, «стеснявшихся» в советские времена придать его публичной огласке): «основать город-крепость Самару и заселить ее сволочью». Во всяком случае, сюда на самом деле в короткие сроки удалось сволочь и перевезти немало горемычных жителей из северных и западных традиционно русских земель. На царскую службу приглашаются казачьи атаманы, многих из них князь Засекин арестовал и казнил, более сговорчивых отправил на «приращение России Сибири» (одним из волжских атаманов был прославленный Ермак). С ногайцами и калмыками удалось договориться почти бескровно: посылками и угрозами.

Так постепенно бескрайняя Амазония стала неотъемлемой частью России. Да, Амазония. Именно этим словом обозначали на картах пространство Жигулевских гор (их называли Девыми) средневековые путешественники. Куда делись де-

вы, неизвестно. Возможно, они не устояли перед натиском шайки беглого преступника (жигуна) Семена Жигуля, обосновавшегося в этих краях и давшего свое имя всей горной заповедной гряде.

Мерцание извечной мифологемы воли и порядка, «сарынь на кичку» и великой Империи, блатного былинного романтизма и верного служения Отечеству, ГУЛАГа и «кузницы побед Родины» продлится в Самарском крае вплоть до третьего тысячелетия со дня пресветлого Христова рождения. Степан Разин, Емельян Пугачев, Василий Иванович и Петька, Ленин и Макашов встанут рядом вместе с былинными Жигулями, Ермаками и Барбошами...

В XIX веке Самара станет полигоном для недоволощенных реформ и местом ссылки и бегства обиженных, униженных и оскорбленных насильно и добровольно подданных Российской Империи. Многонациональный состав населения, чрезвычайно выгодное торгово-транспортное положение города, купеческий разгул и размах навеют ссыльному Тарасу Шевченко американские грезы, и он сравнит Самару с Новым Орлеаном. Несмотря навсегда высокий здесь уровень преступности, в крае никогда не было ожесточенного межнационального и межрелигиозного противостояния. Да и государственные чиновники по доброте душевной или за мзду спуска рукава смотрели на «черты оседлости» и прочие ограничения для поселенцев. Помимо русских, татар, мордвы, чувашей в Самаре и окрестностях довольно активно селились бежавшие после восстаний поляки, а также немцы и евреи. В старой Самаре и сейчас явственно ощущается специфический немецко-польско-еврейский колорит, зримо воплощенный в псевдоготическом костеле, в кирхе и огромной (доморожденные экскурсоводы утверждают, что крупнейшей в Европе) синагоге.

Выгоравшая дотла десятки раз Самара свою относительно подробную историю ведет от 1850 года, когда она была назначена столицей Самарской губернии. Гербовая коза (говорят, что еще екатерининский герольдмейстер Волков перепутал ее со степным сайгаком) украсилась императорской короной. Вторым губернатором Самары в 1853 году становится Константин Карлович Грот, лицеист, страстный поклонник Пушкина, «либеральный бюрократ» и чуть позже верный сподвижник Александра Второго. Тот самый Грот, брат известного филолога, и один из главных инициаторов установления памятника Александру Сергеевичу на Тверском бульваре в Москве. Именно с Грота начинается отсчет квазипетербургский, имперский период самарской истории. Город строится по четкому плану: прямые мощные улицы, «прошпекты», площади. Молодой губернатор утверждает просвещение, борется с мздоимством чиновником, с помощью восторженного и безупречного городского головы Петра Алабина, первого патриота и первого же местного историка, исправляет нравы и вкусы...

Самый веселый, самый нежный кусок самарского бытия связан со старыми «новыми русскими», с Серебряным веком. Купец Константин Головкин строит современную дачу со слонами (Самара – родина слонов), основывает художественный музей, общество яхтсменов и велосипедистов, привозит в город первый автомобиль. Пивной король Альфред фон Вакано создает памятник промышленной архитектуры – Жигулевский пивзавод и собирает уникальную коллекцию античного и древневосточного искусства. Александр Зеленко параллельно с Шехтелем возводит в Самаре «жемчужины модерна». Модерн становится доминирующим стилем города. Современные «новые русские» (самое интересное, что иногда весьма тонко и со вкусом) продолжили «модернизацию» центральной части Самары, пока не пришли беспощадные «риэлторы» со своими многоэтажными и невыносимо уродливыми «турецкими шкафами».

Это уже потом выяснится, что главными действующими лицами рубежа веков были здесь, как говорят «отвязанные» тинейджеры, Влад Ульянов, Макс Горький и Алекс Толстой. Ильич здесь конфликтовал с купечеством (рассказывают, что даже однажды был бит купеческими сынками за скупость и неразговорчивость), изучал марксизм, интересовался домами терпимости и единственный раз в своей жизни работал, как обычный гражданин, будучи помощником поверенного в суде. Горький в Самаре принял свой прославленный облик, представляющий кальку с Ницше, проверял (по легендам и слухам) в Струковском саду на местных бомжах тварь он дрожащая или нет, сотрудничал под псевдонимом Иегудил Хламида с «Самарской газетой», а затем женился на госпоже Волжиной и был таков.

Но литературы, литературной жизни в Самаре никогда не было. Она сама была литературой. Впрочем, в начале XVIII века жил в уездной Самаре Иван Второв. Писал сентименталистские прозу и стихи, печатался в «Русском вестнике» и «Русской старине», был хорошо знаком с Жуковским, Карамзиным, Дмитриевым, Сперанским, Пушкиным. Второв организовал в Самаре сентименталистский литературный кружок, но, увы, имена господ Н.А. Литвинова, А.Ф. Фурмана, А.П. Крюкова и других участников кружка даже специалистам и читателям абсолютно неизвестны.

Единственным крупным, собственно самарским, писателем остается пасынок Бострома граф Алексей Николаевич Толстой, уроженец Сызрани и некоторое отроческое время житель Самары. К сожалению, граф стал большим советским писателем и к тому же очень часто в своих воспоминаниях о Самаре (в письмах, дневниковых записях) употреблял слово «свинство».

Был, правда, еще один свой незаурядный талант – Артем Веселый, автор «новоязовской», страшной, местами очень подлинной «России, кровью умытой», поджегший социальную реальность и сам очень рано сгоревший в этом «мировом пожаре».

Самара лишь раз была абсолютно легитимна в правовом и историческом смысле. В 1918 году здесь, благодаря «белочехам», к власти пришло правительство комитета членов учредительного собрания. Но Василии Иванычи с Петьками (Петр Исаев закончил в Самаре гимназию и в жизни был больше похож на пелевинского героя, нежели на замечательного анекдотического персонажа) восстановили непререкаемость советской власти.

Литературным городом Куйбышев-Самара так и не стала. Не помог даже восторженный отзыв о городе Бориса Пастернака, бывшего здесь проездом в 1916 году: «Самара – лучший, греховнейший, элегантнейший и благоустроеннейший кусок Москвы, выхваченный и пересаженный на берега Волги. Прямые асфальтированные бесконечные улицы, электричество, трамвай, витрины, кафе, лифты, отели на трех союзных языках с английской обшивкой, книжные магазины...» В виртуальной Самаре кто только не появлялся! Дюма, Бунин, Рильке с Саломе, Бальмонт, Бурлюк с Маяковским, Есенин, Кеппен, Оболдуев, Петрушевская... На несколько часов, на несколько дней, на несколько лет. Что они здесь делали, о чем думали?.. Сколько сюжетных возможностей пока пропадает втуне...

Тридцатые годы превратили Самару в Куйбышев, в город ГУЛАГа и НКВД. Отечественная война 1941-45 годов подарила городу бункер Сталина, в котором вождь народов ни разу не был, и воспоминания о «второй столичной жизни». Однако эвакуация прибила к Куйбышеву не только послов иностранных государств, членов сталинского правительства, совинформбюро, художественную интеллигенцию во главе с крупнейшими инженерами человеческих душ, но и сотни тысяч сорванных войной

людей из западной части страны. Возникла знаменитая блатная, маргинальная Бельмянка. Город вытянулся на десятки километров вдоль Волги, стал, действительно, гигантским военно-промышленным и неизживаемым комплексом, закрытым стратегическим объектом. Реализовалась имперская мечта о городе чиновников, жандармов и ясной, прозрачной официальной государственной культуры.

В пятидесятые в городе появилась выдающаяся – почти на четыре тысячи томных прогулочно-медлительных метров – гранитная набережная, самая блаженная и непосредственная самарская горизонталь. Диссидентов в Куйбышеве не было никогда. Официозу противостояла блатная стихия заводских окраин. Миллионный город вступил в пору своей зрелости. Десяток вузов, в основном технических, около ста тысяч студентов в шестидесятые годы станут почвой для появления удивительно Грушинского фестивального космоса, расположившегося между Куйбышевым и Тольятти, где вот уже более тридцати лет подряд в начале июля серьезные советские граждане-технари вместе с частью высшего и среднего чиновничества сбрасывают свои одежды и в карнавально оголенном виде поют тихие песни Визбора, Клячкина, Городецкого, Никитина и прочих самодеятельных авторов. Сейчас Грушинский фестиваль собирает одновременно до 150 тысяч человек, но и в советские годы туда съезжалось от 10 до 50 тысяч любителей туристической песни...

Союз советских писателей всегда имел в Куйбышеве крупную свою ячейку. Сколь крупную, столь и бесцветную. На память приходит разве что поэт Борис Сиротин и то только потому, что его настойчиво утверждал в качестве просвещенного патриота и видного продолжателя классических традиций небезызвестный Вадим Кожин.

Для меня и многих моих приятелей отсутствие собственной самарской почвы, некоего устойчивого культурно-художественного конгломерата, социально-виртуальная ментальность города скорее стали благом, нежели злом. Бесполоая советскость и корректная безликость местных институтов интеллектуальной власти позволяли ей не очаровываться и с ней не бороться. Жить в Самаре означало жить нигде. Или везде. Или на окраине Москвы. Или Петербурга. Где кому больше нравится. Именно поэтому никакой самарской школы нет. Но отдельные прорывы реальны и возможны.

Так Самара подарила стране неплохого прозаика Юрия Малецкого (кстати, до поры до времени единственного автора, адекватно представлявшего куйбышевскую реальность в своих повестях). 25 декабря 1942 года в Куйбышеве родился по своему феноменальный прозаик и художник Леон Богданов, названный Владимиром Эрлем «русским Беккетом». Почти 20 лет жил в городе Куйбышеве-Самаре оригинальный поэт круга Виктора Кривулина Александр Ожиганов, вышедший из своего тотального подполья только в середине девяностых на «свет» редактируемого мной вестника современного искусства «Цирк «Олимп».

Возможно, лишь ныне, в последние 15 лет, в Самаре формируется относительно нормальная литературная среда, которая оставит после себя сразу нескольких авторов сколь-нибудь универсального масштаба. Однако, как бы это не было нам приятно, разговоры о появлении на карте страны в лице Самары еще одного настоящего литературного центра столь же виртуальны, как вся самарская история и культура. Да, в самарском вестнике «Цирк «Олимп» в течение трех лет публиковались наряду с незаслуженно безвестными ведущие, а сейчас прославленные в по-прежнему узких кругах, выражаясь устаревшим штилем, нонконформистские, поставангардные актуальные литераторы, художники и фотографы. Да, едва ли не каждый год в Самаре и Тольятти нам удавалось – в основном, на деньги Сороса и тольяттинского мецената

Дороганова – проводить общероссийские и международные фестивали и акции современного искусства («Европейские дни в Самаре», «Пушкин после Пушкина», «Артковчег», «Прощание с веком» и др.). Студенты самарской гуманитарной академии, госуниверситета и педуниверситета пишут курсовые и дипломные работы по творчеству знакомых лично писателей: Геннадия Айги, Андрея Сергеева, Всеволода Некрасова, Льва Рубинштейна, Тимура Кибирова, Михаила Айзенберга, Виктора Кривулина, Владимира Тучкова, Александра Макарова-Кроткова, Дмитрия Воденикова...

Да, почти каждый год самарские «альтернативные» авторы становятся участниками московских и зарубежных литературных фестивалей, у Сергея Лейбграда или Виталия Лехциера, у Александра Уланова или Галины Ермошиной продолжают издаваться новые книги текстов. Да, в Самаре есть, на мой взгляд, и настоящие, очень внятные и адекватные интерпретаторы современной литературы, прежде всего, Ирина Саморукова и Татьяна Казарина. Но этим маленьким (соразмерным второвскому сентименталистскому) кружком, кружком «Цирка «Олимп» фактически и исчерпывается литературный водоем Самары. Есть, правда, несколько молодежных литературных групп «Мелкий бес», «Белый человек» и вроде бы еще пара таких же эксцентрически поименованных, но не вполне различимых объединений...

Небольшая миграция – и насыщенная общероссийская, в меру ироничная и серьезная литературная жизнь Самары незаметно и бесследно для полуторамиллионного города растворится в инвестиционно привлекательной и криминально-шикарной атмосфере либерального, исключительно по сравнению с национально-патриархальными режимами соседних областей и республик, региона.

Хотя... в Самаре способен появиться кто и когда угодно (как это случилось с Дмитрием Бортниковым, безымянным маргиналом и вечным студентом, чья талантливая и честная проза представляет гремучую смесь из калединского сермяжного натурализма, селиновской мрачности и своеобразно артикулированной чувственности от Жана Жене. «Открытый» циркоолимпийским кружком, он неожиданно перекочевал в Париж, чтобы вернуться оттуда номинированным на Букера романом «Синдром Фрица»). Никаких правил и прецедентов на этот счет нет. Может, пока в местном оперном театре еще не «остыли» впечатления от глобальной премьеры Слонимского и Ростроповича «Видения Иоанна Грозного», пока государственный драматический театр играет инсценировки Ремарка, а ТЮЗ – новые версии толстовского Буратино, в Самару направляется гениальный беженец из Средней Азии или Чечни, а на самой большой городской толкучке, находящейся в районе Поляны имени Фрунзе (до тридцатых поляна носила имя атамана Барбоши, недавно возвращенное ей официально) или «На дне» (так называется главное пивное место города – привет Горькому) вызревает гибельный талант нового Пелевина, нет, Сорокина, да нет – Пепперштейна наших дней...

Сергей Лейбград

* * *

Будучи неотчуждаемой частью моего зрения,
изображение не сходит с экрана. Воображения
не достаёт, чтоб спрятаться. Праздничное убранство,
вода, высота, прелести замкнутого пространства
ни за какие подвиги принадлежат повесе.

Тот, кто вчера повесился, завтра уже воскрес.
Детские страхи сумерек, чистый соблазн отчаяния.
Здесь в Самаре на самом краю молчания
женские рифмы, нервные окончания...

* * *

Данная дискурсом власть превращается в сказки.
В чистые краски фальшивых, как время, эклог.
Как хорошо исчезать от тепла на развязке
русских, раздолбанных напрочь, дешевых дорог.

Гусениц трактора нежное прикосновенье,
кокон, сугроб... Боже, как хорошо умирать,
таять от боли, похожей на слово «волненье»,
и растворяться и замысел свой растворять.

Гладь, скотобоец, пропащую душу по шерстке.
Как хорошо, в многолицую падая грязь,
таять от жизни на фоне компьютерной верстки,
в талую сперму с духовных высот низводясь.

В грязной Самаре на улице Стара-Загора,
если возьмешь меня, то, умоляю, за горло.
Волга зовут тебя или постылая Лета,
цвет пропадает от течки бесстыжей весны.
Нет никакого того запредельного света.
Нет никакой кроме этой другой стороны.

Было чудесно, послушайте, было напрасно.
Было бессмысленно. Всем позабывшим - привет.
Есть только этот зеленый, желтый и красный.
Есть только этот черный сгоревший свет.

* * *

Припомним дворы и дворцы,
попробуем не расставаться.
Студенты, поэты, птенцы,
сиреневый сон реставраций.
Блестящий стальной манекен
и цирк для потех и азарта,
резная шкатулка театра
и черные птицы вдоль стен.
Всё ясно мне в городе том,
всё странно мне в городе этом -
и Волга, укрытая льдом,
и память, раздетая светом...

Волжский исторический город в отечественной живописи XIX - начала XXI в. /Historical City on Volga in the Russian Painting of the XIX - early XXI century/



Н.Ю. Лысова,

кандидат философских наук, профессор
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Саранск, РФ

Рассмотрен образ волжского исторического города, представленный в отечественной живописи XIX - начала XXI в.

Ключевые слова: живопись, пейзаж, река, архитектурные памятники, образ города.

N.Y. Lysova, Ph. D., Professor

Mordovia State University named N. Ogaryov, Saransk, RF

The article discusses the image of historical city on Volga, represented in the Russian painting of the XIX - early XXI centuries.

Keywords: painting, landscape, river, architectural monuments, the image of the city.

«**П**о России никто никогда не путешествовал, если не считать поездок по Волге», – писал в 1931 году, анализируя знание родины отечественным интеллигентом и простым обывателем XVIII – XIX веков, искусствовед П.П. Муратов [1]. Действительно, россияне этого времени не знали своей страны. Так, известный живописец-маринист середины и второй половины XIX столетия А.П. Боголюбов, свидетельствуя за многих своих современников, писал в воспоминаниях о том, что он, будучи профессиональным «моряком и художником столько прожил за границей, не имея понятия о своем отечестве» [2]. Единственный маршрут, постоянно вызывающий неподдельный интерес, был связан с Волгой и ее старинными городами. Знаменитый водный путь олицетворял в русской культуре саму Россию, ассоциировался с ее пейзажным образом, во многом объяснял характер населения. Волжское путешествие, сравнимое с узнаванием Родины, предпринималось многими царственными особами. В XVIII веке его совершили Петр I и Екатерина II, в XIX – цесаревич Николай Александрович и др.

Могучая река, питающая своими водами большую часть пространства отечества, величественный прибрежный ландшафт в первую очередь привлекали художников: ее «живописные берега... в художественном отношении представляли неисчерпаемый источник прекрасного» [3]. Волжская тема являлась одной из центральных в творчестве отечественных пейзажистов на протяжении всего XIX и XX столетий. Многие из них были привязаны к определенному месту, исторической территории, находящейся на берегах «благодатнейшей реки», периодически возвращались туда, черпая вдохновение для создания живописных произведений. Однако, в русском

искусстве известно лишь два «художественных путешествия» водою по всей Волге от ее верхнего течения до устья. Первое совершили в 1838 году братья Чернецовы – Григорий Григорьевич (1802 – 1865) и Никанор Григорьевич (1805 – 1879), став основоположниками волжского «географического цикла» в отечественном искусстве, второе, спустя двадцать три года, в 1861 году, повторил Алексей Петрович Боголюбов (1824 – 1896).

Для природного, да и рукотворного ландшафтов четверть века – небольшой срок. Но, несмотря на кажущуюся незначительность временной дистанции, разделяющей водные вояжи, следует отметить, что художники, их совершившие, являются представителями разных периодов русского искусства. Творчество Чернецовых формировалось в первой половине XIX столетия, Боголюбова – в середине и второй половине века. Изменения художественного мировоззрения сказались в различном восприятии ими одних и тех же натуральных мотивов. Волжская живописная гардарика, основанная на визуальной достоверности, обогатилась неповторимыми образными решениями, раскрывшими индивидуальный облик уникальных исторических территорий.

Несмотря на хронологическое несовпадение и разные начальные пункты (Чернецовы отплыли из Рыбинска, Боголюбов – из Твери), «живописные» волжские путешествия художников-пейзажистов имеют много общего. Кроме наслаждения «зрением красот отечественной природы», и Чернецовы и Боголюбов были одержимы идеей создания художественного образа «благодотворной жилы земли Русской». Результатом творческой «путины» братьев Чернецовых стала художественная параллель берегов Волги, которую составили 1982 рисунка общей длиной в 746 метров, около 500 видовых композиций и 80 этюдов маслом, написанных с натуры, множество планов и рисунков. Боголюбов, оставивший не менее солидные живописные свидетельства, одновременно графически проиллюстрировал путеводитель «От Твери до Астрахани», написанный его братом – Николаем Петровичем и изданный в Москве в 1862 году. Кроме того, впечатления о волжских путешествиях были закреплены художниками литературно: Г. и Н. Чернецовыми в дневнике «Воспоминаний из путешествия по Волге», А.П. Боголюбовым в «Записках моряка-художника». Важно отметить, что накопленный в плаваниях по великой реке художественный материал позволил мастерам сделать волжскую тему одной из центральных в своем творчестве и возвращаться к ней на протяжении многих лет.

Виды исторических городов занимают основное место в волжской панораме братьев Чернецовых. Обратившись к дневниковым записям художников, можно реконструировать особенности восприятия ими старинных «твердынь» России. Описание любого волжского города строилось живописцами по определенному плану, логика которого позволяла подробно и целно охарактеризовать историческое поселение. В первую очередь Чернецовы отмечали особенности расположения города в природном ландшафте, его вид с реки. Так «Волга разделяет Романов-Борисоглебск на две части, расположенные по берегам одна против другой... Это сближение городов при живописной местности составляет прекрасный вид» [4]. Или «Юрьевец по своему положению принадлежит к примечательным местам по Волге. Расположенный при подошве гор правого берега, который здесь значительно высох и разнообразно изрыт глубокими оврагами, разделяющими высоты, этот город очень живописен» [5]. Взгляд на город извне, с воды, позволял оценить красоту его речного фасада, прочувствовать органичное соединение природного и рукотворного ландшафтов и неизменно обращал внимание художников на памятники архитектуры.

Чернецовы придавали важнейшее значение изучению произведений зодчества в посещаемых ими волжских городах, относясь к ним как к «предметам, составляющим цель... путешествия» [6]. В больших и малых поселениях, прежде всего, художниками отмечалась городская святыня – собор. «К древнейшим остаткам старины в Костроме принадлежит собор, построенный в XIII веке великим князем Василием Ярославичем» [7], «из многих находящихся в Ярославле старинных храмов церковь Николы Мокрого по архитектуре своей замечательна» [8], «первым предметом нашего любопытства в кремле казанском был Благовещенский собор» [9], «замечателен Александровский собор, построенный в 1815 году в память воинов, павших в Отечественную войну 12-го года» [10] в Саратове – свидетельствуют дневниковые записи. Описания храмов характеризуют культовые постройки с разных аспектов – историко-культурной хронологии (когда и кем построен, освящен и т.п.), архитектурного образа (стиль, конструкция), роли в градостроительном ансамбле и культурном ландшафте города.

Наряду с храмовыми доминантами внимание пейзажистов привлекали Кремли, древние стены и строения которых они осматривали в Казани, Нижнем Новгороде, Астрахани. Отмечая градоформирующее значение крепостных исторических ядер, подробно разбирая их архитектурные сооружения и мемориальные объекты (к примеру, в Нижнем – «гроб бессмертного Минина» или «дом, в котором останавливался Петр Великий»), Чернецовы акцентировали эстетическую выразительность их облика. «Твердыни кремля казанского... имеют в себе много живописного», – писали они в воспоминаниях [11].

В больших городах художники осматривали и гражданскую архитектуру. Чернецовы упоминают о «прекрасно выстроенных» домах Саратова, о «деревянном, но весьма красивом... строении» Самары, примечают главное здание казанского университета, любуются знаменитой нижегородской «ярмаркой со всеми ее зданиями», «прекрасно отделанной набережной, на которой красуется ряд отличных каменных зданий» Ярославля, «отличными строениями в Рыбинске», среди которых дом Поповых с «железными затворами... окон и гребнем по верху крыши» [12] и т. д.

Стремление представить себе своеобразный облик города как целостный исторически сформировавшийся ансамбль лейтмотивом звучит в путевых записках художников. Панорама извне, со стороны Волги, дополнялась обозрением реки и города на ее берегу с какой-либо открытой Чернецовыми или традиционно известной местной смотровой площадки – природной либо архитектурной. В Костроме – это вершина Городищевской горы, в Юрьевце Поволгском – прибрежная возвышенность с остатками недоконченных древних укреплений, окруженных земляным валом, в Казани – Зилантовая гора с Зилантовым монастырем и здание обсерватории, входящее в университетский архитектурный комплекс, в Саратове – вершина Соколовой горы. С известных до сих пор точек обзора не просто открывалось «все пространство места, занимаемого обширным и многолюдным городом, со всеми дальними его окрестностями» [13], но отчетливо ощущались характерные для всех волжских городов особенности. Широкие улицы, стремящиеся к реке, многочисленные храмы, доминирующие в рукотворном ландшафте, речные порты с оживленными пристанями и разнообразными судами, живописный холмистый рельеф – важные приметы речных поселений. Однако главная из них – сама Волга, «величественно раскинувшаяся со своими островами, песчаными отмелями и косами» [14], ее обильные широкие воды, наполняющие город свежими ветрами, ее берега, оста-

навливающие «путешественника своею панорамическою живописностью и воспоминаниями» [15].

Соединение волжских городов с природным ландшафтом, своеобразная открытость обжитых мест в речной простор и заречные дали, во многом определяли композиционное построение их изображений на полотнах, выполненных Чернецовыми.

Известно, что главное произведение художников – живописная панорама, смонтированная спустя тринадцать лет после предпринятого путешествия в 1851 году и демонстрировавшаяся в Петербурге более двадцати лет – не сохранилось. По исследованию живописца-панорамиста и искусствоведа В.П. Петропавловского [16], циклоама Чернецовых имела в длину 700 метров и высоту 2,5 метра. Огромная картина, выполненная в академически-документальной манере масляными красками на холсте, изображала все достопримечательности великой русской реки от Рыбинска до Астрахани. До наших дней дошел целый ряд станковых полотен, по которым можно судить о характере утраченного произведения. Среди них – интересные нас ведуты Н.Г. Чернецова – «Нижний Новгород» (1838), «Вид Саратова» (сер. XIX в.), «Кострома» (1862), «Вид города Ярославля» (1860) и др.

По характеру композиции их можно разделить на две группы: «экстерьер» города со стороны Волги и городской вид-«интерьер», запечатленный с высокой береговой точки обзора. Произведения, условно принадлежащие к той или иной группе, объединены панорамным методом представления изображаемого ансамбля и обязательным включением, как во внешний, так и во внутренний городской портрет образа главной русской реки.

К первому, экстерьерному, типу композиции можно отнести акварель Никанора Чернецова «Вид города Чебоксары в Казанской губернии» (1838), хранящуюся в Государственном Русском музее. Выполненная непосредственно во время путешествия, она является своеобразным пленэрным этюдом, изображающим редкое по красоте природное явление, поразившее воображение живописцев: «две радуги, концами поставленные на оба берега Волги, представляли из себя как бы ворота, в которых был виден город, освещенный солнцем!» [17]. Запечатленный эффект наполнил акварель поэтическим состоянием, и образ конкретного города стал восприниматься как романтический мираж. Подобному ощущению способствует композиция, две трети которой занимает послегрозовое небо, а остальную часть – водная гладь с несколькими парусными судами, отражающая его многообразные сине-фиолетовые оттенки. Речные берега, узкой полосой разделяющие две стихии, стремятся влево, где на обрывистом песчаном холме просматривается белокаменный ансамбль. Архитектурные доминанты – стройные вертикали соборов, колоколен – вне сомнения, достоверно правдивы. Документальность подхода диктовалась не только академическими профессиональными требованиями и линейно-перспективным методом решения пространства, но и огромным интересом к древнерусскому зодчеству, проявившемуся в отечественной культуре середины XIX столетия. Однако, художественная верность подлинному облику изображаемого места – только одна из главных ценностей произведений Чернецовых. Наряду с ней важнейшим творческим достижением пейзажистов стал чутко найденный живописный образ российского природного пространства с его рукотворным символом – белокаменной культурной постройкой. Способность братьев уловить «живую интонацию» ландшафта подчеркивал Б.В. Асафьев: «Это уже в большинстве случаев не «парад видов», а любовный выбор простого, характерного из попадающихся на глаза избыточных моти-

вов» [18]. Трансформируясь в зависимости от времени и господствующего художественного стиля, запечатленный знак – храм в пейзаже, диктуемый реальными особенностями культурного пространства, будет использоваться многими последующими отечественными пейзажистами второй половины XIX – XX веков.

Композиционный прием «экстерьерного обобщения», использованный Никанором Чернецовым в отмеченной выше акварели, применен и при написании картины «Нижний Новгород», хранящейся в Нижегородском художественном музее. В отличие от «Вида Чебоксар», второй план композиции с крутым холмом берега и расположенным на нем поселением приближен к зрителю. Стены и башни, храмы и колокольни кремлевского ансамбля представляют выразительный облик города, который «по красоте местоположения своего и историческим воспоминаниям принадлежит к единственным... по Волге» [19]. Белокаменной вязью древние постройки спускаются по склону крутого берега к реке. Удачно выбрана точка обзора для написания «панорамического вида» – стрелка мыса, образованного при впадении Оки в Волгу.

Существует и обратная живописная проекция – «Вид Нижнего Новгорода», хранящийся в Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим» в Истре – выполненная Никанором Чернецовым из центра города на Стрелку и волжские просторы. Композиция позволяет оценить необыкновенную красоту речного пейзажа, с далеко простирающимся зеркалом большой воды и заволжскими даями, которые открываются взгляду стоящего на берегу. Данное полотно относится к группе «интерьерных» портретов города. Эффект прорыва из архитектурного ансамбля в природное пейзажное пространство не только поэтизирует образ Нижнего Новгорода, но и раскрывает одну из особенностей его неповторимого облика.

Среди ведут волжских городов, выполненных Никанором Чернецовым под тем же углом зрения и представляющих поселение на первом плане, а Волгу в качестве его фона, выделяются «Вид уездного города Костромской губернии Юрьевца-Повольского» (1851, ГРМ) и «Кострома» (1862, Харьковский художественный музей). Композиции, решенные как далекие пейзажи, отличаются в передаче облика местности особой верностью натуре и стремлением к документальности. Находясь внутри того или иного исторического города, художник словно перечисляет его основные культовые доминанты и гражданские постройки, топографически точно фиксирует их расположение в холмистом береговом рельефе, отмечает конструктивные и декоративные особенности изображенных зданий, контражуром читающихся на фоне реки и неба. Несмотря на сосредоточенность на внешней реальности, повлекшую за собой некоторую педантичность подробной живописной характеристики, Чернецов достигает в городском пейзаже и высокой степени художественного обобщения. Этому способствует соединение в работах мастера методологических черт двух стилистических направлений – бидермейера и романтизма. Данную творческую особенность отметила искусствовед Е. Никольская [20], подчеркнув слияние в волжских пейзажах Чернецова характерных для бидермейера простых реалистических видов, наполненных медлительной будничной жизнью горожан с романтически-лирическим решением речного и небесного простора. Прозрачное небо, накрывающее бело-голубым куполом земной рельеф, является частью городского пейзажа. Наряду с водной гладью, оно рождает ощущение легкости и свежести воздушной среды, свойственной волжским городам.

Все, отмеченные выше, черты (документальность, стремление к скрупулезной фиксации, детализация, панорамный метод) присутствуют и в наиболее известной

композиции Никанора Чернецова «Вид города Ярославля», хранящейся в Государственном Русском музее (1860). Четко прописанный первый план с декоративно-живописным пятиглавым храмом Иоанна Златоуста в Коровниках и шатровой колокольней перед ним, оживленной процессией крестного хода, вышедшей из дверей храма, органично переходит в прибрежную панораму с белокаменными культовыми ансамблями и гражданскими постройками второго плана. Соединение в одном живописном кадре пригородного фрагмента и общего фасада древнего поселения создают эффект конкретизации и идеализации исторической территории одновременно. Приближенный к зрителю архитектурный мотив с повседневным движением вокруг него и отстраненную величественную панораму объединяет река и отражающаяся в ней высокое облачное небо. Художественное пространство оказывается в результате не статичным и статистически фиксирующим видимую реальность объектом, но миром, наполненным внутренней динамикой, специфически проявляющейся во внешних приметах городской среды и жизни природы.

Наиболее ощутимо интерес к динамическому темпу, к становлению, к временной многомерности в изображаемом видовом мотиве проявился в волжской галерее А.П. Боголюбова. Будучи художником, творческое формирование которого происходило в середине XIX века, он усвоил и активно использовал профессиональные приемы академических пейзажистов-предшественников: М. Воробьева, С. Щедрина, И. Айвазовского. Мастер сохранил в своих композициях панорамный метод обзора города, фиксацию внимания на наиболее эффектных архитектурных объектах, линейно-перспективное решение пространства, введение жанровых мотивов. Тем не менее, боголюбовская интерпретация пространства волжских городов имеет свои субъективные творческие особенности. Они сложились под воздействием нового художественного мировоззрения, господствующего во второй половине XIX столетия и волнующих впечатлений, вынесенных из совершенных художником путешествий по великой реке в 1861, 1863 и 1869 годах. Результатом этих поездок явился ряд известных картин: «Вид Казани в разлив» (1862), «Закат солнца в Нижнем» (1861), «Нижний Новгород с колокольного базара», «Ипатьевский монастырь под Костромой» (1861), «Крестный ход в Ярославле» (1863), «Вид Нижнего Новгорода» (1878) и другие, а также огромное количество рисунков, у что такое Рейн, Дунай со своими железными воротами и, наконец, Саксонская Швейцария. во всех знаменитых и прославленных ее у

Картина «Ипатьевский монастырь под Костромой» (ГТГ) была написана Боголюбовым сразу после первого волжского вояжа. Один из древнейших городов Верхневолжья привлек внимание художника старинными архитектурными ансамблями. В середине XIX века под памятниками старины подразумевались, прежде всего, культовые сооружения. Пригородный монастырь, основанный в последней трети XIII века, воспринимался художником как главная святыня волжского города. Живописец изобразил его таким, каким он открывался взгляду костромича из центра, отделенного от монастырского ансамбля небольшой речкой Костромой, впадающей в Волгу. Панорамный вид культового комплекса позволил запечатлеть его основные сооружения: крепостные стены с круглыми угловыми башнями, сооруженные в XVI – XVII веках, трехэтажный архиерейский корпус, главную монастырскую достопримечательность – пятиглавый Троицкий собор. Сохраняя верность академической композиционной структуре, Боголюбов изобразил ансамбль на втором плане, оживив первый непримечательным жанровым мотивом: рыбаки в лодке, женщины, полощу-

щие белее. Эффектное вечернее освещение романтизирует изображенный вид: золотистые лучи заходящего солнца освещают постройки сзади, позволяя акцентировать внимание на их выразительных силуэтах, читающихся на фоне занимающего две трети полотна вечернего неба.

Позднее Боголюбов вспоминал о своей поездке в монастырь близ Костромы во время второго волжского путешествия, совершаемого в свите цесаревича Николая Александровича: «Поехали с утра в Ипатьевский монастырь. День был чудный. Возшли, конечно, прежде всего, в собор, замечательный своим резным иконостасом XVI века. Тут архимандрит обратился к гр. С.Г. Строганову, говоря, что бедна обитель и что следовало бы позолотить иконостас, но по его громадности дело будет стоить дорого, а средств нет. «Да молитесь Бога, что их никогда не было на это святотатство. Знайте, что эта гармония старого золота, окрашенная веками, составляет его драгоценность и прелесть». Что подумал чернец, не знаю, но, вероятно, счел графа за безбожника и еретика» [21]. Описанный художником случай, ярко иллюстрирует его отношение к памятникам родной истории, в котором критерий подлинности древней достопримечательности играет первостепенную роль. Кроме того, важен сам факт посещения монастыря, поклонения его святыням, понимания ценности архитектурного ансамбля и хранящихся в храмах произведений иконописи.

Романтический налет, ощущаемый в решении вида Ипатьевского монастыря, не в последнюю очередь зависел от эмоционального восприятия древних святынь. Однако уже в данной композиции проявляется стремление Боголюбова передать в пейзаже характер конкретной местности, определенное освещение, определенное состояние дня. Важно отметить и тот факт, что, изобразив древний архитектурный ансамбль, Боголюбов открыл в отечественном изобразительном искусстве один из любимейших в последующем конкретных видовых сюжетов. Ипатьевский монастырь вслед за ним писали такие известные пейзажисты, как П. Петровичев («Кострома», 1911), в советское время – В. Стожаров («В Кострому», 1957) и др.

Презентация исторического города через наиболее яркую, характеризующую его индивидуальный облик достопримечательность была традиционным мотивом в творчестве художника. С этой точки зрения показательна небольшая «кабинетного» формата композиция «Крестный ход в Ярославле» (1863), хранящаяся в Саратовском художественном музее. Написанная во время второго волжского путешествия, работа хранит черты непосредственного впечатления от увиденного. Скорее всего, это натурный этюд-картина – особая форма живописного произведения, предполагающая работу над задуманным пейзажем на пленэре до полного, окончательного его завершения. Тем не менее, Боголюбов искусно «кадрирует» городской вид: на берегу реки, на первом плане, ярко окрашенный в красно-бело-зеленый «триколор» пятиглавый храм Иоанна Златоуста, с симметрично расположенными по бокам пятиглавия шатрами на приделах и белокаменная колокольня («Ярославская свеча»), стоящая отдельно поодаль, обобщенный силуэт панорамы Ярославля обрамляет композицию на втором плане.

При сравнении этюда Боголюбова с композицией Никанора Чернецова «Вид города Ярославля», написанной всего тремя годами раньше, обнаруживаются как общие черты, так и различия в художественном восприятии красивейшего волжского города. Очевидно совпадение сюжетного – крестный ход – и конкретного, написанного приблизительно с одной точки обзора, видового мотивов. Это один из самых привлекательных ракурсов на город: панорамный взгляд на набережную Яро-

славля от уникального архитектурного ансамбля XVII века – культового комплекса слободы Коровники. Прослеживается сходство и в композиционных решениях, фиксирующих уникальный культурный ландшафт. Однако городской пейзаж Боголюбова лишен торжественности документально-отстраненного представления Чернецова. Он более эмоционален, прочувствован, ассоциируется с обжитым, знакомым, приближенным к зрителю пространством. Не ощущается в облике города и той идеализированной романтизации, которая была свойственна живописной гардарике Чернецова. Сливающиеся воедино воды рек – Которосли и Волги – изображены живее, реальнее. Их волнующаяся поверхность наполнена отражениями примет речного города – судовых матч и парусов, прибрежных построек.

«Беспритязательная красота и безыскусственность мотивов русской природы заставили Боголюбова оставить позади романтическую канву», – отмечал искусствовед Г.И. Кожевников [22]. Кроме того, подобное реалистическое восприятие исторического поселения возникло в искусстве мастера благодаря работе с натуры как основному творческому методу. Боголюбов писал о свойственном ему стиле работы: «Я был всегда «натуралист»... Я вечно писал этюды, без которых письмо картин было для меня невымыслимо» [23]. Это признание художника распространяется и на его большие полотна волжской серии, которые писались в мастерской длительное время. Наиболее известные среди них – произведения позднего периода творчества «Вид Нижнего Новгорода» (1878), хранящийся в Русском музее и «Вид Саратова с Соколовой горы» (1887-1888) из Саратовского художественного музея.

«Вид Нижнего Новгорода» представляет собой большую прямоугольного формата композицию, выполненную в традициях пейзажа-панорамы. Выбранная художником точка зрения позволила наиболее интересно скомпоновать и запечатлеть неповторимый и эффектный одновременно образ исторического поселения. Вспоминая путешествие по Волге в 1869 году, Боголюбов писал в «Записках моряка-художника»: «Все знают красоту Нижнего Новгорода, кто только глядел на огромнейшую панораму с балкона Дворцового дома. Вид на Оку и Волгу поразил Государыню Цесаревну, и она постоянно им любовалась. С этой точки я написал большую картину для Государя, которая составляет собственность Наследника Цесаревича Николая Александровича» [24]. Плоскость холста, разделенная далеким горизонтом на две равные части – облачное небо и городской берег с омываемыми его реками, содержательно объединена стремлением художника погрузиться в особую динамичную среду речного поселения. Фиксация достопримечательностей природного и культурного ландшафта не является для Боголюбова главной целью, они «живут» в привычной для них повседневности. Белокаменные стены и башни Кремля уступами спускаются к Волге, на берегу которой дымятся трубы фабричных зданий. Вдали, на Стрелке, образованной слиянием Оки с Волгой, прочитываются четкие прямоугольные строения крупнейшего в мире торгового ярмарки – Нижегородской ярмарки и величественный силуэт пятиглавого собора. Речная гладь покрыта многочисленными разнообразными судами: «плывут по течению, как белые лебеди, росшивы, мокшаны да беляны» [25]. Вид на заречные дали простирается до самого горизонта.

При сравнении рассматриваемого произведения с композициями Никанора Чернецова, посвященными Нижнему Новгороду, «царственно поставленному над всем Востоком России», наиболее отчетливо выступают особенности восприятия исторического волжского города Боголюбовым. В его интерпретации город возникает не как детализировано-документальный набор особенностей, топографически точ-

но размещенных в изображаемом пространстве, но как целостный естественно развивающийся организм, сохраняющий в движении через эпохи неповторимые особенности культурного ландшафта. Боголюбов, один из первых в русской живописи, решил образ города через восприятие национального отечественного пейзажа. Поэтому, под стать русской душе и русскому ландшафту особую значимость в боголюбовских портретах волжских поселений приобретают характеристики простора и широты. «Почти все пейзажи Боголюбова, изображающие русскую природу, отличаются одной замечательной особенностью: постоянным стремлением Боголюбова изобразить в них реально большие и глубокие пространства, наполненные светом и воздухом. Навечно это широтой необъятных русских просторов, величием Волги, беспредельной глубиной русских далей» [26], - подчеркивал исследователь творчества Боголюбова Кожевников.

Эта особенность отчетливо проявилась в одном из лучших произведений последнего периода – «Вид Саратова с Соколовой горы» (1886). К этому волжскому городу Боголюбов питал особые чувства, всегда отмечая, что Саратов его «родной город, тут в Кузнецком уезде родина моего деда А.Н. Радищева» [27] или «по роду я саратовец, ибо эта губерния дала России Радищева, он был отцом моей матери» [28]. Увековечив имя деда созданием первого в российской провинции музея и художественной школы при нем, Боголюбов навсегда связал и свое с культурной историей волжского города: он стал его первым Почетным гражданином.

Несмотря на название, большое полотно нельзя считать традиционной vedutoй. Читаящиеся вдаль, на отлогом волжском берегу архитектурные строения так органично включены в пейзаж, что воспринимаются его естественной частью. Поэтика картины основана на стремлении показать город через его главную нерукотворную достопримечательность – Волгу. Создавая ее портрет, Боголюбов реализует присущее отечественной пейзажной живописи понимание сюжета как состояния природы и поднимается до философского обобщения. Широкие, необъятные волжские просторы, большие пространства неба, заполненные облаками, и выразительный силуэт горы, почти по диагонали спускающейся к Волге, несмотря на отсутствие внешних проявлений движения, порождают огромную динамическую напряженность. Включенность города в величественный пейзаж, в котором река воспринимается непрерывным потоком самой истории, ассоциируется с вечными и преходящими ценностями человеческой жизни.

Если окинуть мысленным взором волжскую живописную гардарику, то можно отчетливо увидеть город, которому художники разных периодов отечественного искусства уделяли наибольшее внимание. Это Нижний Новгород. Вслед за братьями Чернецовыми и Боголюбовым его писали П.П. Верещагин и А.К. Саврасов, А. Карелин, К.И. Горбатов и К.Ф. Юон, А.В. Лентулов, продолжают писать современные пейзажисты.

Несмотря на временную дистанцию между художественными обращениями к мотивам крупнейшего волжского города, можно выделить общие предпочтения в создаваемом живописцами образе Нижнего. Во-первых – выразительный природный ландшафт: слияние Оки и Волги («Переправа через Оку. Нижний Новгород» - К.Ф. Юон, 1909); во-вторых – главная доминанта города – панорама высокого кремлевского холма с древними стенами и соборами (К.И. Горбатов – «Нижний Новгород», 1919; А.В. Лентулов «Нижний Новгород. Кремль», 1909 и «Нижний Новгород», 1915); в-третьих – памятники Кремля (А.В. Лентулов); в четвертых – внутреннее

пространство исторического города с элементами повседневной жизни (П.П. Верещагин – «Рынок в Нижнем Новгороде», 1872).

Привлекательна для отечественных живописцев была и Казань - крупнейший административный, экономический и культурный центр на северо-востоке России. Живописная иконография «восточной столицы» складывалась в несколько этапов. Ранний – XVI – XVIII вв. – связан с изображениями города на древнерусских миниатюрах, иконах и на средневековых европейских картах. Второй, наиболее интересный, приходится на конец XVIII – XIX вв.. Живописные свидетельства об историческом городе кроме Чернецовых и А.П. Боголюбова («Вид на Казань», 1861, «Казань», 1862 и др.) оставили А.Е. Мартынов («Вид Казани», 1816), Л.Л. Каменев («Казанка», 1875, «Вид на реку Казанку», 1875, «Ночь на берегу Волги», 1874-1875), К.Б. Вениг («Покорение Казани», 1899).

Все свое искусство посвятил Казани Андрей Николаевич Ракович (1815-1966), воспитанник Академии художеств, ученик знаменитого пейзажиста М.Н. Воробьева. Его графические и живописные композиции запечатлели образ Казани 1840-1850-х годов. Это и панорамные виды («Вид Казани во время разлива Волги», 1861), и «интерьерные» изображения города («Вид Толчка с церковью Николы Гостиного», 1846), и полотна-персоналии какого-либо архитектурного сооружения («Петропавловский собор в Казани», 1845).

И в Нижнем Новгороде и в Казани наиболее привлекательным мотивом в создании образа города для художников являлся вид Кремля. Уже в XVIII и XIX вв. кремли воспринимались национальными святынями, ассоциируясь с драгоценными государственными реликвиями. Третьим волжским городом, в котором сохранилась древняя крепость, была Астрахань. Братья Чернецовы отмечали, что «Астрахань по плоскости своего местоположения мало имеет живописных видов» [29]. Поэтому панорама со стороны Волги с видом на Кремль была самым эффектным живописным ракурсом. Им воспользовались в своих полотнах два пейзажиста – П.П. Верещагин и М.И. Доливо-Добровольский, оставившие лучшие художественные фиксации Астрахани. Панорамный подход в изображении города, растянутого вдоль реки, поражает обилием культовых сооружений: в конце XIX века в Астрахани действовало тридцать православных храмов, шесть армяно-григорианских церквей, мечеть, синагоги. Их вертикальные акценты пытаются разнообразить горизонтальный параллелизм пейзажных композиций. Выразительные очертания храмовых куполов,ступающие вдаль обобщенными геометрическими объемами, не позволяют связать их с конкретными сооружениями. Однако они задают определенный ритм в живописном изображении архитектурного пространства города, подготавливая восприятие главной культурной достопримечательности – Астраханского кремля. Его облик узнаваем благодаря Успенскому собору – величественной пятиглавой постройке рубежа XVII – XVIII веков и стоящей рядом с ним высокой четырехъярусной колокольне. Главное культовое здание города, выдающееся произведение крепостного мастера Дороефа Мякишева, возвышаясь на горизонте и видом своим представляющее «истинную радость», являлось и является визитной карточкой архитектурного фасада Астрахани со стороны реки.

М.И. Доливо-Добровольский, окончивший Академию художеств, всю свою жизнь провел в родном городе Саратове, запечатлевая его виды на своих полотнах. В саратовском художественном музее хранятся две большие композиции пейзажиста с одинаковым названием «Волга у Саратова» (1877 и 1879 гг.). Отнести обе ком-

позиции к жанру традиционной ведуты нельзя: вид города отодвинут на второй план, его архитектурный портрет обобщен и занимает на полотне узкую пограничную полосу, разделяющую водное и небесное пространство. Образ Саратова в обеих работах решается через Волгу, так много значащую в жизни исторического поселения.

Любовно и достоверно изображены многочисленные речные суда, повседневными делами озабочены люди. И все это – не просто оживляющие пейзаж стаффажные детали, это – подлинная часть среды большого волжского города. Архитектурный облик Саратова фрагментарен. За прибрежной песчаной каймой, за железной дорогой с пытящим по ней паровозом вырисовываются немногочисленные строения – красные кирпичные ворота и несколько высотных зданий общественного назначения. Очевидна попытка художника уйти от решения образа города путем представления его парадного фасада, презентабельного исторического центра с главными культовыми сооружениями. Его интересует не столько визуальный архитектурный портрет, сколько его наполнение. Образная поэтика Саратова формируется в соотноении с повседневной жизнью, в которой Волга играет самую значительную роль.

Обобщенный образ волжского города в отечественной живописи невозможно реконструировать только по художественным обращениям к крупным губернским городам. Многие пейзажисты отдавали предпочтения изображению поэтико-романтической атмосферы малых исторических городов: Углича (К.Ф. Юон), Золотого Плеса (И.И. Левитан), Ржева (А.М. Васнецов) и др. В малых городах их привлекало постижение процесса своеобразного вращивания рукотворного (памятников архитектуры) в природный пейзаж, символизация национального пейзажа памятниками культового зодчества.

Тема исторического города продолжает свое развитие в отечественном искусстве начала третьего тысячелетия. В связи с этим интересно провести художественные параллели или увидеть нечто новое при формировании образа того или иного волжского города художниками разных времен. Обширный материал для этого дают два художественных вернисажа, прошедших в Саранске соответственно в 2004 и 2011 гг.: Межрегиональная выставка «Большая Волга» (Искусство республик Поволжья) и Всероссийская выставка «Большая Волга» (Искусство республик Поволжья).

Современные пейзажисты гораздо реже обращаются к парадным панорамным видам города, их больше интересует конкретный памятник архитектуры или сохранившаяся улица исторического центра. И это вполне объяснимо: слишком много безвозвратно утеряно в предыдущем столетии. Человеку же трудно жить в совершенно новом пространстве, тем более что культурное пространство обогащается методом ценностного накопления. Поэтому обращение к мотивам архитектурных памятников можно считать своеобразной попыткой виртуального художественного сохранения исторической среды города. Подобный подход очевиден в работах И.А. Парахина «Святыня Астрахани. Чуркинский монастырь» (2010), В.А. Чеботкина «Козьмодемьянск уходящий», А.А. Чернигина «Горецкий монастырь», В.А. Сычева «Старая Пенза» (2010), Г.Л. Эйдинова «Последний вечер старого дома» (2009), А.А. Чувашева «Церковь Константина и Елены» (Свияжск) (2010) и др.

Второй художественный ракурс тематически и содержательно традиционен – это изображение Кремлей волжских городов: Л.З. Ахметов «Огни Казани» (2006), А.А. Петров «Память Булгар» (2009), Р.А. Соснин «Карман России» (2008-2009), П.Р. Баранов «Старая Самара» (2003) и др. Ансамбли-святыни по-прежнему важны для

имиджа современного города. Они визуально углубляют возрастной стаж поселения, ассоциируясь с его стабильностью и значимостью в отечественной культуре.

Жизнь больших и малых волжских городов, образы которых запечатлены известнейшими пейзажистами XIX начала XX вв. и художниками XXI столетия, активно развивается в современности. Но «настоящее» не способно существовать само по себе, без постоянной оглядки на «прошлое», соотношения своих приоритетов с ценностями предшествующего времени. В связи с этим, изучение художественных живописных высказываний, обращенных к образу города, представляется особенно ценным. Современность воспринимает их и как очевидные свидетельства исторического развития города, и в качестве особого «мемуарного» источника, раскрывающего всю глубину взаимоотношений человека со сформированной им средой.

Литература

1. Муратов П.П. Ночные мысли. – М.: Прогресс, 2000. – С. 257
2. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника / Нева, №2-3, 1996. – С. 91.
3. Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. – М.: Мысль, 1970. – С. 10.
4. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 23.
5. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 55.
6. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 18.
7. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 33.
8. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 28.
9. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 83.
10. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 124.
11. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 84.
12. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 18.
13. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 124.
14. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 124.
15. Чернецовы Г. и Н. Там же. – С. 62.
16. Никольская Е. Братья Чернецовы. – М.: Белый город, 2002. – С. 28.
17. Чернецовы Г. и Н. Указ.соч. – С. 79.
18. Асафьев Б.В. Русская живопись. Мысли и думы. – Л.-М.: Искусство, 1966. – С. 189.
19. Чернецовы Г. и Н. Указ. соч. – С. 67.
20. Никольская Е. Указ. соч. – С. 31.
21. Боголюбов А.П. Указ. соч. – С. 91.
22. Кожевников Г.И. А.П. Боголюбов / Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников второй половины XIX века. – М.: Искусство, 1962. – С. 427.
23. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника / Нева. – № 2-3. – 1996. – С. 91.
24. Боголюбов А.П. Там же. – С. 124.
25. Боголюбов А.П. Там же. – С. 124.
26. Кожевников Г.И. Указ. соч. С. 421-445.
27. Боголюбов А.П. Записки моряка-художника / Нева. – № 2-3. – 1996. – С. 93.
28. Боголюбов А.П. Там же. – С. 106.
29. Чернецовы Г. и Н. Указ. соч. – С. 151.

Театральное пространство как содержательная грань городской среды

/The theatre space as meaningful fringe of an urban environment/



Н.Ю. Лысова, кандидат философских наук, профессор Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева Саранск, РФ



Д.С. Бокурадзе, руководитель театра-студии "Грань" Самара, РФ

Театр-студия "Грань" в индустриальном городе Новокуйбышевске - один из самых уникальных российских провинциальных театров. Театру сейчас 40 лет, а городу исполнилось 60. "Грань" создала Эльвира Дульщикова. Театр-студия в Новокуйбышевске поражает своими экспериментами и изысканным репертуаром. На всероссийский театральный фестиваль "ПоМост", тоже созданный Эльвирой Дульщиковой, съезжались лучшие театры страны. Новокуйбышевск – обыкновенный моногород вокруг нефтяных заводов, с огромными прибылями и ужасной экологией. Почему же театр "Грань" был и будет нужен моногороду?

Ключевые слова: театр-студия "Грань", театральный фестиваль "ПоМост", Эльвира Дульщикова, моногород Новокуйбышевск.

N.Y. Lysova, Ph.D., Professor, Mordovia State University named N. Ogarov Saransk, RF

D. Bokuradze, head of the theater "Fringe", actor and stage director Samara, RF

The Theatre Studio "Fringe" in the industrial city Novokuibyshevsk is one of the unique Russian provincial theaters. The theater is now 40 years old, and the city is 60. The theater was created by Elvira Dulschikova. The Theatre Studio "Fringe" strikes with its experiments and sophisticated repertoire. The Theatre festival «PlatForm» also created by Elvira Dulschikova attracted many times the best theatres of the Russia. Novokuibyshevsk is an ordinary monocity around the oil refineries with huge profits and awful environment. Why has there been some need and why there will be the need for the Theatre Studio "Fringe" in this city?

Keywords: Theatre Studio "Fringe", theatre festival «PlatForm», Elvira Dulschikova, monocity Novokuibyshevsk.

Являясь наиболее крупномасштабным и содержательным феноменом мировой культуры, город всегда воспринимался особым результатом творческих достижений человека. Его пространство – изначально и полностью рукотворно, а значит, зависимо от тех, кто его создает, поддерживает и развивает.

Для человека рубежа XX – XXI веков город стал не просто основной, но и самой притягательной жизненной средой. По его представлениям она более комфортна, информативна, функционально разнообразна, материально обеспечена и эмоционально насыще-

на, чем сельская местность. Наши биоритмы вполне совпадают с динамикой городских токов. Но, как писал известный литературовед и культуролог Дмитрий Сергеевич Лихачев, «человек живет не только в определенной биосфере, но и в сфере, создаваемой им самим в результате его культурной и «некультурной» деятельности» [1]. Эту сферу ученый предложил называть «гомосферой», иначе «человекоокружением». Городская среда – важная область подобного пространства.

Традиционно, ее состав определяют социально-экономические отношения, материальное обеспечение и духовное наполнение городского организма. Горожанину далеко не безразлично эстетическое своеобразие города, в котором проходит его жизнь.

Обаяние современного города зависит от множества факторов: богатства архитектурно-исторических наслоений, удачной градостроительной композиции, позволяющей акцентировать внимание на уникальных постройках, ритмике высотных доминант, организации, размещения и благоустройства зон отдыха, художественного оформления среды. Наряду с рукотворными элементами, в формировании образа города и его одухотворении активно участвует природный ландшафт.

Известный французский архитектор XX века Ле Корбюзье отмечал, что река и холмы заведомо делают город красивым, нужно только почувствовать и бережно включить первозданные формы в рукотворный ансамбль. Уникальные города мира строились по берегам рек: Рим на Тибре, Париж на Сене, Киев на Днепре, Владимир на Клязьме, Петербург на Неве...

К сожалению, идея «слияния» с природой часто игнорировалась в советском градостроительстве. Так рождались города, о которых мы теперь говорим: «Выросли на пустом месте!». Им нет аналогов в русской истории, и прежде всего потому, что причиной их возникновения стали не потребности человека, а темпы развития научно-технического прогресса. Социологи довольно точно определили их общую сущность, назвав их монофункциональными. Находка и Тында – города-транспортники, Тольятти и Набережные Челны – автостроители, Магнитогорск – город-металлург. Новокуйбышевск – из их числа, он – город-химик.

Город-спутник исторической Самары обделен красотой месторасположения. Унылый равнинный рельеф не красит стандартную композицию городского центра, заполненного типовыми постройками. Вероятно, все могло бы быть иначе, если бы город был спланирован и построен на берегу Волги, если бы в его пространство были включены живописные луга, находящиеся в пригородах Новокуйбышевска.

К счастью, духовный микрокосмос города никогда не зависел полностью от его отношений с природным ландшафтом. Теперь, когда место Новокуйбышевска исторически определено, гораздо важнее другое – создание собственных культурных традиций.

В ироническом слого, скрывающем сокровенные мысли, стихотворения Иосифа Бродского «Развивая Платона» возникают черты города, в котором поэт хотел бы жить. В них ощущается жажда одухотворения среды: «Там была бы библиотека, и там были бы памятники», – перечисляет он. Даже вокзал интересен ему, как чувствующий, переживающий организм: «Там стоял бы большой Вокзал, пострадавший в войне, с фасадом куда занятней, чем мир во вне». Но главное, чтобы «там была Опера», театр.

Действительно, культурный портрет современного города скуден, если в его духовную ауру не включены храмы искусства – музей, театр. Город без них становится достаточно абстрактной структурой, лишенной возможности эмоционального общения, способности «говорить». Обитая в пространстве вечных тем, вечных мотивов театр восполняет человеку несуществующий в действительности чувственный ряд, занимаясь по сути человекотворчеством.

Но само по себе размещение и строительство в городе даже самых уникальных музеев, театров, филармонии не приводит автоматически к развитию городской культуры. Необходимость развития системы учреждений, с помощью которых формируется культура, в огромной мере определяется зрелостью среды, интенсивностью духовной жизни горожан, уровнем их образованности. Потребность в театре должна обязательно созреть в недрах культурной среды города. И в этом плане, Новокуйбышевску есть чем гордиться. Театру-студии «Грань» – более сорока лет. Многие новокуйбышевцы «выросли» на его спектаклях, влюбились в искусство, осознали нравственные ценности, многие – связали свою судьбу с его деятельностью.

Театр-студия «Грань» хорошо известен в Самарской области как авторский театр Э.А. Дульщиковой. Сегодня, оглядываясь назад, можно отчетливо проследить своеобразные официальные ступени становления театра Дульщиковой в Новокуйбышевске. В 70-е годы он начинался с сотворчества двух коллективов – «Народного театра» и «Образцового детского театра». С ними Дульщиковой, один за другим, были поставлены такие спектакли как: «Двадцать лет спустя» М. Светлова, «Дипломат» С. Алешина, «Девочка и апрель» Т. Ян, «Смелая сказка» А. Гайдара, «А зори здесь тихие» Б. Васильева и др.

Первые режиссерские работы Дульщиковой в Новокуйбышевске были обращены, прежде всего, к молодому зрителю. В этом подходе сказалось особое чутье художника и понимание высокой воспитательной роли театра, формирование в молодом промышленном городе не только театра как творческой мастерской, но и собственного театрального зрителя. Спектакли Э.А. Дульщиковой посмотрели тысячи старшеклассников и студентов города и области. Кроме того, Дульщикова, как режиссер, обостренно чувствовала и дух и потребность времени. Это всегда сказывалось на выборе театрального репертуара. В 70-е годы ее особенно привлекала романтическая героиня революционных и военных событий, в которых образ формируется через стремление к идеалу, раскрывая человека через лучшие качества его природы.

В первые годы существования коллектива репертуар обновлялся ежегодно: как правило, Дульщикова показывала две премьеры в год, рассчитанные на взрослого и детского зрителя. В постановке сказочных спектаклей режиссер всегда придерживалась нескольких, главных по ее мнению, творческих принципов: выбора драматургического материала в рамках лучших классических образцов («Кошкин дом» и «Дядя Степа», «Конек-Горбун» и «Гуси-лебеди», «Заячья школа» и «Винни-Пух», «Соловей» и «Красная шапочка», «Золушка» и «Оловянный солдатик», «Золотая рыбка» и «Щелкунчик», «Доктор Айболит» и «Лес не без добрых людей», «Прыгающая принцесса» и «Сказки феи», «Муха-Цокотуха» и др.), решения образного ряда спектакля в синтезе выразительных средств – сценографических, музыкальных, пластических, наполнения сказочного пространства позитивными импульсами. Ежегодный премьерный новогодний спектакль-сказка по сей день является одной из лучших и благодарных традиций «Грани».

Возникновение театра-студии «Грань» стало следующим этапом творческой деятельности Дульщиковой. Замечательная творческая инициатива режиссера, поддержанная актерами и спонсорами, привела к открытию камерного зала, оснащенного специальным световым и музыкальным оборудованием. Театр обрел свое реальное пространство, способное к «театрализации жизни», визуальным и духовным трансформациям. Он стал называться студией, отразив одну из главных граней режиссерского мировоззрения Дульщиковой.

Студия, традиционно воспринимаемая как рабочая лаборатория художника, не только стала еще одной сценической площадкой, но подвигла режиссера на новые художественные замыслы, эксперименты.

Эстетика ее среды, способная накапливать, сохранять и передавать зрителю творческую энергию, позволила обратиться к многообразию жанров и видов драматургии. Обобщая все, сделанное режиссером на камерной сцене, можно попытаться привести в особую систему, созданные в разное время спектакли.

Во-первых, это работы, основанные на глубокой драматургии, поднимающей сложные психологические и философские проблемы, обращенные к вечным человеческим ценностям. Среди них – «Маленький принц» С. Экзюпери (1980), «Брат Алеша» В. Розова (1984), «Лунин» Э. Радзинского (1989), «Брысь, смерть, брысь» С. Шальтяниса (1991), «Город» И. Бергмана (1996) и др. Особенностью этих спектаклей стала не только глубина прочтения режиссером драматургического текста, но, прежде всего, актуализация, приближение его содержания к современному зрителю.

Во-вторых, это комедийные, острые, злободневные спектакли-водевили. Среди них несомненными режиссерскими удачами стали «Театр чудес» М. Сервантеса, «Муж всех жен» Ф. Кони (1998), «Сильное чувство» И. Ильфа и Е. Петрова (1999). В этих постановках Дульщикова особенно смело экспериментировала, не только находя точки соприкосновения драматургии с современностью и обращая взгляд зрителя на самого себя, но создавая особое художественное пространство, эстетическую ткань спектакля, театрализуя действие.

В-третьих, камерная сцена позволила Э.А. Дульщиковой неоднократно обращаться к любимому ей жанру литературного театра. Весьма примечательно, что сценарии композиций писались самим режиссером – так полнее и глубже воплощалось задуманное. Литературный театр Дульщиковой основан на поэзии С. Есенина («Россия поклоняется Есенину», 1975), М. Цветаевой («Мой Пушкин», 1990), В. Высоцкого («Быть или не быть», 1986). Но это не значит, что режиссер соотносила литературный театр с театром чтеца и решала образ спектакля только через актерский монолог, своеобразную подачу авторского поэтического текста. В основе подобных спектаклей Дульщиковой всегда лежит идея обращения к чувственному миру человека, к лучшим качествам его души, к пониманию жизни через сокровенные ощущения и незыблемые духовные ценности.

В-четвертых, жанр сказки, в основном воплощающийся режиссером на большой сцене, соотносился Э.А. Дульщиковой и с камерной сценой театра-студии «Грань». В ее малом пространстве режиссерски тонко «прочитаны» «Золушка» и «Красная шапочка», «Дюймовочка» и вертепное действие «История о Рождестве Христовом». В 1993 году спектакль «Золушка» был показан в русском православном приходе Амстердама (Голландия), а рождественский вертеп получил Диплом 1-ого международного фестиваля «Люди, куклы, маски» в г. Алматы. По сказкам-спектаклям «Дюймовочка» и «Соловей» Г.Х. Андерсена, поставленным Э.А. Дульщиковой, Самарской студией телевидения были сняты фильмы (1986 и 1997 гг.).

Работа с художником, композитором, хореографом – интереснейшая часть творческого процесса режиссера Э.А. Дульщиковой. Она считала, что зримый, визуальный образ спектакля активно влияет на его внутреннюю психологию. Поэтому пространства в спектаклях Дульщиковой рождались через межвидовой синтез выразительных средств – драматургических, игровых, сценографических, музыкальных, пластических. Вероятно, это еще и своеобразная попытка сохранения лучших театральных традиций и подтверждение высокого профессионализма в режиссерской методике.

Дульщикова стремилась к соавторству с людьми талантливыми, неординарно мыслящими, для которых предлагаемая им концепция тоже становится актом творчества и новаторским поиском. Для спектаклей театра писали музыку композиторы Е. Комалькова (Москва) и А. Бердюгин (Санкт-Петербург), работали над сценической пластикой балетмейстеры Г. Касаткин и А. Никифоров (Самара).

Художественно-визуальный образ спектакля обычно решался режиссером совместно с профессиональными сценографами и художниками по костюмам. В разные годы Дульщикова работала с М. Мурзиным (Самара) и И. Мендковичем (Самара), А. Кулаковским (Германия), Т. Рассказовой (Москва) и А. Сидориной (Москва), В. Боером (Москва), В. Фоминым (Москва) и др. Костюмная сценография к сказочным спектаклям Э.А. Дульщиковой «Дюймовочка» и «Золушка», выполненная по эскизам Т. Рассказовой, завоевала 1-ую премию в номинации «Театральный костюм» на первом фестивале Моды и театрального костюма «Поволжские сезоны Александра Васильева» (Самара, 2001), а костюмы к спектаклю «Бумажный Пьеро», решенные так же Т. Рассказовой были удостоены Гран при вышеназванного фестиваля в 2003 году. Эскизный ряд костюмной коллекции А. Сидориной к водевилю «Сильное чувство», выполненной в традициях русского авангарда, экспонировался на ежегодной выставке театральных художников «Итоги сезона» в выставочном зале Союза театральных деятелей в Москве (2000).

Много внимания и сил отдавала Э.А. Дульщикова формированию театральной труппы, работе с актерами. Для актеров Дульщиковой театр – не работа и не профессиональный вид деятельности, и, даже, не увлечение. Скорее, это способ жизненного существования, которому научил их режиссер, когда театральное пространство стремительно поглощает реальное, диктуя свои жесткие условия обыденному течению времени. Актер в подобной энергетической волне не просто исполнитель долгожданной роли – он совершает попытку разрушения правил сценической игры, «втягивая» себя и зрителя в более глубокие эмоциональные состояния. Недаром Дульщикова признавалась, что ей гораздо интереснее работать именно с непрофессиональным актером, для которого роль как перевоплощение «на время» не существует. Он способен на большее: доподлинно слиться с миром своего героя, обезоружить зрителя искренностью сценического проживания. Актерская труппа «Грани» – разновозрастная и состоит из взрослого, юношеского и детского коллективов. Весьма показательно, что в театре много лет играют, наряду с любителями профессиональные актеры.

Характеризуя творческую деятельность Э.А. Дульщиковой необходимо остановиться на ее недавних режиссерских работах – спектакле «Бумажный Пьеро» по текстам Х.Р. Хименеса (2003) и сказке «Пчелка» А. Франса (2003), поскольку в них наиболее полно прослеживается творческая манера режиссера. Ее особенности сказываются уже в выборе драматургического материала. Чаще всего, это обращение к малоизвестным широкому читателю, но значительным, наполненным глубокими философскими размышлениями текстам. Так, «Бумажный Пьеро» поставлен по андалузской элегии замечательного испанского поэта Хименеса. Для сказочных спектаклей Дульщиковой важен текст, соизмеримый с театральным пространством, с заведомо ощущаемой театрализацией его идеи, с ярко представляемой визуальной основой. Тексты для таких постановок Дульщикова писала сама, достоверно сохраняя авторский слог используемого для пьесы произведения.

В любом спектакле для режиссера особенно важна атмосфера театрального действия, достигаемая, прежде всего не зрелищностью, а внутренним проживанием предложенной ситуации. Вероятно, поэтому столь эмоционален отклик зрителя на спектаклях «Грани». В «Бумажном Пьеро», поставленном на двух актеров, режиссер приоткрывает завесу над самым необозримым и неразгаданным человеческим пространством – миром его чувств. Отталкиваясь от любимых творческих образов – Пьеро и Театра, режиссер выстроила действие-размышление, размышление-игру, в котором акцентами стали отзвуки переносимых человеком душевных потрясений.

Творческие замыслы Э.А. Дульщиковой были связаны не только с ее режиссерской деятельностью, но и активно проявлялись в театрально-организационной работе. Эльви-

ра Анатолевна являлась инициатором проведения в Новокуйбышевске и бессменным художественным руководителем Всероссийского театрального фестиваля «ПоМост: провинциальные театры России». На фестиваль, который осознанно планировался как неконкурсный показ наиболее интересных работ в провинциальных театрах, Дульщикова приглашала лучшие коллективы России – кукольные, пластические, драматические. Как художественный руководитель, она, в какой-то мере, воплотила в подобном форуме свою мечту – продемонстрировать многоплановость современных стилевых направлений в искусстве и своеобразии авторских художественных концепций. В фестивальных показах участвовали: Екатеринбургский театр кукол и Екатеринбургский ТЮЗ, известные в мире современной хореографии данс-театры «Провинциальные танцы» и «Балет Евгения Панфилова», Омский театр куклы, актера, маски «Арлекин», Скопинский молодежный театр «Предел» и др. В каждую фестивальную программу Дульщикова включает и свои режиссерские работы. Важно отметить, что особенностью фестивалей в Новокуйбышевске стала творческая презентация выпускников провинциальных вузов. Первый «ПоМост» включал в программу дипломный спектакль актерского отделения Саратовской консерватории, второй – спектакли учебного театра Ярославского государственного театрального института. Кроме показа спектаклей, фестивальная программа всегда было наполнена ежедневными круглыми столами, научными конференциями и выставками произведений театральных художников.

Э.А. Дульщикова и театр «Грань» участвовали во многих театральных проектах. Среди них – 1-ый международный фестиваль «Люди, куклы, маски» в г. Алма-аты (1998), Всероссийский фестивальный проект «Культурные герои 21 века» (1999), Международный фестиваль моды и театрального костюма «Поволжские сезоны Александра Васильева» (2001, 2002, 2003) и др.

Профессиональное мастерство, глубина и многообразие творческой деятельности Эльвиры Анатолевны Дульщиковой проанализированы во многих публикациях популярной и специальной прессы и оценены грамотами и наградными знаками (дипломами лауреатов Куйбышевской театральной весны, Всероссийского смотра самодеятельного художественного творчества, Большой медалью за режиссуру спектакля по пьесе Е. Шварца «Дракон» – 1985, дипломом Международного фестиваля «Люди, куклы, маски» – 1998, Первой премией в номинации «Театральный костюм» и Гран-при фестиваля «Поволжские сезоны А. Васильева» – 2001, 2003 и др.).

У Дульщиковой было сложное отношение к Новокуйбышевску. Она глубоко ощущала содержательную оппозицию окружающей среды и созданной ею театральной атмосферы. Однако режиссер была благодарна городу, в котором она в полной мере ощутила и сумела сохранить творческую самостоятельность, в котором вырастила интересных актеров, почувствовала их преданность театру, в котором воспитала не одно поколение зрителей, в котором рождались ее творческие замыслы. Театральное пространство живет внутри городского – грань между ними призрачно иллюзорна. «Воля к преобразению действительности» объединяет художника и горожан, побуждая к вступлению в творческий диалог. И это не просто диалог на ограниченной театральной территории, это существование театра в пространстве маленького города.

Литература

1. Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Сов. писатель, 1989. – С. 265.

Функции современного городского пейзажа на материалах Ярославля, Казани, Самары

/Functions of the modern urban landscape on the materials of Yaroslavl, Kazan and Samara/



О.Н. Орлова, соискатель
Самарский государственный университет
Самара, РФ

В статье рассматривается жанр городского пейзажа как значимая культурная форма.

Ключевые слова: современный городской пейзаж, волжские города, имидж города.

*O.N. Orlova, research student
Samara State University
Samara, RF*

Genre of modern urban landscape is a significant cultural form. This article describes two features of urban landscape: identity function and function of creation of the city image. The material of the three Volga cities has demonstrated how a modern urban landscape helps to determine the image-dominant region, identify the crisis phenomena of urban life. Also the genre of the urban landscape is considered as a means of self-identification of citizens.

Keywords: modern urban landscape, the Volga city, the city's image.

Трудно переоценить значение визуальной культуры в современном обществе. Огромное количество информации передается через средства, рассчитанные на зрительное восприятие: рекламные щиты, телевидение, кино, изображения в сети Интернет, картины, плакаты.

Петр Штомпка, один из основоположников визуальной социологии, утверждает, что характерной особенностью современного общества является вытеснение визуальными конструктами интеллектуальных [1].

С помощью визуальных средств передачи информации решается большое количество различных теоретических и прикладных задач: от создания рекламных кампаний на основе визуального ряда до применения фотографии в социологических и психологических исследованиях.

Однако потенциал зрительных образов на сегодняшний день раскрыт далеко не полностью. В том числе это относится и к жанру городского пейзажа, который в современном пространстве города выполняет две значимые функции: имиджеформирующую и идентификационную.

Рассмотрим более подробно каждую из них. В научной теории определяется множество составляющих городского имиджа: развитие инфраструктуры, повыше-

ние качества жизни населения, поддержка туристского бизнеса, субсидирование городских учреждений культуры и многие другие. Данный перечень целесообразно дополнить таким ресурсом, как городской пейзаж, который создается художниками и профессиональными фотографами. Сегодня, когда от определения имиджевых доминант города, от его узнаваемости и привлекательности зависит приток финансовых и трудовых инвестиций в регион, нельзя недооценивать роль визуальных средств в репрезентации городской среды. В совокупности с другими мероприятиями по формированию положительного городского имиджа использование современного городского пейзажа дает городу значительное конкурентное преимущество по сравнению с другими регионами. Яркий тому пример – успешный опыт имиджевой политики Казани.

Городская политика по созданию положительного образа Казани отличается спланированными и целенаправленными действиями. Наряду с основными имиджевыми инструментами администрацией города активно используются различные формы городского пейзажа: картины, фотографии, видеоролики, производство которых активно поддерживается властью. Активно выпускаются открытки с изображением старой и новой Казани, массово производится сувенирная продукция. На них изображены ровные улицы, новые ухоженные здания, главные достопримечательности города. На сайте, посвященном празднованию тысячелетия Казани, присутствует большое количество визуальных материалов с изображением достопримечательностей города. Следует отметить высокое качество фотографий. Интернет-ресурс предлагает интерактивные прогулки по городу, электронный справочник для туриста, фотографии «старой» Казани.

Также городскими властями иницируются выставки городских пейзажей с целью привлечения внимания к городу не только творческой интеллигенции, но и других жителей города; тем самым городская администрация призывает граждан к диалогу.

В 2005 году открылась художественная галерея, где находятся работы местных художников с изображением Казани. Казанское правительство активно создает образ успешного толерантного и современного города и поддерживает его многочисленными изображениями. Так, в современных фотографиях и картинах Казани прочитываются следующие сообщения: «Казань – столица спорта», «Казань – культурная столица».

Имиджеформирующая функция современного городского пейзажа тесно связана с его функцией самоидентификации, которая выделяет городской пейзаж среди других средств формирования образа города. Если в первом случае городской пейзаж стоит в одном ряду с составляющими имиджа современного города, то идентификационные функции жанра городского пейзажа в первую очередь относятся к городским изображениям.

Целесообразно проследить путь исторического развития городского пейзажа, начиная с древних времен и заканчивая современностью, чтобы выявить вектор, который определил становление жанра современного городского пейзажа.

С древнейших времен, с начала урбогенеза, сохранилось представление о городе, как о магической, сакральной силе, которая порождает этносы, народы, гражданские общины, общество и государство. В таком своем качестве он противостоял анархии, распаду и социальному хаосу. Город строили подобно храму, где был центр, была окраина, были священные места, был верх и низ. И все это сопровождалось осмыслением процесса создания его специфической среды.

Средневековье разделяло земной город, где живут люди, и град Божий, священный. Чистым, справедливым был лишь небесный город, который недостижим на земле (Град земной и град Божий, описанные Августином Блаженным). Отсюда восприятие города как порочного и греховного. Средневековый городской пейзаж зачастую располагался на часословах и алтарях, что свидетельствовало о мифологичном восприятии города. Город был не отделен от библейских сюжетов.

Вместе с рождением ренессансного человека складывается и новое представление о городе, которое нашло свое выражение уже в практике возрожденческих городов, первых самостоятельных городских пейзажах, а также в теоретических трудах эпохи Возрождения. Значительный вклад в развитие городского пейзажа внесли А. Дюрер, Л. Альберти, Леонардо да Винчи, А. Палладио и другие. Впервые городской пейзаж стал не только самостоятельным жанром, но и, в отличие от эпохи Средневековья, на один шаг приблизился к реальному городу, созданному человеком для человека.

С развитием городской инфраструктуры изменяется и жанр городского пейзажа. Появляются картины с изображением разных кварталов и разных социальных слоев общества. Эпоха Нового времени видит город как пространство для индивидуальной личности: то бездушным монстром, подавляющим человека в толпе; то местом, где человеку уютно в прекрасных городских декорациях и вместе с другими людьми. Меняются и условия бытования пейзажа, место его экспонирования в процессе исторического развития культуры. На пороге Нового времени мы могли встретить полотно, изображающее панораму города в здании городского совета в XVIII – XIX вв. в музее.

У городского пейзажа в Новое время складываются некие новые социокультурные особенности. Городской пейзаж приобретает ярко выраженные национальные, региональные черты, суммирующие данную культуру. В конце XIX века возникает русский городской пейзаж, английский, чешский, французский и другие.

Таким образом, на протяжении многих веков существовали и развивались различные формы осмысления городского пространства, которые впоследствии дали жизнь современному визуальному образу города.

Городской пейзаж – это, прежде всего, жанр, отражающий город и идентифицирующий его; это формирование такого образа городской среды, который принимается многими горожанами, который будет способствовать их самоопределению или консолидации. Эта культурная форма связывает человека, пространство культуры, данный тип национальной культуры: «Через культурные дефиниции пространство приобретает важные свойства; горожане могут обладать определенными представлениями о своем жизненном пространстве, нагружая его символическими культурно определенными значениями» [2]. Данная культурная форма, являясь выражением представлений человека о городе, помогает вскрыть кризисные явления территории, что также относится к идентификационной функции городского пейзажа. Если городской пейзаж, формирующий позитивный имидж города, демонстрирует лишь сильные стороны территории, то появляющийся стихийно образ города может вскрывать кризисные явления того или иного города.

Так на основе изучения художественных фотографий, картин, открыток, сувениров трех поволжских городов Ярославля, Казани, Самары были выявлены основные имиджевые доминанты данных городов, а также отмечены кризисные явления, характерные для каждого города.

Образ волжского города Ярославля представлен зрителю в совершенно различных ипостасях: он город русской старины в официальных или музейных городских пейзажах. Изображения города представляют собой целый калейдоскоп прекрасных храмов, церквей, золотых куполов. В стихийно же складывающихся фотографиях, картинах, настойчиво проходит мотив потерянности «малого – великого» города, ушедшей славы прошлого. И чувствуется тоска по нему в покосившихся колокольнях старых церквей и в разрушенных заборах.

Примечательно, что на изображениях практически отсутствуют современные здания, что усиливает тоску по прошлому. Такой подход не только в создании художественных снимков, но и официальных фотографий, которые чаще всего выступают визитной карточкой города. Это говорит о том, что главной имиджевой доминантой, несмотря на кризисные явления в городе, продолжает оставаться «русская старина». Город будто застыл, с надеждой оглядываясь назад.

Говоря о Самаре, следует упомянуть о динамичном процессе образного осмысления города и его неустоявшейся имиджевой политике. В визуальной репрезентации Самары можно увидеть пересечение нескольких образов одного города: Самара космическая, Самара купеческая, Самара – современный успешный областной центр. Романтичный образ купеческого города накладывается на образ бизнес-региона, который часто идентифицируется со столицей космоса. Мотивы гиперреализма приходят в городской пейзаж Самары, создаваемый фотографами. Слово бы смывая постоянную патетику советской фотографии, воспевавшей индустриальный город, современная фотография стремится к неповторимости, не имеющей ничего общего с индустриальной культурой. Здесь старый город с разрушенными зданиями, с заложенными кирпичом окнами, с «танцующим Кировым» (необычный ракурс памятника на площади его имени, в центре индустриально-маргинальной Безымянки).

Даже при достаточно успешной имиджевой политике казанских властей, некоторые городские пейзажи Казани также отражают кризисные явления, которые присущи каждой городской среде. Так, например, в картинах местной художницы Елены Титовой Казань предстает то городом огромного скопления зонтов, то панорамой домов с непонятным углом изгиба. Изображенные художницей постройки похожи на неудачно сделанные слоеные пироги, которые вот-вот сломаются.

Таким образом, городской пейзаж как культурная форма выполняет ряд важных функций, помогающих осмыслить город, а значит, обжить его.

Литература

1. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. – М.: Логос, 2007. – С. 3..
2. Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению сегрегации // Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В.В. Вагин. – М.: МОНФ, 2000. – С. 26.

Музей как "место памяти" города /Museum als Erinnerungsort der Stadt/



К.В. Рафикова, кандидат культурологии
Самарский государственный университет
Самара, РФ

Рассматривается проблема музейной репрезентации города и городской истории. Анализируются музейные проекты города Самары. Рамочной концепцией исследования является концепция «места памяти» французского историка П. Нора.

Ключевые слова: музей, репрезентация города, места памяти.

K.V. Rafikova, Ph.D.

Staatliche Universität Samara

Samara, RF

Dieser Artikel beschreibt das Problem der musealen Repräsentation von dem Stadt und Stadtgeschichte. Der Autor analysiert die musealen Projekte in der Stadt Samara. Das Rahmenkonzept ist das Konzept der Erinnerungsorte von dem französischen Historiker Pierre Nora.

Schlüsselwörter: Museum, die Repräsentation der Stadt, die Erinnerungsorte.

Остовы сгоревших зданий, деревья, прорывающиеся сквозь окна и стены домов... Что это? Страшные образы конца города, воплощенные на полотнах самарского художника В.З. Пурыгина? Нет, это реальные картины современных самарских улиц. С карты города исчезают не только ветхие памятники деревянного зодчества, но и каменные исторические здания. Вместе с ними уходит прошлое Самары, ее память и слабо уловимый «дух места».

Безусловно, оптимальным способом сохранения памяти города является музеефикация целых участков городской среды – создание ландшафтных комплексов, которые сохраняют уникальную историческую застройку и наполняются новым культурным содержанием. Примеры подобных исторических кварталов мы видим не только в европейских городах (Музейный квартал в Вене, Музейных остров в Берлине), но и в российской провинции, например, «130 квартал» в Иркутске. Подобная практика соответствует современной концепции культурных ландшафтов, которая приходит на смену традиции сохранения отдельных объектов культурного наследия. К сожалению, практика отстает от теории. В большинстве российских городов и, в особенности, в Самаре остро стоит вопрос сохранения хотя бы отдельных памятников как фрагментов городского ландшафта.

Проблема фрагментарности памяти в современном обществе была исследована французским историком П.Нора в концепции «мест памяти» – символических опорных

точек национальной памяти [1]. В применении к городу места памяти – это точки культурного пространства города, которые позволяют сохранять, воспроизводить и конструировать образы, способные стать основой идентичности городского сообщества.

Идея мест памяти основывается на противопоставлении и взаимодополнительности естественной памяти и памяти архивной – истории. «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте <...> История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей», – пишет П. Нора (1, с. 20). П. Нора оценивает это явление неоднозначно. С одной стороны, места памяти – это последние останки памяти в культуре, утратившей традицию. Это наш последний шанс приобщиться к ускользающей живой истории. С другой стороны, чувство утраты ведет за собой «недифференцированное расширение мемориального поля, гипертрофированное раздувание функции памяти» [1, 30], а также «ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики» [1, 26].

П. Нора причисляет к местам памяти самые разнообразные объекты от сугубо символических до воплощенных в физическом пространстве. В группу «самых естественных» мест памяти, данных в конкретном опыте, наряду с кладбищами и годовщинами, он включает музеи. Вместе с тем он подчеркивает, что место памяти – это не любые события или памятники сами по себе, а лишь те, основу которых составляет переработка памяти, т.е. творческая интерпретация, помогающая управлять прошлым в настоящем. Обязателен образный, символический смысл объекта: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [1, 40]. Но любой ли музей является таковым?

Идея «мест памяти» базируется на классических технологиях искусной памяти, история которой подробно исследована Ф. Йейтс [2]. Искусство памяти, восходящее к античности, опиралось на силу воображения. Оно сравнимо с внутренним письмом, которое выражается в помещении образов запоминаемых объектов и понятий в мысленные места памяти. При этом одни и те же места могут вновь использоваться при размещении другого ряда образов. Обратим внимание на следующие аспекты. Во-первых, искусство памяти неразрывно связывает места и образы. Во-вторых, ключевым здесь является термин «искусство» по отношению к памяти. Образный характер античной и средневековой мнемоники в эпоху нового времени постепенно вытеснили научные методы классификации и систематизации.

Любопытно, что подобные процессы происходили и в истории возникновения музеев в европейской культуре. Первые музеи, а точнее их прообразы – кабинеты и кунсткамеры эпохи маньеризма, были, по существу, материальным воплощением искусства памяти. Кабинеты наполнялись объектами в особом символическом порядке, который олицетворял уникальный образ мира, и были предметом сложной философской интерпретации.

Классический музей просветительского типа становится институтом архивной памяти – истории в позитивистском смысле. Музейное коллекционирование и основанное на нем экспонирование все более выходят из сферы искусства, подчиняясь задачам строгой научной систематизации. Классические практики музеефикации, состоящие в изъятии объектов из среды бытования, не раз подвергались критике. Помещенные в тщательно охраняемую музейную витрину объекты наследия, превращаются, по мысли П.А. Флоренского, в «мертвую мумию» культуры. Ж.Бодрийяр в своей «Системе вещей» также показывает, что сущность любой коллекции заключается в переключении реального времени в план знаковой систематики.

Постмодернизм вносит коррективы в проблему взаимодействия памяти и наследия. Исторические исследования переносятся на почву живой памяти с помощью методов различной и почти художественной реконструкции – «эстетической стратегии поэтики и риторики исторической репрезентации» [3, 14]. Включение объектов наследия в актуальную культуру и повседневность, цитирование и игра образами прошлого становятся частью художественных и социальных практик постмодернизма. Аналогичные попытки делают и музеи: популярны технологии оживления истории, драматургические методы проектирования экспозиции, идеи «живого музея» и «музея действия».

За десятилетия музейного бума второй половины XX века количество и многообразие музеев возросло в несколько раз. Но в условиях «сокращения истории» происходит лавинообразный рост устаревших элементов прошлого – реликтов, которые уже не может вместить ни один музей мира. Кроме того, не секрет, что музеи проигрывают соревнование за свободное время посетителей. Стремясь выжить, они заимствуют технологии современного маркетинга – продавать не товар, а эмоции с ним связанные. В применении к музею это означает, что продуктом музейной деятельности становится не сам объект наследия, а его интерпретация, которая базируется не столько на фактах и научных представлениях, сколько на эмоциях и образах. Популярным ходом во многих западных музеях даже нехудожественного профиля становится привлечение современных художников для создания инсталляций и экспозиций. Музейное творчество сближает с искусством такие черты как символизм, метафоризм, конкретное и персональное выражение абстракций, сближение пространства и времени.

Особенно заметны подобные процессы в музеях, которые не имеют большого груза коллекций и созданы относительно недавно. Таковы, например, современные музеи городов, ставшие неотъемлемой частью постоянно меняющегося культурного ландшафта европейских городов. Это городские центры культуры и наследия, сочетающие интерес к истории и современности города.

В России музеи такого типа сравнительная редкость. Советская музейная сеть тиражировала однотипные краеведческие музеи, опиравшиеся на классические представления о задачах исторической науки. Художественные музеи тоже долгое время находились в тисках представлений о музейной классике, с высоты которых местное наследие оказывалось глубокой культурной периферией.

В последние десятилетия в деятельности российских региональных музеев исследователи фиксируют «краеведческую константу» – интерес к местной истории и наследию. Это не значит, что музеи полностью отказались от глобальных ориентиров и тяги к «событиям мирового и столичного уровня». Но стало очевидно, что вне связи с местом региональный музей, какого бы профиля он не был, существовать не может.

В силу дефицита образов и символов на первый план выходят искусственно созданные ассоциации вроде Музея мыши в городе Мышкине. Безусловно, этот музей вполне успешен в роли туристического бренда города, но вряд ли может служить опорой идентичности городского сообщества. Более успешны идеи, возвращенные на исторической специализации города, городских событиях и именах. При этом музей как место памяти призван не просто воспроизводить бесчисленные факты городской истории, а создавать вокруг них особую символическую ауру.

По В. Беньямину, аура возникает в предмете искусства «как уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» [4, 24]. Речь идет о проблеме уникальности и аутентичности памятника, включаемого в массовую культуру: «Обожествление предмета от его оболочки, разрушение ауры – характерная черта восприя-

тия, чей «вкус к однотипному в мире» усилился настолько, что оно с помощью репродукции выжимает однотипность даже из уникальных явлений» [4, 25]. Практика постмодернизма фактически снимает эту проблему: интерпретация не требует присутствия объектов наследия – достаточно их существования в форме виртуальных образов. Важен смысл, аутентичность и уникальность образа, реконструируемого в музее. При этом многое зависит от таланта интерпретатора и качества создаваемого им произведения. По аналогии с предметом искусства характеристика объекта наследия как места памяти не сводится лишь к проблеме подлинника и копии. Уникальность, по В. Беньямину, тождественна не подлинности произведения, а его «впаенности в традицию» [4].

В условиях разрушения традиции использование классических способов музеефикации ведет к утрате ауры – его символической связи со средой бытования и живой деятельностью. Эту проблему и пытаются решить музеи нового типа, балансирующие на границе сферы культурного наследия и актуальной культуры. С этих позиций вполне успешным местом памяти города может стать и музей виртуальный, если он включает копии в уникальное смысловое пространство. Однако современный человек стремится найти опору в чем-то устойчивом и отделенном исторической дистанцией – подлинности памятника.

Город – это прежде всего городской ландшафт, более или менее целостная сеть образов, воплощенных в местах и зданиях. Современные технологии музеефикации памятников архитектуры как наиболее значимых точек городского ландшафта являются лучшим способом не только их сохранения, но и включения в систему городских мест памяти. Традиционно музеефикация памятника предполагает два классических пути. «Памятник под музей» – историческое здание используется для любых экспозиций, никак не связанных с историей памятника. Такой путь практически не отличается от использования памятника в качестве торгового или офисного помещения. Единственным плюсом является охрана памятника от полного уничтожения. Однако простое сохранение памятника не делает его местом памяти. Второй путь – «памятник как музей» – предполагает воссоздание его подлинной внутренней среды (аутентичные мемориальные экспозиции), что в современных условиях не всегда возможно.

Существуют также и современные синтетические варианты актуализации памятника. Например, создание бизнес-объектов (ресторанов, гостиниц, мастерских, магазинов), которые эксплуатируют исторические образы. Более продуктивным вариантом является идея «живого музея» [5], предполагающая сочетание музейной экспозиции и торгово-рекреационных объектов, а также практика создания «музея традиции» [6], направленная на реконструкцию объектов нематериального наследия – технологий, ритуалов и событий, связанных с предназначением и историей памятника. К сожалению, примеров городских музеев подобного типа в России немного, в основном они сосредоточены в сельской местности. В городской среде аналогичную функцию выполняют центры творческих индустрий, однако объектами их деятельности являются, прежде всего, индустриальное наследие и современное искусство. Усредненный вариант – создание при музеях магазинов и мастерских, связанных со спецификой места (например, чайный магазин в музее «Лавка Чехова» в Таганроге).

Что в этом отношении предлагает Самара? Функцию городских мест памяти благодаря ауре аутентичности вполне успешно выполняют мемориальные музеи (наиболее яркий пример – музей-усадьба А.Толстого). Однако собственно город не является объектом их интереса и деятельности. Кроме того, для памяти города местные имена и события не менее значимы, чем общеизвестные. Яркий пример – дом-музей В.И.Ленина, который

сегодня интересен, в первую очередь, как памятник местного культурного наследия. Это сохранившаяся практически без временных утрат городская купеческая усадьба и реконструированная лавка купца И.А. Рытикова. К сожалению, мемориальная зона исторической застройки, созданная вокруг музея в советское время, потеряла свое значение, а потенциал исторической лавки Рытикова как опорной точки «оживления» данной территории не используется. Подобных памятников, способных вместить комплексное культуротворческое и прикладное содержание в Самаре много. Это, например, многострадальная и практически утраченная Кухмистерская фон Вакано на ул. Красноармейской или затерявшийся в магазинной суете дом-лавка К.П. Головкина на ул. Ленинградской.

Идеи различных музейных проектов озвучивались уже не раз. Однако на данный момент мы можем говорить лишь о проектах, которые более или менее близки к воплощению. Это проект Самарского областного историко-краеведческого музея им П.В. Алабина «Музей модерна» в особняке Курлиной и проект музеефикации особняка Шихобаловых Самарского областного художественного музея.

Создатели интересной и достаточно продуманной художественной концепции «Музея модерна» в особняке Курлиной [7] явно вдохновлены идеей «живого музея». Показателен уход от назидательности и наукообразия, попытка выстроить образную и интерактивную версию экспозиции. Насколько органично она впишется в историческую среду памятника сегодня сказать трудно, все зависит от художественного воплощения. Предлагаемые технологии погружения посетителя в атмосферу эпохи, вызывают у многих опасение, не потеряет ли особняк своей ауры? Речь не только о предполагаемом использовании копий и новоделов. Проблема гораздо глубже. В поисках емкого и громкого бренда концепция несколько смещает акцент с городской истории на эпоху в целом. С одной стороны, это достаточно удачный способ создания целостного образа, способного связать воедино различные аспекты городской культуры как среду бытования особняка. С другой стороны, не утратит ли это «уникальный музей» в уникальном памятнике в сторону типичных массовых представлений об эпохе, которые не оставят и следа в памяти горожанина и туриста? Кроме того, использование термина модерн не вполне соответствует реалиям провинциального города рубежа XIX–XX веков и, как это не парадоксально, обедняет представление о формирующейся художественной среде Самары. Возникает сомнение и в возможности реконструкции модерна как художественного стиля только силами историко-краеведческого музея.

Представление художественного наследия города – основная задача проекта музеефикации особняка Шихобаловых. Первоначальная идея, озвученная художественным музеем еще в 1990-е годы, заключалась в создании центра художественной культуры Самары рубежа XIX–XX веков. Впоследствии концепция была пересмотрена в сторону расширения временного диапазона. Особняк должен включить и задуманную ранее мемориальную зону Шихобаловых и экспозиции, посвященные художественной культуре города от рубежа XIX–XX веков до современности, в том числе, музей-мастерскую В.З. Пурыгина.

Памятник обладает большим потенциалом для применения современных технологий музеефикации. Как и многие другие здания старой Самары, особняк Шихобаловых сочетал в себе жилые и общественные функции. Здесь располагались торговые помещения, контора, парадная анфилада и жилые комнаты. Например, это позволяет разместить в бывших торговых помещениях стилизованный музейный магазин. Отдел музей-мастерская В.З. Пурыгина может реализовать свое название не только с помощью реконструкции атмосферы мастерской художника, но и в создании реальных мастерских, предлагающих и демонстрацию творческого процесса, и включение в него посетителей.

Возникает проблема соединения этого временного и тематического многообразия. Она может быть решена с помощью отказа от коллекционных методов экспонирования, подчиненных исторической хронологии и тематике коллекций. Традиционный временной срез экспозиции необходимо дополнить пространственным. Речь идет о музейной репрезентации культурного пространства города в различных его воплощениях – как особого физического, ментального, художественного, социального и жизненного пространства. Экспозиция в таком случае будет иметь структуру гипертекста: многомерной, нелинейной и неиерархичной сети «мест», населенных различными художественными образами, которые связаны с городским прошлым и настоящим. Этой идее должны быть подчинены способы зонирования и смысловая организация отдельных экспозиционных зон, а также образ музейного пространства в целом, вплоть до стилистики вспомогательных средств экспозиции (указателей, экспозиционных текстов).

Такой подход вполне органичен. Во-первых, пейзажный жанр доминирует в творчестве самарских художников. Соответственно, логика экспозиции может вырасти из точек соприкосновения художественного и реального ландшафта. Во-вторых, в музее существует опыт подобного прочтения художественного наследия. Это авторские исследования и выставки самарского искусствоведа и талантливого музейщика Т.А. Петровой («Окольцованные Самарской Лукой», «Переправа в Жигулях»), а также выставочный проект «Самарские перекрестки» (руководитель Т.А. Петрова, 2005 г.), в ходе подготовки которого и обсуждались идеи, ставшие отправной точкой этих размышлений [8]. В-третьих, подобное метафорическое и образное прочтение города – это движение в сторону актуальной стратегии эстетизации памяти.

Городское пространство не может быть обезличено, поэтому базовой темой экспозиции должна стать тема «Личность, укорененная в пространстве». Ее реализация возможна в различных аспектах. Первый аспект – это реконструкция социальных и жизненных пространств, воплощающих образы конкретных личностей – купцов Шихобаловых (мемориальные комнаты особняка), художника В.А. Михайлова (воссоздание авторского интерьера), К.П. Головкина (реконструкция атмосферы магазина и/или рабочего кабинета) В.З. Пурыгина (реконструкция атмосферы мастерской).

Второй аспект – это репрезентация культурного пространства города через его художественные образы. Здесь важно не просто увидеть город глазами самарских художников разных эпох и стилей, но попытаться встроить создаваемые ими образы в единое смысловое пространство, фактически реконструировать коллективную ментальную карту города. Как это возможно? Через выявление точек притяжения и отталкивания, через поиск устойчивых образов самарского пейзажа. Эта идея не раз высказывалась Т.П. Петровой: «С одной стороны, необходимо выявить, как основные ландшафтные реалии Самарской Луки интерпретируются нашими авторами, с другой – важна обратная связь: как влияет наш региональный ландшафт на художественную ментальность, как формирует он художника, высвобождая в его душе активное творческое начало» [9].

Обозначим еще один важный аспект такого взаимодействия. Создавая уникальные образы города, интерпретируя его прошлое и настоящее, художник включается в процесс конструирования городского культурного пространства. Эта роль художника-творца замечательно выражена П.А. Флоренским. «Деятель культуры, – пишет он, – ставит межевые столбы, проводит рубежи, наконец, вычерчивает кратчайшие пути в этом пространстве <...>. Это дело необходимо, чтобы организация пространства дошла до нашего сознания» [10, 114].

Сложность заключается в том, чтобы эти незримые рубежи и знаковые точки сделать зримыми. Это требует создания самобытного языка экспозиции. Сквозной темой экспозиции может стать перекресток – символическая точка пересечения разных эпох, ментального, художественного и физического пространства. С точки зрения стилистики

здесь множество вариантов, например, включение стилизованных элементов городского пространства (указателей, вывесок, дорожных знаков, «зебры» и т.п.).

Воплощение подобных идей невозможно без привлечения таланта художника (режиссера, сценографа, дизайнера), который сможет предложить не только оригинальное художественное решение экспозиции, но и включиться в обсуждение ее концепции. Взаимодействие с художественным сообществом, в том числе, представителями актуального искусства – важнейшая задача музея, направленная на реализацию принципа интерпретации прошлого города с позиции современности. Для художественного сообщества музей может предложить, во-первых, авторитетную экспертизу, во-вторых, презентационное пространство; в-третьих, банк образов и ценностей, содержащихся в музейной коллекции.

Музеефикации особняка может стать первым шагом к обновлению исторической улицы Заводской (Венцека). В старой Самаре она была своеобразными воротами города – когда-то здесь ставилась триумфальная арка, через которую проводили гостей города. Сегодня эта территория требует оживления, наполнения новым культурным содержанием. Технологии изменения облика целых городских районов разработаны в сфере творческих индустрий. Будем надеяться, что развитие в Самаре творческих индустрий и включение ее представителей в деятельность по интерпретации наследия в недалеком будущем приведет к созданию качественно новых «мест памяти», эффективно влияющих на формирование идентичности городского сообщества.

Литература

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999.
2. Йейтс Ф.А. Искусство памяти. – СПб.: Университетская книга, 1997.
3. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М., 2001.
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996.
5. Поляков О. В поисках «живого музея». Сценарная концепция системы экспозиций «Музей город Кранца» // Музей и новые технологии. На пути к музею XXI века. – М.: Прогресс-Традиция, 1999.
6. Каулен М.Е. Музеефикация объектов наследия: от предмета до традиции // Культура российской провинции: век XX – XXI веку. – Калуга, 2000.
7. Музей модерна. Художественная концепция музея [электронный ресурс. Сайт СОИКМ им. П.В. Алабина]. – <http://www.alabin.ru/kurlina/modern>
8. Самарские перекрестки. Образы городского ландшафта в изобразительном искусстве, фотографии и архитектуре. Буклет и каталог выставки Самарского областного художественного музея. Губернский грант 2005. Вступ. ст. Петрова Т.А., Алякина К.В. – Самара: СОХМ, 2006.
9. Петрова Т.А. Структура ландшафтного образа Самарской Луки в творчестве самарских художников (от К.П. Головкина к В.З. Пурыгину) [электронный ресурс. Сайт СОХМ]. – http://www.artmus.ru/museum/scientific_activity/
10. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественных произведениях // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. – М.: Мысль, 2000.

На Волге широкой¹ /On wide Volga/



Е.Я. Римон, доктор филологии, профессор
Университетский центр г. Ариэль
Ариэль, Израиль

Елена Яковлевна Константиновская-Римон – выпускница и аспирантка филологического факультета Самарского государственного университета. В настоящее время постоянно живет и работает в Израиле. Автор многочисленных публикаций в русской и ивритской периодике. Публиковала статьи в журналах "Вопросы литературы", "Новый мир", "Иерусалимский журнал". На русском языке под ее редакцией, с ее примечаниями и предисловиями вышли книги "Антология ивритской литературы в русских переводах" (Санкт-Петербург, 1998), Шмуэль Йосеф Агнон "Новеллы" (Москва-Иерусалим, 2004). На иврите под редакцией Римон вышли книги Михаила Бахтина. Помимо научной и переводческой деятельности она занимается прозой и эссеистикой, связанной со сравнением культур и ментальными типами. Ниже публикуется фрагмент ее эссе о путешествии на Волгу с мужем и сыном, которые впервые увидели Самару и смотрели на волжский город отчасти глазами своей жены и мамы, а также и глазами тех культур и языков, в которых они выросли.

*E.J. Rimon, Doctor of philology, professor, University center Ariel
Ariel, Israel*

Elena Konstantinovskaya-Rimon – the graduate of philological faculty of the Samara state university. Now constantly lives and works in Israel. Publications and Elena Rimon's transfers are published in scientific publishing houses and magazines of many countries: Israel, Russia, America. Besides scientific and translational activity she writes prose and an essayistics connected with comparison of cultures and mental types. The fragment of its essay about travel to Volga with husband and the son who saw Samara for the first time is published below and looked at the Volga city partly eyes of the mother and the wife, but also eyes of those cultures and languages in which they grew.

Волга – бесконечно широкая, синяя и так блестит на солнце, что глазам больно. Мы втроем с Данечкой и Давидкой едем купаться и загорать на остров. Когда-то, много-много лет назад, мои друзья таскали бревна с плотов, которые сплавляли во Волге, а из бревен строили на этом острове дом. Роскошный был дом, с лавками. Со столом. С книжными полками. А какие книги стояли на этих полках! А песни под гитару у костра, как можно себе представить! А полнолуние в лесу! А рыбка, сию минуту выловленная в Волге и зажаренная на закопченной сковороде с диким чесноком, вольно растущим непосредственно возле кухни! Один раз моя мама принесла из театра пачку испор-

ченных афиш каких-то гастролеров, и в тот год весь дом изнутри был чудесно оклеен крупными буквами: «Гамлет. Трагикомедия» и внизу буквами помельче: «Урюпинский драматический театр». Каждый год, когда сходила вода, дом возводили заново, потому что ранней весной Волга разливалась и все сносило до основания.

Но теперь мой друг не строит дом и не проводит лето на острове, питаюсь свежей рыбой. Он работает. И отвезти нас даже не может, хотя лодка у него есть. «Да вы поезжайте к пристани у Студеного оврага, там найдете моторку», – советует он по телефону.

Хорошо, поедем. Сначала на такси далеко за город, до пристани. Потом на моторке до острова. А у пристани, смотрим, киоск, продают разливное пиво. Свежее! И бутылки пластиковые чистые по рублю! Кайф какой! Вот она, перестройка-то, двадцать лет назад ничего подобного не было тут... Спрашиваем у мужиков: не подбросит ли кто до Коровьего острова за полсотни? Ну, за сто? – «Давай», – говорит один, дочерна загорелый, полуголый и уже «хороший», видно, не с пива. Везет нас на своей раздолбанной моторке, я его спрашиваю: «Обратно заберешь? Часа в четыре, а?» – «Нет, – возражает лодочник, – в четыре рано еще, не назагораются. Запиши мой сотовый, как соберешься обратно – позвони. Женя меня зовут». Вот она, перестройка-то, – надо же, сотовый у лодочника, как удобно!

Чудно проводим время на песчаном берегу острова, на опушке леса, вокруг – никого, солнышко, речной ветерок, пиво со шпротами Рижского консервного завода и пачка вкусной мацы местной выпечки. И огурчики свежие. Жизнь удалась! Только одна мысль меня тревожит – если этот Женя уже с утра так набрался, в каком же виде он приедет за нами и приедет ли? Может, он уже отдыхает где-нибудь в холодке в бессознательном состоянии? Двадцать лет назад на этих островах можно было останавливать моторки как попутные машины – а может, теперь меня даже не поймут? Часов в шесть набираю номер – о чудо! Откликается Женя, правда, как-то хрипло и смутно: «Ага. Щас!» И приезжает... но ему уже очень настоятельно надо отдохнуть, поскольку он с трудом ловит руль и пристаёт к моему девятилетнему сыну: «Как тебя зовут? Чего молчишь?» – «Да он не говорит по-русски». – «Чего ж так? Эт-то плохо! Щас я его научу!» И все плетет что-то про Шестидневную войну, но совсем уже неразборчиво.

Да ну, не страшно, Волга же – не шоссе, тут места-то полно, можно плыть хоть по спирали, хоть кругами, а пристань – вон она. Но Женя, видно, ее плохо различает, потому что правит куда-то на стрежень – и надо же! Прямо наперерез огромному катеру! Вот это да! Не может быть! На реке шириной в километр – столкнуться с катером! Может, это он так шутит? Нет! Не шутит! Катер несется на нас и ему уже не свернуть, сейчас он нашу лодочку пополам разрежет!

Тут мой муж Даня, аккуратно сохраняя равновесие, встал, перехватил у Жени руль и в самый последний момент недрогнувшей рукой повернул его так, что мы сантиметров на двадцать разминулись с катером и мгновенно оказались на пристани.

Даня мне когда-то объяснял, что самолет водить гораздо легче, чем машину, потому что небо очень большое. Он в армии не служил, но в Америке водил маленькие самолеты, это у них спорт такой. А в Израиле летать негде, сразу море или Иордания, поэтому у нас нет летного спорта. Зато летчиков отставных полно.

Нет в мире такой вещи, у которой не было бы своего места, говорится в Мишне. И нет человека, у которого бы не было своего предназначения.

Вкус пива. Пригородная электричка. Жара. Вот-вот объявят отправление. Какие-то дядьки вытаскивают из рюкзака пиво и очень завлекательно начинают его пить. Смачно так. На сиденье напротив них возникает сильно потрепанная бабенка.

– Мужчины, где брали пиво?

- А вон там, на платформе.
- Холодное?
- Холодное.
- Ой, правда? Прямо на платформе? А я не видела. Как же я не видела?

И вот эта несчастная начинает метаться. Кинется к дверям – нет, не успеть. Следующая электричка через два часа. Села обратно – пива хочется. Бросилась опять к дверям – нет, не успеть.

- Ой, не успею, – кричит она в отчаянии. – Нет, не успею!
- Нет, не успеешь, – авторитетно подтверждают дядьки, аппетитно прихлебывая холодное пиво. – Не успеешь.

Что ж это за люди, думаю. Каменные сердца. Израильтяне никогда бы так не поступили, нет. Обязательно бы угостили. Полный рюкзак пива!

Но, правда, у нас и электричек нет. В Иерусалиме нет, во всяком случае. Пока. И бабенок таких тоже нет. В Иерусалиме то есть нет. И не надо.

И самое главное, пива такого нет. Кто никогда не пробовал настоящее свежее жигулевское пиво, сваренное на старинном кирпичном пивзаводе, находящемся на набережной Волги в самом центре города Самары, под крутым зеленым склоном, рядом со старым парком... Короче, кто не никогда не пил тамошнее пиво, тот вряд ли сможет понять всю глубину переживаний героев этой правдивой бытовой зарисовки.

Особенности национального юмора. Мужу моему Самара очень понравилась. Ему все понравилось – и лес, и Жигулевские горы, и Волга, и набережная, и крутые приволжские улочки, и особнячки купеческого барокко, и хорошенький, как игрушка, драмтеатр, и школа, в которой я когда-то училась, и старый дом, в котором я когда-то жила, и двор с песочницей, и городской сад, и памятник Чапаеву работы скульптора Манизера, и, главное, мои друзья, с которыми мы замечательно проводили время во всех этих приятных местах.

Поездка в Самару достойно увенчала двухлетний Данин подвиг – вечерние курсы русского языка в Народном доме, давно мне обещанный подарок на десятилетие свадьбы, поскольку я замучилась с синхронным переводом в разноязычных компаниях. Это был очень ценный подарок, он стоил уйму времени: три часа в неделю после работы, плюс домашние задания, письменные упражнения, устная зубрежка спряжений и стихов. Я вас любил любов эшшо бить может! Учительница его очень хвалила.

Учительница у них была замечательная. Например, будущее время она им объясняла на таком примере:

- Водку хочешь?
- Нет.
- А будешь?

Когда Даня принес с урока это упражнение, у нас как раз гостил мой университетский приятель, который сейчас живет в Москве. Услышав его рассказ, мы стали падать со стульев от смеха. А Даня, невозмутимый, как индеец из старого гэдээровского фильма, сказал по-русски:

- Мне смешно, что вам смешно.
- А тебе нет?
- А мне нет. Я понимаю все слова и вижу, что вам это смешно, но что именно смешно – этого я не понимаю (тут он уже перешел на иврит). Русский юмор очень тонкий и сильно завязан на языковой игре. Это невозможно перевести. И надо быть русским, чтобы это понять.

Отношение жителей моногорода К ИННОВАЦИЯМ

/The relation of inhabitants of monocities to innovations/



А.В. Ростова, кандидат социологических наук, доцент

Е.В. Желнина, кандидат социологических наук

Тольяттинский государственный университет

Тольятти, РФ

Представлены результаты социологического исследования по изучению отношения жителей одного из крупнейших российских моногородов к перманентным изменениям. Выявлен уровень готовности респондентов к инновациям и сформированы стратегии адаптации различных категорий населения к различного рода трансформациям.

Ключевые слова: моногород, инновации, изменения, исследование, стратегии адаптации.

A.V. Rostova, candidate of sociological sciences, assistant professor

E.V. Zhelnina, candidate of sociological sciences

Tolyatti state university

Tolyatti, Russian Federation

In article results of sociological research on studying of the relation of inhabitants of one of the largest Russian monocities to permanent changes are presented. Besides, level of readiness of respondents to innovations was revealed and strategy of adaptation of various categories of the population to different transformations are created.

Keywords: *моногород, innovations, changes, research, adaptation strategy.*

Переходное состояние современного российского общества, его экономическая нестабильность, смена сценария отношений государства и общества, отход от патернализма – все это так или иначе ведет к выработке новых стратегий адаптации населения к изменениям. Инновациям сегодня отводится важное место в решении наиболее насущных экономических и социальных проблем. Однако стоит отметить, что далеко не всегда происходящие изменения и инновации находят понимание и адекватную оценку со стороны общества.

В связи с этим нами было проведено исследование, целью которого стало изучение отношения жителей моногорода Тольятти к реформам, изменениям, инновациям. Основные выводы будут строиться на основе социологического исследования (анкетный опрос), проведенного в феврале – апреле 2012 года (N = 1004; выборка квотная).

В ходе проведенного исследования респондентам был задан вопрос о том, насколько комфортно они чувствуют себя условиях быстро и перманентно изменяющейся ситуации (**рис. 1**).

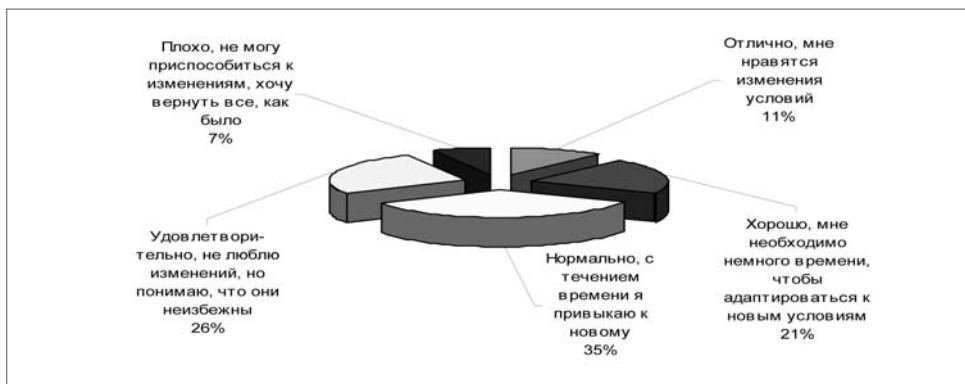


Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос "Как вы ощущаете себя в быстро меняющейся ситуации?"

Как видно из приведенной таблицы, основная масса респондентов (35 %) с течением времени привыкают к новому, а потому чувствуют себя нормально. На втором месте оказались те, кто чувствует себя удовлетворительно, негативно относиться к каким-либо изменениям, однако четко понимают, что без них невозможно – 26 % опрошенных. 21 % респондентов необходимо немного времени для адаптации к изменяющимся условиям.

По самочувствию в быстро изменяющейся ситуации респондентов можно разделить на несколько групп. К первой группе, наиболее многочисленной, так называемым пассивным сторонникам изменений, относятся те, кто достаточно комфортно чувствует себя в изменяющихся условиях – 21 %; а также те, кто с течением времени привыкает к изменениям – 35 % респондентов. К группе пассивных противников мы отнесли 26 % опрошенных, которые не любят изменений, однако понимают, что без них невозможно. В группу активных сторонников изменений вошли 11 % респондентов. Это – те люди, которые оценили свое самочувствие в предложенной ситуации как отличное. Группу активных противников составили те, кто не может и не хочет приспосабливаться к изменениям. Она оказалась самой малочисленной и составила 7 % от числа опрошенных.

Стоит отметить, что значительных расхождений в возрастных группах при ответах отмечено не было, зато обнаружена связь между оценкой самочувствия и гендером, а также сферой занятости респондентов. Так, в группу активных сторонников, т.е. тех, кто отлично чувствует себя отлично, относятся предприниматели (37 %) и менеджеры (21 %). В группе тех, кто определяет свое самочувствие как хорошее, оказались служащий в офисе (34 %) и менеджер (31 %). Среди тех, кто оценил свое самочувствие как нормальное, оказались неквалифицированные работники (55 %) и работники торговли (43 %), квалифицированные работники (42 %). Среди пассивных противников изменений оказались водители (35 %), педагоги (34 %) и медицинские работники (32 %). Среди депривационной группы доминировали работники обслуживания (12 %).

Помимо этого, стоит отметить, что в группе активных сторонников изменений была отмечена корреляция с полом. Так, среди тех, кто положительно относится к изменениям в 1,5 раза больше мужчин, чем женщин. Скорее всего, это можно объяснить психологическими особенностями мышления и поведения мужчин и женщин [1], а также социальным опытом мужчин и женщин. Именно женщина загружена бытовыми вопросами в большей мере, а потому в меньшей степени ориентирована на новации.

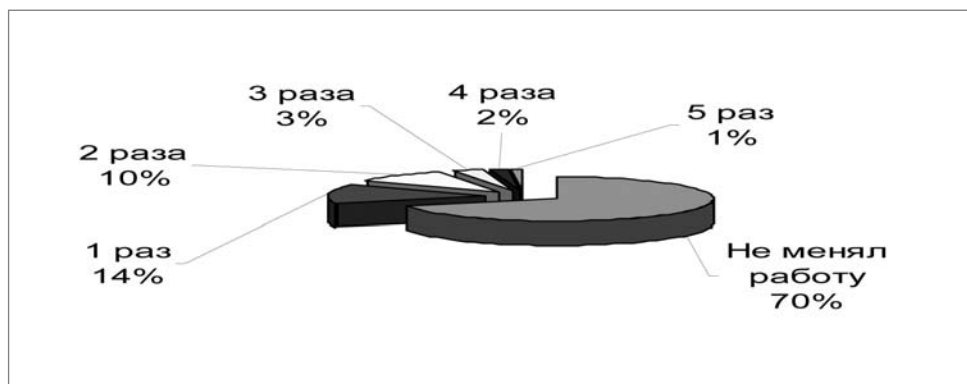


Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос "Сколько раз вы меняли место работы за последние три года?"

В связи изменениями, которые происходили в городе Тольятти последние три года, в ходе исследования был задан вопрос: «Сколько раз вы меняли работу за последние три года?» (рис. 2).

Приведенные данные свидетельствуют о достаточно небольшом количестве респондентов, которые изменяли свой профессиональный статус за прошедшее время. Женщины в среднем на 10 % меньше меняли работу, чем мужчины. Ответ «За последние три года менял работу 1 раз» чаще всего выбирали водители – 30 %. Среди тех, кто изменял свое профессиональное положение 2 раза, больше всего оказалось сотрудников охраны и ОВД – 23 %; 3 раза – предприниматели (9 %); 4 раза – менеджеры (8 %); 5 раз – работники торговли (4 %).

Оценка материального положения семьи оказалась достаточно критичной для большинства респондентов. Так, среди тех, кто оптимистично оценил изменение материального положения, оказалось 32 % (из них только 7 % опрошенных отметили, что за последний год материальное положение семьи значительно улучшилось, и 25 % – немного улучшилось).

Группу пессимистов составили 24 % респондентов: из них 18 % выбрали ответ «незначительно ухудшилось» и 6 % тех, кто посчитал, что материальное положение семьи ухудшилось значительно. Основная же часть участвующих в опросе – 41 % (табл. 1) – показали, что материальное положение осталось без изменения.

Следует отметить, что результаты данного опроса очень четко коррелируют с полом респондентов. Мужчины чаще, чем женщины, оценивают изменение материального положения семьи как положительное.

Таблица 1

Как изменилось за последний год материальное положение вашей семьи?

№ п/п	Варианты ответов	Ответы, %		
		Всего	Мужчины	Женщины
1	Значительно улучшилось	7	10,2	4,5
2	Немного улучшилось	25	26,0	23,4
3	Осталось без изменений	41	39,8	41,2
4	Незначительно ухудшилось	18	16,0	19,7
5	Очень сильно ухудшилось	6	3,7	8,0
6	Затрудняюсь ответить	4	4,3	3,1

Как видно из таблицы, мужчины в 2,3 раза чаще отмечают значительное улучшение материального положения семьи, тогда как женщины в 2,2 раза чаще говорят о значительном ухудшении своего материального положения.

Ответы респондентов на данный вопрос практически повторяют общие тенденции. Так, согласно исследованию ВЦИОМа «большинство женщин в основном негативно оценивают свою жизнь, а следовательно, и свое социально-экономическое положение» [2]. Почти 58 % женщин считают свое социально-экономическое положение либо совершенно неудовлетворительным (27 %), либо близким к таковому (31 %).

В ходе опроса было предложено несколько высказываний, которые характеризуют ситуацию, сложившуюся в жизни респондентов. В целом респонденты оценивают ситуацию как сложную, но при этом разрешимую. Стоит обратить внимание на то, что среди респондентов достаточно высокий процент затруднившихся ответить на данный вопрос (табл. 2).

Интересна и следующая ситуация: практически пятая часть респондентов возрастных групп 31 – 40 и 51 – 60 считают большинство проблем непреодолимыми, они же меньше всего указали на благоприятность существующей обстановки.

Прогнозы респондентов на ближайшее будущее также противоречивы. В положительных и отрицательных прогнозах респонденты разделились на две равные группы: 19 % респондентов считают, что в ближайший год положение улучшится, и 18 % опрошенных считают наоборот – ситуация ухудшится. Основная же масса респондентов (38 %) высказали мнение о том, что положение, скорее всего, останется неизменным. Около половины опрошенных от 41 до 50 лет (45 %) также считают, что существующая ситуация не будет меняться вообще. Обращает на себя внимание высокий процент тех, кто затруднился с ответом – а это четверть всех опрошенных.

Относительно возраста, можно сказать, что во всех группах наблюдается практически одинаковый процент тех, кто не определился с ответом на данный вопрос, возможно, не решился сделать какие-либо прогнозы. По всей видимости, это можно объяснить складом характера, психологическим настроем, а не возрастом. Среди оптимистично настроенных респондентов оказались предприниматели. Они составили 46 % от всех ответивших таким же образом. Среди пессимистов оказались работники обслуживания: 28 % от всех, кто дал такой же ответ.

Помимо этого, в группу пессимистов в основном вошли женщины, которые почти в 2 раза чаще выбирали ответ «скорее ухудшится» (рис. 3).

Кроме того, прослеживается тенденция убывания оптимистически настроенных респондентов в зависимости от их возраста: если в возрасте от 20 до 30 лет 34 % спрогнозировали улучшение сложившейся ситуации, то к 50 – 60 годам подобных прогнозов отметило уже только 12 % участников опроса.

Для «пессимистов» был задан вопрос о прогнозируемых причинах ухудшения материального положения семьи (см. табл. 3). Наиболее важной причиной ухудше-

Таблица 2

Какое из приведенных высказываний больше всего соответствует ситуации, сложившейся в вашей жизни?

№ п/п	Варианты ответов	Ответы, %
1	Для меня и моей семьи ситуация в целом благоприятная	19
2	В жизни много трудностей, но мне удастся их преодолеть	55
3	Большинство проблем являются для меня неразрешимыми	14
4	Затрудняюсь ответить	13

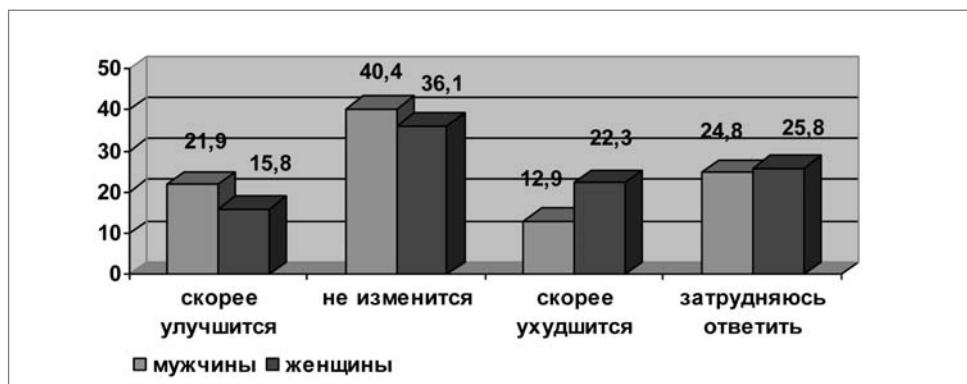


Рис. 3. Как, на ваш взгляд, изменится положение вашей семьи в ближайший год?

ния материального положения в ближайший год, по мнению респондентов, стала инфляция. Женщины почти в 1,5 раза чаще, чем мужчины упоминают именно эту причину ухудшения положения.

Наблюдается довольно интересное распределение ответов респондентов по возрасту. Немного больше трети (37 %) людей предпенсионного и пенсионного возрастов опасаются роста цен. Вероятно, это связано с периодическими индексациями пособий, осуществляемыми государством. Достаточно высокую степень обеспокоенности последствиями инфляции показали респонденты в возрасте от 31 до 50 лет (около 48 %). Как раз на них ложится практически вся экономическая нагрузка, налоговое бремя. И именно эта категория граждан меньше всего может рассчитывать на экономическую помощь государства (за исключением пособий по безработице).

Среди тех, кто видит ухудшение своего материального положения по причине выплат процентов по кредиту, оказались неквалифицированные рабочие – 29 %, служащие в офисе – 26 % и работники охраны, органов внутренних дел – 19 %. Относительно возраста наблюдается тенденция снижения обеспокоенности от молодого возраста к более старшему. В процессе снижения показатель меняется практически на половину: от 13,5 % в возрастной группе 20 – 30 лет до 7,3 % у респондентов 51 – 60 лет. Это может быть объяснено существующей практикой получения

Таблица 3

В связи с чем вы прогнозируете ухудшение материального положения?

№ п/п	Варианты ответов (респонденты могли указать несколько причин)	Ответы, %
1	Высокий рост цен, инфляция	42
2	Увеличение расходов	23
3	Увольнение с основного места работы	12
4	Необходимость выплат процентов по кредиту	11
5	Утрата социальных пособий, компенсаций	3
6	Увольнение с дополнительного места работы	2
7	Сокращение денежной помощи со стороны родственников, друзей, близких людей	2
8	Закрытие собственного бизнеса	1
9	Затрудняюсь ответить	12

различного рода кредитов (ипотечных (особенно обременительных), образовательных, автомобильных, потребительских).

В ходе исследования представилось интересным изучить стратегии адаптации населения в ситуации непрерывной инфляции. В связи с этим был задан вопрос о действиях горожан (см. **табл. 4**) в постоянно меняющейся ситуации.

Обратился за пособиями и другими видами компенсаций, которыми ранее не пользовался

Наиболее распространенным способом адаптации горожан стала экономия, причем женщины в 1,5 раза чаще, чем мужчины упоминали о данной стратегии. Стоит обратить внимание на отсутствие стратегии адаптации почти у четверти опрошенных. 21 % респондентов ничего не предпринимают, чтобы сохранить прежний уровень жизни. Среди мужчин этот ответ звучал почти в 2 раза чаще, чем у женщин – 27 % и 15 % соответственно. Среди тех, у кого отсутствует стратегия адаптации, оказались сотрудники охраны и ОВД – 70 % и предприниматели – 47 %.

Относительно разных возрастных категорий ответы также были различны. Так, старшая группа (51 – 60 лет) ориентирована на различного рода пособия (5,6 %), а также на результаты собственного труда на приусадебном участке (13,5 %). Эти варианты ответов оказались самыми непопулярными в младшей возрастной группе (20 – 30 лет) – 0,8 % и 3,7 % соответственно. Зато можно увидеть противоположную тенденцию относительно дополнительной подработки: это наиболее частый ответ респондентов в возрасте от 20 до 30 лет (21,0 %). Далее по мере увеличения возраста частота ответов снижается до 9,5 %. Кроме того, наблюдается следующая тенденция выбора респондентами стратегии приспособления (относительно возраста): 21,8 % – 20 – 30 лет; 20,2 % – 31 – 40 лет; 18,8 % – 41 – 50 лет; 21,4 % – 51 – 60 лет. Таким образом, из представленных цифр видно, что в достаточно активную в экономическом, инновационном плане возрастную группу входят люди в возрасте от 41 до 50 лет. Удивительно, но молодые люди достаточно часто выбирают пассивную стратегию адаптации к различного рода изменениям. Полученные данные свидетельствуют о необходимости, во-первых, стимулирования молодого поколения к активной стратегии адаптации к инновациям и, во-вторых, о необходимости учета особой целевой группы – людей в возрасте 30 – 50 лет – при разработке и внедрении новшеств. Данная возрастная группа достаточно позитивно воспринимает изменения и готова конструктивно решать возникающие проблемы.

Таблица 4

Что вы предпринимаете в ситуации роста цен, чтобы сохранить прежний уровень жизни?

№ п/п	Варианты ответов (респонденты могли указать несколько причин)	Ответы, %
1	Сокращаю расходы, экономлю	45
2	Работаю по совместительству	13
3	Ищу подработки без официального оформления	16
4	Выращиваю овощи и фрукты на своем земельном участке	9,3
5	Обратился за пособиями и другими видами компенсаций, которыми ранее не пользовался	2
6	Сдаю в наем жилье, дачу, гараж и т. д.	6
7	Ничего не предпринимаю	21
8	Другое	1

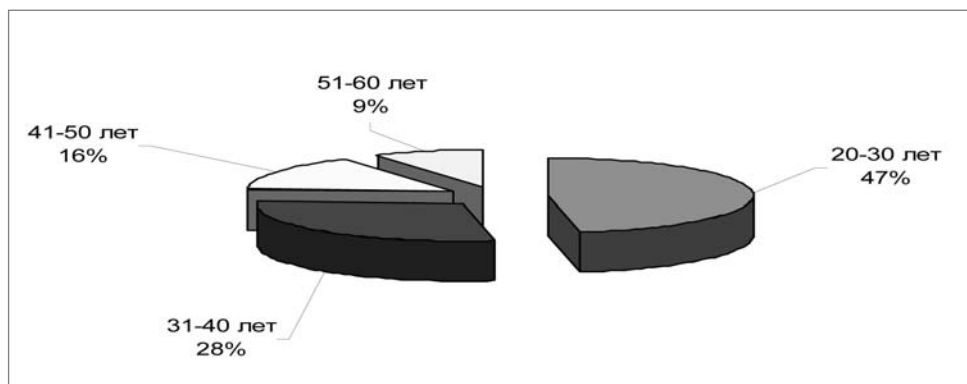


Рис. 4. Распределение ответов респондентов, имеющих желание заняться предпринимательской деятельностью, относительно возраста

Основная масса опрошенных – 60 % – не имеет какого-либо дополнительного заработка; 30% имеет лишь периодический и только 9 % – постоянный. Мужчины в 2 раза чаще, чем женщины отмечают наличие постоянного дополнительного заработка: 12 % и 6 % соответственно. Что касается возрастных различий относительно дополнительного места работы, то молодые люди чаще периодически подрабатывают (возможно, это сезонная занятость), в то время, как старшая возрастная группа указала на наличие постоянного дополнительного заработка.

Около половины молодых людей хотели бы заняться предпринимательской деятельностью. 91 % людей в возрасте 51-60 лет считают, что этот вид деятельности не для них, хотя мы можем отметить 9 % «предприимчивых» людей в данной возрастной группе (**рис. 4**).

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать несколько выводов. Во-первых, стоит отметить, что, несмотря на недавнюю экономическую нестабильность в городе, среди жителей в основном просматриваются оптимистические настроения. Более половины опрошенных (55 % горожан) достаточно адекватно оценивают социальную действительность. Иначе говоря, отмечают наличие трудностей, с которыми в состоянии справиться.

Однако, несмотря на столь позитивную тенденцию, тольяттинцам присущи и социальные страхи. Наиболее распространенными из них стали опасения инфляции и роста расходов, а для людей в возрасте до 40 лет присущи еще и опасения по поводу выплат по различного рода кредитам. Эти опасения еще раз подтверждают адекватность, обоснованность оценки социальной ситуации горожанами.

Во-вторых, заслуживает внимание весьма противоречивое отношение тольяттинцев к переменам и новациям. С одной стороны, более 65 % горожан выразили положительное отношение к перманентным изменениям в их жизни. С другой стороны, у четверти населения отсутствует активная стратегия адаптации к происходящим изменениям. Это можно было бы объяснить советским наследием, когда граждане целиком и полностью полагались в решении какой бы то ни было проблемы на государство. Однако, согласно исследованию наиболее активной группой в инновационном плане стали горожане в возрасте от 41 до 50 лет, что свидетельствует о пассивности более молодого поколения. К тому же, в силу психологических и социальных причин мужчины оказались более склонны к инновационной деятельности и

активной стратегии адаптации, нежели женщины. Данные результаты могут означать недостаток разъяснительной работы и освещения сути инноваций в средствах массовой информации.

В связи с этим, следует сказать о минимизации сопротивления инновациям в группе пассивных противником изменений, которые составляют четвертую часть опрошенных. На наш взгляд, работу с этой группой лучше осуществить через различного рода разъяснения и убеждения, в частности объяснять преимущества проводимых изменений (останавливаться на деталях, подробных планах внедрения инноваций и т. д.), показывать преимущества, предупреждать о возможных негативных последствиях, демонстрировать возможные алгоритмы решения проблемы с помощью нововведений. Все это необходимо для достижения психологической готовности к трансформации существующей ситуации. При этом следует особый упор сделать на две следующие группы: молодежь до 30 лет, у которых отсутствует какая-либо стратегия адаптации, и женщины, которые в меньшей мере ориентированы на изменения.

Литература

1. Жапарова А.К. Инновации и воспроизводство в культуротворчестве: гендерный аспект. Дисс. ... канд. филос. наук, 09.00.13 / Жапарова Алия Каиргельдыевна [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. – Омск, 2009. – С. 4.
2. Ржаницына Л.С. Социально-экономическое положение женщин сегодня // Трудовые права женщин. Библиотечка профсоюзного активиста. – М.: Профиздат, 1998. – № 10. – С. 3-9.

Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX - начала XX в.: особенности самопрезентации /The peculiarities of self-presentation of Volga cities in regional guidebooks of the second half of XIX - early XX centuries/



И.И. Рутинская, кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, РФ

Путеводитель как источник несправедливо обойден вниманием исследователей. Между тем он способен не только транслировать эмпирическую информацию о городе, регионе или стране. С первых лет своего существования данный книжный жанр репрезентировал особенности самовосприятия и самоописания, характерные для конкретного территориального сообщества. На материале первых массовых путеводителей по Поволжью исследуются региональные особенности восприятия городов по следующим параметрам: предлагаемые маршруты и темпоритм передвижений, способы описания городских достопримечательностей, сочетание рекламных приемов с критикой существующих недостатков, отношение к читателю-туристу и формы упрощения информации.

Ключевые слова: путеводитель, самовосприятие, городское пространство.

*I.I. Rutsinskaya, Ph. D. in History, Associate Professor
The Lomonosov Moscow State University
Moscow, RF*

A guidebook as a source of research was unfairly overlooked by scholars. Meanwhile guidebook presents not only practical information about the region but also self-presentation of the community of the certain territory. Based on the materials of early guidebooks of Volga region, this article studies regional differences in perception of urban space using the following criteria: the routes, proposed by guidebooks; the ways of describing the city's attractions, the combination of advertising techniques and criticism, the attitude to the reader and forms of simplifying the information.

Keywords: travel guidebook, self-perception, urban space.

Региональные варианты самовосприятия и самопрезентации на каждом конкретно-историческом этапе в значительной степени сформированы способами социокультурного освоения территории. Научные, религиозные, художественные, торговые, узкопрофессиональные и другие формы, как правило, сосуществуют, однако значение их на различных этапах варьируется: уходят на второй план одни, им на смену приходят другие. Одной из новых форм освоения пространства, зародившейся в XIX в., стал туризм. Массовые путешествия в рамках досуговых практик в наши дни формируют представления о городах, странах и регионах у миллионов людей. Они вызвали к жизни новые жан-

ры описания и самоописания, новые способы конструирования образа территории, функционирующие в рамках территориального маркетинга.

Во второй половине XIX – начале XX в. этот процесс в российской провинции только начинался, но уже на данном этапе он вызвал к жизни неожиданно большой корпус материалов. Помимо видовых открыток и альбомов, помимо публикаций в местных газетах и журналах, рекламных плакатов и афиш начали издаваться массовыми тиражами путеводители – жанр, предназначенный для целенаправленной презентации территории.

Путеводитель несправедливо обойден вниманием исследователей. Как исторический и культурологический источник он вызывает интерес разве что у краеведов. Между тем данный книжный жанр способен не просто транслировать эмпирическую информацию о том, когда в городе пущен трамвай или разрушен храм. С первых лет своего существования он фиксировал особенности самовосприятия, территориальной рефлексии, характерные для конкретного регионального сообщества. Если рассматривать путеводитель с данной точки зрения, то, на наш взгляд, можно значительно заполнить источниковую лауну, имеющую место при исследовании массовых геокультурных образов, представлений, стереотипов пореформенного времени, когда недоступны такие методы как социологические опросы.

В Поволжье второй половины XIX – начала XX в. туризм развивался быстрее, чем в других регионах России. Пассажирские пароходы предоставляли путешественникам, по мнению современников, «достойный уровень комфорта», в городах формировалась туристская инфраструктура. Проходил процесс демократизации путешествующей публики: подражая дворянским досуговым практикам, в рекреационные поездки отправились представители третьего сословия.

Турист-неофит на первых порах демонстрировал невежественность, неумение вести себя «правильно» в новых для него условиях. В газетах его поведение описывалось предельно иронично: «И вот наш турист начинает вести жизнь на пароходе совершенно такую же, как во время длинного переезда «по делу» на железных дорогах: от утреннего чая до завтрака, от завтрака до обеда, от обеда до ужина, сокращая томительные промежутки чаепитием, бутылкой пива, пространными беседами с соседями о погоде, об урожае, о пожарах, чтением газет от доски до доски, наконец, легкою дремотою... Если выходит на берег, то не удаляется от пристани более чем на сто шагов... И на что же смотреть: город как город, посад как посад, село как село» [1]. Полная растерянность, отсутствие даже отдаленного представления о том, что и как необходимо делать в туристском пространстве, говорили о том, что русский массовый путешественник еще не усвоил соответствующие «правила поведения». Он насущно нуждался в проводнике, руководителе, советчике. Эту роль, выполняя социальный заказ, взял на себя путеводитель.

В интересующий нас период в Поволжье путеводители издавались в большинстве губернских и многих уездных городах. Наряду с бедекерами¹ по отдельным населенным пунктам существовали путеводители, посвященные всему региону в целом. Составленный нами каталог включает 87 названий. Причем многие из книг неоднократно переиздавались, в них вносились изменения, информация о городах актуализировалась. Своеобразным рекордсменом стал «Иллюстрированный путеводитель по Волге» Г.П. Демьянова, выпущенный нижегородским издательством семь раз с 1886 по 1912 г. Еще более популярными были книги саратовского издателя П.С. Феокритова, они выходили ежегодно с 1901 по 1915 г. Можно сказать, что бедекеры непрерывно сканировали пространство, предоставляя читателю результаты изучения, интерпретации и описания.

Читая поволжские путеводители, человек усваивал, что единственно возможный способ передвижения по региону – пароходом по реке. Другой логики разворачивания пространства тексты бедекеров не предусматривали. Это был Путь, не подлежащий каким-либо

изменениям, трансформациям. Недаром все бедекеры по региону назывались не путеводителями по Поволжью, а путеводителями по Волге, подчеркивая тем самым вторичность сухопутного пространства. Предлагаемый маршрут передвижения – от верховьев реки к ее устью. Конечно же, пароходы по Волге ходили и против течения, соответственно и туристы передвигались не только вниз по реке, но и в обратном направлении. Однако в бедекерах речной путь представлен как однонаправленный вектор. Поволжские тексты не предусматривали самой возможности иного движения. При этом перемещение по региону с севера на юг в текстах путеводителей было представлено как движение от деревенского – к городскому, от природного – к рукотворному, от безлюдного – к густонаселенному, от отсталого – в передовому. Турист час за часом наблюдал процесс роста, развития:

– «Начиная от Твери тянутся невысокие берега Волги с чисто русскими картинами: селами, деревушками, слободками, усадьбами, перелесками и рощами. И на этом пространстве мы встречаем еще мало признаков цивилизаторских факторов: заводов и т.д. Словом, от этих картин веет еще русской, сельской идиллией» [2];

– «Мышкин справедливо может быть назван «захолустным захолустьем». Скорее село, чем даже средней руки город» [3];

– Торгово-промышленное значение Самары чрезвычайно велико. Недаром говорят про Самару, что она служит житницей всему Среднему Поволжью [4];

– «Благодаря своему торгово-промышленному значению Саратов давно получил название «столицы Поволжья». И действительно, он может гордиться своими торговыми оборотами, простирающимися до суммы 70 млн пудов в год разных грузов» [5];

– «Жизнь на Волге у Астрахани кипит... Величавости и широкому размаху картины способствует и величина самой реки, напоминающей своею безбрежностью море. Астрахань – важнейший торговый пункт. Здесь сосредоточена вся торговля России с Востоком» [6].

Путь, начавшийся в глухих болотах, завершался в международном порту. Обратной логики бедекеры не желали представлять и никогда не представляли читателю. При этом подобный путь вовсе не читался однозначно – как путь от плохого к хорошему. Модернизационные изменения радостно приветствовались, но они не отменяли грязи, неблагоустроенности, бескультурия; многолюдность оборачивалась «азиатчиной», а высокие торговые обороты – низким уровнем духовных запросов. Критический пафос был характерен для первых бедекеров. Это выглядит парадоксом: при всем отчетливо проявляемом патриотизме и желании пропагандировать свой край, местные авторы трезво, не жалея хлестких слов, описывали любые недостатки, которые только могли встретиться на пути туриста. Живя в регионе, они знали об этих недостатках не понаслышке и имели возможность высказать к ним и свое отношение, и отношение местной общественности. Разрушая нормы жанра, путеводитель отчасти превращался в трибуну: «эпоха критического реализма» диктовала свои способы выражения любви и патриотизма.

Критиковалось все, в первую очередь уровень комфорта в дороге, трактирах, гостиницах. Чай на пассажирских пароходах «отличается свойством издавать запах парного веника и имеет отвратительный вкус» [7]; в трактирах Казани «нечистота, шум и множество насекомых, и при этом недешевы» [8]; в Самаре «извозчики чрезвычайно плохи, таких жалких, оборванных экипажей и заморенных, едва ли не падающих лошадей вы не увидите нигде» [9].

Особенно критично описывали путеводители благоустройство и общий вид провинциальных городов: «окраины Царицына утопают в грязи и темноте» [10]; в Саратове «берег непроходимо грязен, наполнен рытвинами и какими-то канавами» [11].

До самых патетических интонаций авторы поднимались при описании общественной жизни городов, повседневности местных обывателей. Об Астрахани автор одного из путево-

дителей возмущенно писал: «Тут нет никаких признаков умственного движения, нет тех факторов, которые бы оживляли жизнь... Тоскливо и серо тянется бесцветная жизнь интеллигентной горсточки этого полуазиатского города, нынче – как вчера, завтра – как третьего дня, вечно серые будни, пустота, карты, вино, женщины, рубль...» [12]; в Казани, которая считалась «интеллектуальной столицей Поволжья», по мнению С.Монастырского: «Умственная жизнь не красна, влияние университета незаметно, профессора совершенно на втором плане... Город живет своею обиходною жизнью, своими желудочными, эротическими и всякими другими интересами, кроме умственных» [13]. Необходимо заметить, что данный путеводитель был напечатан не где-либо, а в самой Казани, так жестко критикуемой автором.

При этом общее развитие края воспринималось оптимистично: пусть настоящее еще далеко от идеала, но будущее, бесспорно, будет прекрасным. Сотни страниц поволжских бедекеров посвящены описанию просыпающегося, развивающегося, ускоряющегося региона, его отдельных городов: «Несмотря на бедствия, Саратов в торговом отношении развивается необыкновенно быстро» [14]; «Астрахань город очень бойкий, жизнь в нем бьет ключом» [15]; «Самара растет быстро, приобретает все большее торговое значение» [16] и т. д.

Осмотр любого города начинался с борта парохода. Населенный пункт воспринимался как органичное продолжение берегового пейзажа, не противопоставлялся ему. При этом авторам первых путеводителей было чрезвычайно важно оценить эстетическую составляющую общего облика: «Нижний Новгород располагается на правом берегу, у слияния Оки и Волги. Он раскинулся живописным амфитеатром... Нижний с Волги представляется живописнейшим из приволжских берегов». «Кострома как бы расселась на невысоком берегу Волги и с реки очень живописна. Утопая в садах, она поражает наблюдателя своим необыкновенным простором». Точка осмотра – борт корабля – задавала формы описания, в которых чрезвычайно часто фигурировали слова: амфитеатр, склон, берег, панорама.

Насладившись общим видом, бедекеры вводили туриста в город, вели от улицы к улице, от памятника к памятнику, задавая плавный темпоритм движения, словно подхватывая неспешный темп волжских круизных пароходов. В сравнении, например, с рваными ритмами уральских бедекеров, волжские демонстрировали степенность и последовательность, отказ от быстрой смены планов.

Характер описания городских достопримечательностей во многом задавался представлениями авторов об уровне запросов аудитории, а представления эти не были лицеприятными. Круизный турист воспринимался как человек, стремящийся к развлечениям, не желающий утруждать себя скучной информацией справочного или – не дай бог – научного содержания. Так, автор «Иллюстрированного спутника по Волге» И. Монастырский писал: «...я должен был приложить старание к тому, чтоб масса исторических и статистических сведений не мешала бы моему «Спутнику» быть интересным и легко читаемым даже теми, кто уже утомился умственными занятиями и явился на Волгу отдохнуть, развлечься. Таких путников здесь большинство; они проявляют интерес к посещаемым ими местностям, но не любят сухих трактатов и объемистых сборников. Эти научные труды производят на пароходного пассажира то же действие, что синий чулок на балу или око кредитора во время товарищеской пирушки» [17].

Путеводитель, идя навстречу туристам-неофитам, не готовым воспринимать ни достопримечательности, ни информацию о них, стремился развлечь своего читателя. Упоминания о памятниках порой тонут в обилии историй, легенд, преданий, связанных с ними. В самом отборе сюжетов видно желание развлечь, поразить: кровавые события чередуются с любовными историями, бушуют роковые страсти, страницы текста заполняются массой странных персонажей. Вот пример одной из таких историй: «Когда начали строить кремль (речь идет о Нижегородском Кремле – И.Р.) и закладывать первую башню, то для благополучного оконча-

ния работ, по тогдашнему поверью, необходимо было на месте воздвигаемой постройки зарыть живое существо, которое первым придет сюда; едва рабочие порешили это, как к ним подошла с ведром и коромыслом одна молоденькая женщина. Рабочие схватили ее и, не взирая на мольбы, зарыли ее живьем в землю, вместе с ведром и коромыслом» [18].

Не менее показательна практика отказа от описания тех региональных реалий, которые, с точки зрения автора, будут скучны и неинтересны читателю: «...мы ограничились лишь сведениями чисто практического характера, отбросив исторический и беллетристический материалы, которыми заполнены обыкновенно путеводители, без особой пользы туристу и лишь с увеличением объема и тяжести книжки»; «Опасаясь нагнать на читателя тоску и уныние, мы предпочтем не распространяться о Казанском университете; там все, как следует по штату и по положению: аудитории, библиотека, лаборатории, музеи...». В своем желании угодить вкусам читателя путеводитель пренебрегал даже выполнением справочной функции, что вряд ли было возможно, например, в немецких изданиях Бедекера, славящихся прежде всего своей дотошной точностью и подробностью подачи информации. Следовательно, подобный отказ можно рассматривать, пусть как крайнее, но от этого не менее наглядное проявление достаточно очевидной тенденции, характерной для первых русских бедекеров – любой ценой увлечь начинающего туриста, не дать ему скучать.

Знакомство с памятниками истории и культуры демонстрировало умение поволжских авторов оперировать рекламными приемами, такими, например, как персонификация имиджа – умение связать представляемый объект с известным историческим персонажем. Причем, волжские бедекеры, как никакие другие региональные тексты демонстрировали стремление выйти за пределы региона, связать судьбу каждого отдельного города с судьбой страны. Региональный пантеон – набор известных личностей, которых регион презентует в качестве своей визитной карточки, – включал прежде всего Петра I, Ивана Грозного, Михаила Романова. О них упоминали даже в тех случаях, когда связь эта не была подтверждена исторически, понимая, что легенда, слух, предание не менее значимы для привлечения туриста, чем исторический факт.

Достаточно часто использовавшиеся словесные клише («уникальный», «единственный в мире», «не имеющий себе равных») соседствовали с не менее популярным в провинции приемом отождествления, сближения местных объектов с широко известными мировыми достопримечательностями. «Русская Швейцария»; «маленькая Италия» и т.д.

В разных городах Поволжья можно было встретить храм Василия Блаженного. В большинстве случаев авторы довольствовались проведением художественных параллелей с московской достопримечательностью: «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле в архитектурном отношении считается лучшей из всех Ярославских церквей старого времени и напоминает собой собор Василия Блаженного в Москве» [19]. Однако были случаи почти курьезные. Так, описания казанского храма Рождества Богородицы сопровождалось пересказом знаменитой легенды: «Ц. Рождества Богородицы своей архитектурой сильно напоминает ц. Василия Блаженного в Москве. Она красного цвета и стоит на огромном пьедестале, поросшем травой... Предание говорит, что строитель этой церкви был ослеплен, дабы не имел возможности построить другую церковь, еще лучше этой» [20]. Сам храм возведен в 1719 г., о чем авторы сообщали читателю. Следовательно, повторить легендарный поступок Ивана Грозного должен был ни кто иной, как Петр I. Ничем не подтвержденная, противоречащая исторической логике легенда, тем не менее, так понравилась, что повторялась почти в неизменном виде во многих поволжских бедекерах.

Раньше других регион осваивал прием, который в современном территориальном маркетинге определяется как «брендинг». Характеристики городов чрезвычайно быстро, уже к началу XX века обрели емкость слоганов: «Волжский красавец», «умственный центр Поволжья», «столица Поволжья» и т.д.

Региональной особенностью предстает демонстрация открытости региона в целом и отдельных его населенных пунктов в частности. Во многих путеводителях рассказ о городе предваряется информацией о расстоянии между ним и Санкт-Петербургом и Москвой, настойчиво подчеркиваются торговые связи мирового и регионального уровней.

Таким образом, регион в глазах своих жителей представал быстро развивающимся, открытым, доступным, лишенным провинциальной замкнутости и отсталости. История Поволжья воспринималась как неотъемлемая и органичная часть общероссийской истории, а историко-культурные достопримечательности, в которых она отражена, – как памятники, не уступающие по своим достоинствам общемировым образцам. Быстро обретенные навыки имиджирования территории и скепсис по отношению к запросам массового туриста органично сочетались с правдивым отображением реальной социально-экономической и культурной ситуации.

Читателю в конструируемом бедекерами пространстве представлялось мало свободы – его передвижения, реакции, темпоритм и характер восприятия достаточно жестко прописывались. Тексты путеводителей становились осознанными ответами на запросы новой аудитории – «массового человека», нуждающегося в упрощенной, редуцированной, облегченной форме подачи информации, в руководстве, в советах, императивах.

Литература

1. Новое время. 1884. № 2991.
2. Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Изд. 1. – Н. Новгород: Лит. Нижегород. губ. правл., 1894. – С. 40.
3. Иллюстрированный путеводитель по Волге. Тверь – Астрахань. – Н. Новгород: Ф.И. Макарьевский, 1907. – С. 16.
4. Вся Волга. – Саратов: Тип. Подземского, 1910. – С. 67.
5. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Белой и Вятке / Изд. И.И. Иванова. Изд. 1. – Саратов: Тип. Н.Д. Тобиас и К, 1895. – С. 77.
6. Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань: Типо-лит. Ключникова, 1884. – С. 356.
7. Путеводитель Волги, Оки и Камы с их притоками. – Н. Новгород, 1914. – С. 4.
8. Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Изд. 1. – Н. Новгород: Лит. Нижегород. губ. правл., 1894. – С. 115.
9. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. – Саратов, 1865. – С. 169.
10. Юшков Н. На пути от Казани до Царицына. – Казань: Губерн. тип., 1877. – С. 10.
11. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. – Саратов, 1865. – С. 212.
12. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Белой и Вятке / Изд. И.И. Иванова. Изд. 6. – Саратов: Тип. Н.Д. Тобиас и К, 1900. – С. 250.
13. Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань: Типо-лит. Ключникова, 1884. – С. 161.
14. Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Изд. 5. – Н. Новгород: тип. губ. правл., 1902. – С. 197.
15. Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань. – Астрахань: Е. Штылько, 1896. – С. 34.
16. Путеводитель Волги, Оки и Камы с их притоками. – Н. Новгород, 1914. – С. 31.
17. Монастырский С.И. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань: Типо-лит. Ключникова, 1884. – С. 19.
18. Путеводитель по Волге на 1897 год. – Казань, 1897. – С. 24.
19. Крылов А. Церковно-археологическое описание г. Ярославля. – Ярославль: Тип. Германа Фалька, 1860. – С. 13.
20. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Белой и Вятке / Изд. И.И. Иванова. Изд. 10. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1895. – С. 25.

Социальная память города: формы запоминания и забвения

/Social memory of city: the forms of memorization
and forgetfulness/



И.Ю. Соломина, кандидат философских наук, доцент
Самарский государственный медицинский университет
Самара, РФ

Рассматриваются методологические проблемы социальной памяти города.

Ключевые слова: городская loci-совокупность Самары, коллективная идентичность, топонимический язык городского сообщества, городская коммеморация, памятник, культурное событие.

I.Y. Solomina, Ph. D., Associate Professor

Samara state medical university, Samara, RF

The article is devoted to the methodological problems of social memory of a city.

Keywords: city loci-aggregate of Samara, collective identity, toponymy language of city association, city kommemoraciya, monument, cultural event.

Для большинства иностранцев Россия и в настоящее время представляет собой terra incognita, мало кто подозревает, что русская культура сосредоточена не только в столицах.

Каждый город вырабатывает в процессе своего историко-культурного развития, свои особые формы культуры, существование которых невозможно сохранение, трансляция и воспроизводство культурного опыта. Как пишет Н.И. Воронина, именно в «текстах культуры закодирована духовность народа, его единство» [1].

Проблема существования социальной памяти появляется в начале XX века, и до сих пор является актуальной. С 80-х годов XX века наблюдается усиление теоретического бума в изучении социальной памяти, который продолжается по настоящее время. Тема социальной памяти давно уже вышла за рамки социальной философии и социологии она достаточно широко представлена в исторических, психологических и культурологических исследованиях.

Современный французский исследователь С. Московичи, критически анализируя теорию коллективных представлений Э. Дюркгейма, разработал теорию социальных представлений [2]. Следуя логике С. Московичи, можно говорить о существовании социальной памяти города, которая является неотъемлемым элементом любого сообщества и его культуры, реализуясь в определенных формах.

В.Б. Устьянцев выделяет в городе ряд форм и социальных институтов, обеспечивающих память города [3]. Во-первых, это социальные институты, включаю-

щие учреждения культуры муниципального и общественного профилей, городские музеи, архивы, банки информации, социально закрепленные стандарты и другие институциональные формы организации, регулирующие пространство городской культуры и его субъектов. Во-вторых, в городской памяти создаются мнемонические программы информационной деятельности, которые определенным образом соотносятся с мнемоническим содержанием устных и письменных текстов-источников. В структуре таких полей функционируют несколько видов текстов: 1) тексты, появившиеся в вербальных коммуникациях и закрепленные в печатных текстах (текст-событие); 2) тексты, созданные в культуре печатной книги (тексты-факты); 3) тексты, реконструированные и систематизированные памятью города и в обновленном виде вовлеченные в социокультурные коммуникации надывидуальной и личной жизни. В условиях развития информационного общества стремительно развивается электронные виды текстов, которые могут проникать в другие ресурсные поля социальной памяти, а могут формировать и действовать в своем культурном пространстве.

Другая концепция социальной памяти города, представлена в статье А.В. Дахина «Город, как место помятования», где он связывает состояние структур социально-исторической памяти сообщества людей с состоянием их самоидентичности и самоощущенности [4]. Город – пишет А.В. Дахин – это совокупность огромного количества «loci», имеющих в распоряжении жителей города, где loci означает здесь «известные места», то есть те, расположение которых члены городского сообщества знают из собственного опыта: знают, где находится такая-то улица, такая-то площадь, такой-то дом, дерево, овраг и т.п. и знают, как они выглядят, то есть имеет место образное представление о месте.

Например, молодежь имеет свою городскую loci-совокупность, в которую входит большое число молодежных клубов, дансингов, других мест для «тусовок». У других категорий городских сообществ имеется совершенно иная городская loci-совокупность. Общегородская loci-совокупность формируется, прежде всего, из фоновых практик, из повседневной бытовой и профессиональной (функциональной) активности жителей сообщества на территории города. Получается, что любой горожанин постоянно идентифицируется через фоновые практики с определенными частями города и постепенно накапливает знания о тех или иных городских территориях. Этим освоенным пространством становится место, где живет человек – район, улица; место, где находится его работа; места отдыха и развлечений. Это части города являются, например, частью коллективного имени «самарец».

По тем или иным причинам значимые пространственные объекты могут предаваться забвению, что нередко наблюдается по отношению к объектам культурного наследия советской эпохи. Подтверждением данной мысли, служит состояние дома фабрики-кухни на улице Ново-Садовой, 149. Здание фабрики-кухни построено в виде серпа и молота в 1932 году по авангардному проекту архитектора Екатерины Максимовой, оно долгие годы использовалось по своему прямому назначению. Вот что пишет об этом издание общественного движения «Архнадзор»: «Несмотря на явную формалистичность композиционного построения в виде серпа и молота в плане, сооружение имело идеальную технологическую схему. Из молота-кухни по трем конвейерам готовая пища доставлялась на раздачу в серп-столовые. Кроме того, в здании имелись спортзал, читальня и

некоторые коммунальные службы. Первоначальный образ был проникнут духом современных технологий, демонстрировал передовые эстетические, инженерные и этические идеи архитектуры советского авангарда. Это одно из первых зданий с бетонными перекрытиями в Поволжье. Смелые консольные конструкции поддерживают широкие полукруглые междуэтажные площадки, что позволило полностью остеклить лестничные блоки. Второй этаж тоже консольно «нависал» над входной зоной. Огромные горизонтальные проемы с узкими простенками, горизонтальными тягами и характерными конструктивистскими переплетами имитировали ленточное остекление» [5].

Еще одной важной составляющей общегородской loci-совокупности является топонимический язык городского сообщества. Топонимический язык городского сообщества удерживает историю топонимов – названий улиц, площадей, районов, отдельных зданий и сооружений и пр., и даже историю названия города. Так, целому ряду российских городов в начале 1990-х гг. были возвращены исторические названия. В их числе была и Самара, которая в советский период называлась Куйбышевым. И в настоящее время продолжается процесс переименования улиц, остановок, площадей.

Согласно Постановлению Администрации городского округа Самара от 18.02.2010 № 162 «О присвоении наименований адресным единицам и переименовании адресных единиц городского округа Самара». В связи с обращениями жителей, общественных организаций и юридических лиц городского округа Самара, в соответствии с заключениями топонимической комиссии городского округа Самара от 02.06.2009 (протокол № 6), было принято постановление:

1. Переименовать площадь Трудовой Славы, примыкающую к муниципальному учреждению культуры городского округа Самара «Музейно-выставочный центр «Самара Космическая», в Октябрьском районе в площадь имени Д.И. Козлова согласно приложению № 1.

2. Переименовать улицу Желябова в Ленинском и Железнодорожном районах в улицу Г.С. Аксакова согласно приложению № 2.

3. Переименовать улицу Ленина в Кировском районе в улицу Александра Невского согласно приложению № 3.

4. Переименовать сквер, расположенный около муниципального учреждения культуры городского округа Самара «Дом культуры «Чайка» в Красноглинском районе, в сквер имени академика Н.Д. Кузнецова согласно приложению № 4.

5. Присвоить скверу № 2 по улице Красноармейской в Ленинском районе имя Героя Советского Союза Сафонова Ф.М. согласно приложению № 5.

6. Переименовать улицу Карбюраторную в Самарском районе в улицу князя Григория Засекина согласно приложению № 6.

7. Переименовать Красноармейскую площадь в Ленинском районе в Ильинскую площадь согласно приложению № 7.

8. Переименовать остановки общественного транспорта, расположенные на пересечении улиц Арцыбушевской и Красноармейской, в остановки общественного транспорта «Ильинская площадь».

Еще одной важной концепцией, социальной памяти города, является концепция городской коммеморации, которая на практике представлена различными памятниками. Этимология понятия «памятник» тесно связана с «памятью» с

различными ее свойствами. В словаре у В. Даля «памятник» истолковывается как разновидность «памяти», или ее часть, имеющее множество значений: во-первых, «памятник – это все, что сделано для облегчения памяти, для того, чтобы помнить или поминать дело, не забыть чего-либо»; во-вторых, памятник – это «сооружение зодчества или ваения в честь и памяти события, лица»; в-третьих, памятник – это «остатки прошлого, устроенное, созданное кем-либо или напоминающее его» [6].

Следует подчеркнуть, что возведение памятника (монумента, мемориала, памятной доски либо знака, а также создание музея либо академического института, написание книги) происходит в том случае, если определенная версия прошлого вольно или невольно признается всем обществом.

Большое значение для смысла памятника имеет пространство, в котором он существует. Это пространство не только обозначает его физическое и материальное состояние, но также определяет важный для культуры и социума смысловой дискурс. Размещение материальных объектов или их образов в пространстве, является исконнейшим средством всякой мнемотехники [7, 8, 9].

В коллективной и культурной мнемотехнике пространство играет ведущую роль. Этому посвящено солидное исследование П. Нора, который вводит понятие «место памяти» (мнемотоп). Очень часто сама местность, где размещается знак (памятник), может быть пространством помнящей культуры. Места памяти необходимы для каждого общества и культуры, потому что у современных обществ есть потребность жить согласно своей истории. В то время как память представляет собой живую, экзистенциальную связь с прошлым, история выступает как простое представление прошлого, поэтому места памяти – это те места, где происходит своего рода объединение социальной памяти и истории. Это «те места, в которых как бы сосредоточилась национальная память. Такие места включают не только места географические (памятники, города, музеи), но также события (фестивали, годовщины, празднования) и книги (словари, учебники истории для школьников или массового читателя, другие тексты)» [10].

Места памяти отличают иконический, индексальный и символический потенциалы. Это означает, что само место памяти является знаком чего-то, стоящего за ним, указывает на некоторое историческое событие, понятие или предмет и символизирует его, становясь его конвенциональным знаком для определенного сообщества. Место памяти является живой структурой социальной памяти, так как смысл, который несет в себе социальная память, постоянно пересматривается и уточняется в свете новых вопросов, возникающих в культуре и обществе. Поэтому памятники, которые устанавливаются в определенных местах, являются завершающим элементом не только ландшафта, но и смысла, который сконцентрирован в памятнике. В Международной хартии, принятой в Венеции в 1964 году, подтверждается «неотделимость памятника от истории, свидетелем которой он является, и от окружающей среды, где он расположен» [11].

Именно благодаря памятникам, социальная память города репрезентирует события прошлого, знаменитых людей города, трудовые практики прошлого и настоящего. Характеризуя памятники Самары, хотелось бы отметить, что в основном они появились в советское время, хотя и в настоящее время пространство города продолжает заполняться разнообразными памятниками, подтверждая мозаичность культурного пространства характерного для настоящего времени, времени постмодерна.

Поднимая вопрос о природе социальной памяти города, невозможно указать на еще один важный теоретический концепт социальной памяти – это культурное событие. Культурно – событийные дискурсы города, формируют на наш взгляд новый аспект развития социальной памяти. Культурное пространство города чрезмерно наполнено событиями, одни события представлены на рекламных афишах, анонсах, другие события поддерживаются традициями, фестивалями и культурой праздника.

Литература

1. Воронина Н.И. Культурный текст Саранска: диалог со временем // Феникс: Ежегодник каф. культурологии. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – С. 17-20.
2. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – С. 9-10.
3. Устьянцев В.Б. Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М., 1999.
4. Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Альманах № 4. – М.: Институт культурного наследия им. Д.С. Лихачева, 2006. – С. 28-39.
5. Самара. Фабрика-кухня. <http://arch-heritage.livejournal.com/436722.html>
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. Т. 3. – Л.: Прогресс, Универ, 1994. – С. 27.
7. Цицерон. Философские трактаты. – М., 1985.
8. Августин Аврелий. Исповедь / Пер. с лат. М.С. Сергеевко; вступ. ст. А. Столярова. – М., 1985.
9. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Мордвинцева Л.П. Идея всемирного пришествия памяти Пьера Нора // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер 3. Философия. – РЖ/РАН ИНИОН. Центр гуманит. научно-информ. исследований. отд. философии. – М., 2003. №3. – С. 160.
11. Венецианская хартия. Международная хартия 1998. Консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест // Реставрация музейных ценностей. № 1. – <http://www.akme.ru>

Образы Самары в живописи «семидесятников» /Images of Samara in the painting «seventies»/



В.А. Чернова, искусствовед, художник, старший научный сотрудник
Самарский художественный музей
Самара, РФ

*V.A. Chernoff, art, artist, senior researcher
Samara Art Museum
Samara, RF*

*Три вяза, три вяза, три вяза.
Печальный иссякший фонтан.
Я словно незримо привязан
К самарским незримым местам...*
Игорь Смирнов

Конец XX века стал для искусства Самары временем городского пейзажа. Начало этим пейзажам положили в 70-е и в 80-е годы художники-графики В. Севастьянов, В. Иванов, С. Щеглов, Н. Панфильцев. Графика так называемого застойного периода полна лирических интонаций, теплоты, задушевности. Графические листы с глубоко прочувствованным постижением природы, камерны, крепко соединены с миром чувств человека того времени. Концепция большинства работ – это концепция неторопливой прогулки горожанина по уютным дворикам и улочкам города, как части человеческого бытия. Идея архитектуры в пейзажах Самары второй половины XX века воплощает гармоничное сосуществование человека в городе.

В конце XX века и начале XXI века, на рубеже веков, городской пейзаж оказался наиболее чутким к переменам времени и воздействию этого времени на человека. Именно в 1990-2010-е годы наступило возрождение жанра городского пейзажа в живописи. Самара, возникла как основная тема, как улицы, здания, как неповторимая печаль живущих ярко, стремительно, и стареющих внезапно домов, деревьев и людей в этом старом городе.

Неброские пейзажи, рожденные в тесноте маленьких квартир, на стенах выставочных залов и частных галерей возникли, словно ниоткуда и выстроились длинной лентой, обретая в экспозициях подлинную монументальность фриза, растянувшегося вдоль трамвайной линии.

Сама идея архитектуры приобрела в пейзажах Самары теперь прямо противоположные значения. Эта среда стала городом-оборотнем, городом развалин, каменным кладбищем, дышащим равнодушием к человеку, все более одинокому в городской среде.

Именно в эти годы архитектурная среда Самары дала новый, сочный и сильный побег – художника Наталью Хахалину (1953 г.р.). В сложные 90-е годы она открыла

эстетику простых крупных форм зданий Самары, наполнила тяжеловесной плотностью колорита, цветовыми острыми контрастами. Ее Самара ломает все привычные представления, новизной кубообразных элементов – незначительных домиков, утопающих в грязи задворков. Какая в этих пейзажах грустная перекличка стен и брошенных на стильную землю, похожих на гробы, страшных в своей брутальной силе бетонных блоков.

Другое имя – Александр Уханов (1953 г.р.). Его произведения открылись на выставке «Трамвай воспоминаний». Основная тема – пейзажи старой Самары.

Городские пейзажи в живописном решении Александра Уханова чаще порывисты и «горячи». Качество красочного слоя таково, что сама пастозная масса на поверхности холста с шершавой фактурой, наделяет тактильной обособленностью холст, этот прием вносит в привычные мотивы беспокойство и нервозность. Гармонии Уханова строятся на диссонансах, на резком аритмичном пульсе цветовых пятен, на неожиданных всполохах цвета.

Еще раньше, на персональной выставке в Самарском художественном музее некоторые картины Александра Уханова несли в себе элементы этюдности, списывания с натуры, эскизности, композиционной непродуманности. Сейчас все по-другому.

Вначале художник ищет на листке бумаги композицию, все элементы пространства, собирая и завязывая в тугий неразделимый узел. Потом живописует. Получаются не Портреты города, а Образы города – тщательно выверенные полотна, но написанные одним махом, а-ля прима, в один-два сеанса. Мазок лепит форму, это корпусная, пастозная живопись. А свободное владение мастихином, в соединении с манерой наложения красочного слоя, частично вперемежку, частично слоями, творит эффект «северного сияния». Все средства выразительности помогают создать обаятельные образы, которые нельзя не полюбить. «Жигули», «Заволжье». Город у Александра Уханова всегда в поле восприятия его художественного чувства.

На полотнах Александра Уханова старый город потрясает крепкой динамикой бытия. И это странно завораживает. Ведь пейзажные сюжеты этого мастера лишены кипения жизни, на пустынных дорогах сидят одни собаки, да путники. Но сама живописная аранжировка объектов города такова, что стены зданий мерцают, вибрируют красочными выплесками людской энергии. Невероятные страсти жильцов буквально пружинят доски, прогибают балки, вспучивают крыши, заставляют наклоняться в стороны.

«Не падай!» – как окрик, как всхлип, как команда солдату, уставшему на марше, мечтающему забыться во сне. Название работы уже определяет позицию автора по отношению к своим героям. Они все одушевленные, живые. «Двойняшки», «Разговор» (Разговор о жизни двух домов), «Сарафановые дома», «Тюльпановые дома», «Осенние дома». Все они любовно освещены яркими закатами и рассветами.

В современном городском пейзаже сложилась странная ситуация. Успешные художники не запечатлевают улочки, дома, которые разрушаются, сжигаются, которые невозможно спасти от сноса и «новой» архитектуры (вид погибшего дома – зрелище не для слабонервных). Таков закон природы – любить живущих. Пока еще живые, морщинистые лица домов нашего любимого города, потому-то так хороши.

Большая часть пейзажей художников-семидесятников пустынно, безлюдны. В русском искусстве эта черта появилась впервые у мироискусников. Также как и мироискусники любили Петербург, самарские художники любят Самару, как живой

город – его здания, его площади, парки, в которых можно ощутить дыхание других эпох. Полотна этих мастеров утверждают, что город имеет свою душу. Но у Хахлиной «безлюдность» как художественный прием, усиливает ноту одиночества и безысходности, и напоминает о строках А. Блока: «Заборы – как гроба, в канавах прееет гниль, все, все погребено в безлюдье окаянном»...

Александра Тумпурова (1954 г.р.) причисляют к пензенской художественной школе. Работает он преимущественно в жанре пейзажа, утверждая силу русского пленэра. Живее и полнозвучное соединение человека и городской среды, самарца и Самары – присуще этому мастеру.

Он соединяет людей, и их суету с природой, растворяя их в ней, сделав их частью стихии, живущей общей жизнью со стаями птиц, с собаками и кошками, вместе с ветром, солнцем и снегом. Пространство города, свет, люди. Воздух, деревья, земля – все одно и то же, все единое...

В восторженном пантеизме Тумпурова много интереса к сюжету, к реальному житейскому эпизоду, постепенно он переходит от любования мгновеньем, к пейзажу – картине. Живя в частном секторе Самары, и приезжая в старый город он запечатлевает особый колорит Самары. С удовольствием пишет веселое кипенье городской суеты: газельки, легковушки, люди, собаки, резкие тени, блики, солнце, сугробы, облака, стаи птиц.

Событием художественной жизни города является возникновение художника Николая Шишина (1955). Новое имя на живописной карте Самары.

Николай Шишин родился в Самаре, взрастал на окраинах Безымянки, ловил на себе живые взгляды подслеповатых окошек ее небольших пятиэтажек. Азы профессионального образования он получал также в Самаре, в художественной школе.

Толстые подрамники с ровно набитыми уголками из бережно ошкуренного бруса, аккуратно срезанный и укрепленный холст, – все не заказное, любовно сделанное своими руками. Старательность и тщательность выдают художника-непрофессионала.

О своих предшественниках Николай Шишин написал так: «Я иду за другими художниками, живописующими Самару, Севастьяновым, Ухановым, Тумпуровым и другими. Иногда выбираю неосознанно те же места, которые они писали». В самых первых работах трудно угадать человека с нежным сердцем, но в них уже есть чувство мечтательности. У Шишина, одиночество, грусть и нежность к незабываемому архитектурному облику провинции. Его манит к себе среда, созданная человеком.

Свои мысли художник озвучивает.

1. Что является важным для художника? Н. Шишин считает, необходимо, чтобы сама жизнь и природа восхищали художника и стимулировали его творчество. И потому, узкий столб высокого здания у Николая Шишина — «Красный рондель».

2. «Необходимо воспитывать в себе особое видение Самары. Он так точно и скрупулезно воспроизводит ее уголки, что можно получить топографический атлас, если составить работы последовательно. Самара хороша зимняя, с грязными сугробами, кучами снега на газонах, с заснеженными крышами домиков, сарайчиков («Старое здание на углу Арцыбушевской», 1999 г.). В картине «Солнечное утро» 2000 г. запечатлены трогательные подвалы и подворотни, обветшавшие, трухлявые, но необыкновенно теплые от солнечных бликов на выцветшей штукатурке. Внимательный глаз художника не пропустил сосульки, словно ожерелья, повисшие на одеяниях домов. Несомненно, они для него, словно живые существа, Живопись Николая

Шишина неяркая. Красочный слой, вязкий, плотный, непрозрачный, нет свечения изнутри, от грунта, нет легких жидких лессировок. Цвета не локальные, а слегка погашенные, припудренные пылью дорог или городского смога. Разноцветную штукатурку всегда пишет с добавлением серого или коричневого тона. Отсюда интересный эффект — все увидено будто через старое стекло.

3. У Н. Шишина – любовь к конструированию замкнутого пространства. Почти всегда в центре картины – дорога, улочка, тропинка во двор. Дома с двух сторон, будто кулисы, открывают среднюю часть, когда взгляд послушно направляется по тропинке, то впереди открывается некий тупичок с забором или стеной. Так вот обнаруживается, что главный герой всех композиций – городской дворик.

Почти несущественная деталь – в большинстве запечатленных на холсте домов окна чернеют пустыми глазницами. Там никого не ждут. Эта деталь усиливает печальную интонацию в звучании городского пейзажа. В композициях все люди – стаффажи, как правило старики и дети. Порой они сиротливо одиноки в маленьких тихих двориках. симпатичного домика с голубыми наличниками.

4. Николай Шишин считает, что художнику необходимо сохранить в себе способность удивляться миру, природе. Важно быть наивным, словно дитя.

Невольно вспомнилась замечательная сказка Г.Х. Андерсена «Старый дом». Одному маленькому мальчику старый дом нравился гораздо больше всех остальных домов. Разглядывая его стены с отвалившейся местами штукатуркой, мальчик представлял себе самые невероятные картины прошлого.

Однажды мальчик пришел в старый дом спросить старика про одиночество.

– А правда, что в старом доме одиноко? – спросил он.

– Ну, меня навещают старые воспоминания и приводят с собой, кого могут, – сказал старик.

Так как-то представилось, что Николай Шишин словно сказочный герой Андерсена бродит по улицам старого города и слушает замечательные воспоминания, рассказанные старыми домами.

Особо хотелось бы обратить внимание на творчество художников-дилетантов. В живописи Г.А. Лемковой (1955 г.р.) предстает иной Старый город. Она, гуляет по Городу, любит его им и любовно запечатлевает на фотографиях обаятельную улыбку его дворов. Будучи историком искусства, она настойчиво разыскивает в Самаре архитектурные мотивы, ассоциирующиеся с произведениями М. Утрилло, К.Писсаро – мастеров европейского городского пейзажа, и как бы пытается пересадить стилистику мэтров живописи на самарскую почву.

Галина Лемкова в городском пейзаже слагает провинциальный романс. Ее Город предстает в сочетании теплых и благородных серебристых оттенков ветхих построек рядом с покрашенными всеми цветами радуги домиков. Облупившаяся штукатурка, кирпич и камень, разновеликие линейные и пластические ритмы, созданные случайными сочетаниями покосившихся деревянных избушек, рядом с каменными особняками прошлого века, – все это великолепие ее восхищает. А внутренние дворики! Каждый – свой обособленный микромир, обжитое пространство, отгороженное от внешнего мира, возбуждающее стремление заглянуть сквозь приоткрытую калитку. Дряхлая городская история безмолвно теснится, превращается в тающие островки среди наступающих новостроек, вместе с ними уходит и неповторимое обаяние Города.

Мотивы Города у Лемковой Галины – типичные образы центральных кварталов города, где соединились архитектурные стили разных эпох. Тут причудливо переме-

шались черты старого и нового. Запечатлены грустные ночные закоулки, мрачные подвалы. Сумерки накладывают гротескно- мистический отпечаток на эти трущобы.

Ее любительские пейзажи написаны не с натуры, но характерны и узнаваемы. Удалось передать самарское разномастье и аромат ушедшего времени... Автор пытается на полотне отобразить покой и тишину мягкими цветовыми тонами, слившись в тонкие красочные созвучия. Город в работах Лемковой не блещет красотой, в пейзажах наблюдается провинциальная корявость, но в ней замешана чистосердечная женская тоска по красоте.

В наши дни жажда сносить и учреждать новое совершенно закономерна. В последние годы строительство нового пространства ведется достаточно жестко, бескомпромиссно. Новые дома, новые магазины, новые монстры отличает респектабельность, блеск и равнодушие к прошлому. Сколько шедевров, памятников старинной архитектуры сегодня сожжено, разрушено. Пейзаж старой Самары. Пейзаж новой Самары. Этот извечный спор поколений, пожалуй, отличается тем, что в Новой Самаре нет молодого задора, душевности, а большие кубообразные вертикали лишены архитектурной одухотворенности, композиционной выразительности. Грустно признавать, но это факт. Как только стала исчезать старая Самара в нашей реальности, тут же она возникла в жанре городского пейзажа.

Образ Самары возникает также и в современной поэзии, в следующих строках поэта Евгения Бабушкина:

*Струится плавно и воркотно
Тягучим золотом река,
Ногам прохладно и щекотно
От перемытого песка.
Над отраженным Вавилоном,
Как над Стамбулом, – синий смог.
Бегут по вызеленным склонам
Плешинки выжженных дорог...
То куполок, то шпиль звездится,
Как указатель в небеса.
Кому-то велено родиться.
Кому-то были голоса.
Июль. Жара. Самара. Волга.
Пивной летает ветерок.
И долго, долго – долго – долго
Твердится заданный урок.
На солнце выцвела открытка,
Пейзаж размазан и безлик.
Бомж, академик, кришнаитка,
Младенец, девочка, старик.
Но нет ни города, ни мира.
Так, не ругая суету,
Глянь, помолись и следуй мимо –
За грань, за линию, черту...*

Город молодежи и время молодежи в городе

«Модерн», «пиво», «футбол» и «космос». Имиджевые проекты молодежи. Креативные группы и идентификация /«Modern», «beer», «football» and «space». Image projects the youth. Creative group and identification/

*Предлагается обзор имиджевых проектов студентов самарских вузов, подготовленных под руководством **Е.Я. Бурлиной, Ю.А. Кузовенковой, Н.В. Ковалюнас, И.Ю. Соломиной**. Внимание студентов к образам своего города рассматривается как одно из доказательств успешной мотивации молодых специалистов.*

This article provides an overview of student image projects of Samara universities. Drawing attention to youth projects considered by us as one of means contributing to the successful socialization of young professionals.

Если проанализировать тематику студенческих работ в вузах Самары за последние пять лет, то оказывается, что в разы увеличилось количество проектов, связанных с преобразованием образа родного города и региона (сайты, семинары, дипломы, статьи, идеи). В молодежной среде нарастает интерес к продвижению своего города и региона. Молодые люди хотят доказать, что в родном городе можно жить и творить. Это – важная и позитивная тенденция, которую было бы обидно потерять или пропустить.

Появившийся несколько лет назад проект «Самарские стратегии» [2] призван объединить усилия общественности и власти по выработке новых эффективных стратегий развития региона. Новостная строка на его сайте почти ежедневно пополняется новыми идеями студентов и молодых преподавателей. Для более активного вовлечения молодежи в эту проектную деятельность ссылки на сайт расположены на страницах вузов в интернете, например на сайте СГАУ.

Молодежные проекты Самарского архитектурно-строительного университета, выполненные за последние пять лет и привязанные к конкретным точкам Самары, получили высокие оценки на престижных международных конкурсах. Они разрабатывались под руководством профессора В.Г. Каркаряна, профессора С.А. Малахова, доцента Е.А. Репиной, профессора Т.В. Караковой и других. Стимулом к созданию многих работ, по мнению руководителей, была растущая на глазах потребность к человеческому обживанию своего города [2].

Даже в Самарском государственном медицинском университете, далеком от образного планирования города, будущие врачи по собственной инициативе готовят проекты новых памятников Самары, предлагают включить в вузовские сайты информацию о городе. Будущие врачи и звезды студенческого научного общества выступают с имиджевыми проектами.

Так, аспирант кафедры хирургии А.С. Воронин по собственной инициативе работает над проектом «Волжская Швейцария». Идея его проекта состоит в том, чтобы сделать притягательными волжские места, в прошлом знаменитые благодаря именам Строгановых, Меньшиковых, Орловых, а в наши дни – элитному санаторию «Волжский Утес». Другие молодые врачи фантазируют о преображении другой волжской жемчужины – Гавриловой Поляны.

Под руководством кандидата философских наук Л.Г. Иливицкой и кандидата культурологии Ю.А. Кузовенковой выросло несколько оригинальных работ, подготовленных студентами Самарского государственного медицинского университета.

Так, студентка лечебного факультета Р. Гинятуллина положила в основу своего имиджевого проекта идею памятников и пластических композиций медицинского направления.

Студентка медико-профилактического факультета Ю. Панова (руководитель Ю.А. Кузовенкова), анализируя университетские сайты вузов Европы и России, обратила внимание на отсутствие информации о городе на сайтах российских вузов. Европейскими вузами в этом направлении был накоплен обширный положительный опыт, что может стать полезным и для России. В планах – следующий этап этой студенческой научной работы: создание проекта раздела сайта СамГМУ, посвященного городу и ориентированного на студенческую аудиторию, с рассказом об истории города и современной культурной жизни.

Студентов-медиков интересуют не только виртуальные реалии настоящего, но и культурное наследие прошлого: студентками медико-профилактического факультета Л. Ждановой и К. Минеевой (руководитель – Ю.А. Кузовенкова) был представлен проект, посвященный историческим корням медицинской сферы Самары, в которых студенты видят имиджевый потенциал для современного продвижения города как туристического центра.

В Самарском государственном университете на историческом и филологическом факультетах традиционно велись исследования самарского края: назовем таких специалистов, как профессор Л.В. Храмков, профессор П.С. Кабытов, профессор С.А. Голубков и другие. На пороге 2000-х стало очевидно, что научные достижения краеведения можно повернуть еще и в сторону имиджевых проектов. Стремительно растущее «самароведение» вписалось в стратегии имиджа и брендинга регионов. Это вызвало активный отклик молодежи и стало основанием для новых, востребованных специальностей: менеджер в сфере культуры и др. На кафедре теории и истории культуры Самарского государственного университета (заведующий кафедрой – профессор В.Я. Мачнев) было подготовлено множество ярких менеджерских проектов, связанных с проблематикой «Город и имидж».

Приведем в пример креативный проект «Музей Волги», подготовленный в 2011 г. Р.В. Хайруллиной и детально проработанный под руководством кандидата философских наук И.Ю. Соломиной. Поразителен обзор, положенный в основу работы: морской музей в Барселоне; музей реки Сумида в Японии (Сумида – река, протекающая в Токио); музей реки, расположенный на территории в 15 га у берега реки Мистик (Коннектикут); музей воды в Киеве – один из новейших и популярнейших музеев, который находится в самом центре столицы Украины; мультимедийный комплекс «Подземный мир Санкт-Петербурга», где теме воды отводится большое место; калининградский музей «Мировой океан».

Описав прецеденты, авторы предлагают разместить «Музей Волги» в «доме со слонами», он же дача Константина Головкина, располагающаяся в Самаре по адресу: улица Советской Армии, 296; разработана концепция и экспозиция музея.

Еще примеры, заслуживающие внимания. Изучая опыт брендинга западноевропейских городов, культурологи обратили внимания на альтернативные направления, «стягивающие» в городском имидже разные направления социальной коммуникации, экономики и стратегий развития. Например: Дюссельдорф – город

моды, Мессы (интернациональной выставки) и Генриха Гейне; Дортмунд – сталь, пиво и памятники культуры; Эссен – город будущего и памяти об индустриальной культуре; Кёльн – колокола, карнавал и «кёльнише вассер».

Так родилась группа молодежных проектов, выполненных под руководством профессора Е.Я. Бурлиной. В 2006 г. параллельно были сделаны три проекта: Юлия Кузовенкова – «Дом модерн»; Виктор Петровский – «Футбол»; Марина Белова – «Меценатство пивных королей Самары». Жемчужина самарского модерна, дом Курлиной, смотрит на Волгу-вольницу, а потому komponуется с тем, что здесь так любили и любят – пивом и футболом. Через три года Юлия Кузовенкова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Город в идеальном измерении: от образа к имиджу». Итогом работы стали не только важные теоретические разработки, но и систематизация исторического образа Самары – три ее лика: Самара дореволюционная и купеческая; советский индустриальный Куйбышев; постсоветские поиски мирового города на Волге. Молодые ученые работают с искренней любовью к Самаре и знанием современных маркетинговых методик. Объединение «дома модерн», «пива» и «футбола» в один имиджевый блок дорогого стоит.

Речь идет об инновационных идеях и проработках молодых ученых, которые полны искреннего желания сделать свой город привлекательным и заметным на российском и мировом подиуме.

Можно приводить в пример множество креативных идей, которые ждут своих меценатов: «Дома космоса» для молодежи Самары разработала М. Аксененко, которая в настоящее время работает в Москве, в музее космонавтики. «Что открывает «Золотой ключик?» Светланы Гришиной – не только архетипы разных городов в знаменитой сказке А.Н. Толстого, но продвижение Самары в ряду с Петербургом, Берлином или Прагой.

Молодые проектанты находят самые, казалось бы, неожиданные поводы для продвижения Самары. Так, Юлия Пустовойтова, будущий менеджер культуры, опираясь на продюсерский центр «Марлен» (директор А.В. Прокаев), написала работу о влиянии Марлен Дитрих на диалог культур в XX веке. Преклонение мировой звезды перед русскими художниками И. Стравинским, К. Паустовским живет до сих пор, оно повлияло на восприятие выставки «За что я все помню» в современной Самаре.

Не этот ли взрыв оригинальных молодежных идей, связанных с образами волжского города, выражают строки Андрея Вознесенского, записанные профессором В.А. Виттихом: «Как омар из салата, расцветает Самара»?..

Литература

1. Самарские стратегии. URL: <http://www.samara2025.ru/>.
2. Премии // Самарский государственный архитектурно-строительный университет. URL: <http://www.sgasu.smr.ru/Institutes/AF/Archi/Prize.aspx>.

Структура времени студентов в городе

/The structure of the time students/

Данный обзор основан на результатах опроса студентов Самарского государственного медицинского университета по вопросам тайм-менеджмента. Полученные данные показывают процентное соотношение времени, которое студенты тратят на те или иные виды деятельности. Также студентам было предложено провести сравнение организации времени российского и немецкого студента.

Ключевые слова: время, тайм-менеджмент, студент.

The review is constructed on interviews of students Samara State Medical University deal with time management issue. The collected data show the percentage of time that students spend on various activities. Also, students were asked to compare time organization of Russian and German students.

Keywords: time, time management, student.

«Место, занятое нами во Времени, не только ощущается всеми, но даже самые простые люди способны определить его на глаз».

*Марсель Пруст. Собрание сочинений. Том 4.
Содом и Гоморра. 1999, с. 327*

Студент в зеркале времени выглядит полностью подчиненным аудиторным занятиям. Половину (50 %) недельного бюджета времени он тратит на пребывание в аудитории, запись лекций и семинарских занятий. Примерно десять процентов (10%) недельного бюджета уходят на домашнюю подготовку по учебникам или записям, сделанным в аудитории.

Студенты редко пользуются библиотекой. Мало кто читает дополнительную литературу по специальности. Все пользуются Интернетом для подготовки к занятиям и для общения. Интернет берет примерно четверть (15 %) недельного бюджета.

Жизнь в большом городе требует перемещений, много времени уходит на транспорт: в среднем 15 %. Имеется в виду, что студенты-медики тратят особенно много времени на дорогу, поскольку в течение дня занимаются в разных корпусах. Подчиниться такому графику не просто: студент должен уметь быстро проехать нужное расстояние, успеть раздеться, надеть халат. Как ни парадоксально, сложности, связанные с дорогой и перемещением, являются тренингом, который, по мнению студентов, учит тайм-менеджменту.

Только 10 % времени студент может потратить на дополнительные учебные или коммуникативные интересы, включая занятия спортом, посещения театров или кино, а также на бытовые вопросы. Даже живя дома с родителями, студенты должны заниматься хотя бы раз в неделю уборкой по дому, покупками продуктов и другими вопросами обеспечения жизнедеятельности.

Обсуждая на студенческом научном кружке по философии данный типовой бюджет времени, многие приходят к выводу, что жесткие временные рамки, заданные учебным расписанием, не формируют самостоятельности студента и будущего врача.

Большой город Самара дает возможности для реализации планов. Это также показывают проведенные опросы. Студенты считают, что в Самаре они найдут для себя интересную профессиональную работу.

В то же время современные студенты сравнивают свои проекты будущего с проектами своих потенциальных коллег в аналогичных университетах Москвы или Дюссельдорфа.

Самарским представляется, что Москва дает несравненно больше выбора рабочих мест, практики и прохождения специализации. По их мнению, Москва также предоставляет огромные коммуникативные возможности: участия в дискуссиях, клубах, посещения уникальных концертов с участием знаменитых групп.

Что касается их сверстников в других странах, в частности в Германии, где многие бывали на практике, то оценка самарских студентов неоднозначна. По их мнению, условия для учебы у немецких студентов совершенно изумительные. С первого дня учебы, например, на стоматологическом факультете студент имеет ежедневную практику в клинике. Подразумевается также уровень клиник и интернет-центров, обеспеченность литературой, высокий уровень питания в студенческих столовых, а также льготы для занятий спортом или искусством. В то же время, окончив университет и получив отличную специализацию, молодой врач должен выехать из удобного общежития и сам искать себе место для интернатуры или ординатуры, а потом и место работы. Необходимость постоянно переезжать, проявлять инициативу и надеяться на случай в поиске работы является, по мнению самарских студентов, тяжелым испытанием.

Большинство студентов стоит за то, чтобы учиться тайм-менеджменту, а с другой стороны, иметь больше самостоятельности и мобильности.

Проекция будущего: студент в городе. Интервью самарских студентов по теме «Время студента в городе» было систематизировано по шести основным пунктам:

- оценка своего прошлого;
- оценка своего настоящего;
- прогнозы на будущее;
- проблемы в тайм-менеджменте;
- взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего;
- темп жизни.

Оценка своего прошлого у студентов неоднородна: от положительных оценок до отрицательных, от признания необходимости помнить о нем до отказа от него. Так, например, Анастасия отвечает: «Мои 10 лет жизни, на мой взгляд, были достаточно успешными и интересными благодаря моим родителям и семье. Я всю жизнь занималась спортом, большую часть своей жизни я посвятила акробатическому рок-н-роллу, всегда старалась хорошо учиться, окончила школу с золотой медалью, и мое поступление в СамГМУ было логическим завершением этого этапа моей жизни, к которому я готовилась на протяжении двух последних лет обучения в школе».

Алена придает большую значимость этому этапу своей жизни: «Я ценю свой прошлый опыт, всегда учусь на ошибках, не забываю не только историю своей жизни, но и историю государства. Я считаю, что нужно учиться на ошибках прошлого и на его основе трактовать свои ошибки. Считаю, что это очень умно – возвращаться к прошлому».

Мария считает, что прошлое ценно, только если оно дает урок для настоящего: «Я считаю, что прошлое – прошло, за него нельзя держаться, к нему можно обращаться за опытом, но не более... Прошлым жить нельзя».

Трагические события в жизни некоторых студентов не позволяют дать положительную оценку этому периоду (у Николая – смерть родителей несколько лет назад, у Валерия – самоубийство друга в 16 лет).

Продуктивность жизни в **настоящий момент** также оценивается по-разному. У Анастасии наблюдается стремление максимально использовать свое настоящее: «Я стараюсь работать над собой, я достаточно хорошо учусь», максимум свободного времени, остающегося после учебы, тратится на то, что «быть интересным, всесторонне развитым и вменяемым в современном обществе человеком: вычитать какой-то хоть минимальный объем книг, журналов, посмотреть достаточное количество новостных выпусков, сходить в театр, в кино».

Мария считает данный этап своей жизни ключевым: «Я считаю, что у меня сейчас самый главный жизненный этап» и оценивает его позитивно: «Того, что есть у меня сейчас, для меня пока достаточно».

Алена и Мария делают акцент на жизнь в отрезке сегодняшнего дня: «Я стараюсь жить настоящим» (Мария), «Я хочу сделать сейчас все четко. Я хочу жить сегодняшним днем, а не думать о завтрашнем. Нужно сейчас все планировать и делать все хорошо» (Алена).

Николай и Валерий констатируют расхождение между тем, что считается должным, и тем, что есть на практике. Так, Николай отмечает: «Я стараюсь использовать время более эффективно, но не получается... все время стараюсь заниматься важными делами, но получается – неважными», но это не мешает ему дать положительную оценку своему настоящему: «Как вы оцениваете свое настоящее?» – «Неплохо. Я стараюсь разносторонне развиваться. Учусь, хожу на танцы, в бассейн». У Валерия также присутствует расхождение между представлениями о должном и наличной ситуацией. На вопрос, ценит ли он время, Валерий отвечает: «Да, безумно. Сейчас я стараюсь жить в формате одного дня, то есть использовать свой день по максимуму. Проводить время для себя, как ты захочешь, конечно же, не ущемляя интересы других... Я живу, стараюсь сделать все, ведь жизнь когда-нибудь закончится, и нужно многое успеть. Это, конечно, глобальные фразы, но мне так кажется». В то же время он отмечает, что время используется им неэффективно: «Я понимаю, что часто делаю что-то впустую, и время уходит непонятно куда... Я много гуляю по городу просто бесцельно. Обычно я сажусь на какой-нибудь автобус и еду до конечной остановки... даже неизвестно, какой это автобус, что за остановка. Интересно узнавать новые места. Обратно добираюсь по другому маршруту. Мне это безумно нравится».

Нестандартный способ организации времени выбран Вероникой. Его можно охарактеризовать как «отставать и догонять»: «Я уже поняла, что это, наверно, нормально, что это и есть студенческая жизнь: сначала «гонять лафу», а потом сдавать сессию. Это нормально, и ничего уже не хочу менять».

Но взгляды студентов на будущее совпадают. Используются экспрессивные, положительно окрашенные определения: яркое, интересное, счастливое, насыщенное, перспективное, радостное, познавательное, безбедное. Встречается лишь одно относительно негативное определение: «где-то трудное» (Николай). Свои лучшие моменты в жизни студенты связывают именно с будущим.

Мария: «Будущее – это... скажем так, наилучший способ реализации самой себя в этой жизни. Я должна сделать все так, чтобы моя жизнь была максимально комфортной для меня и для моих близких. На самом деле это трудно сформулировать... Мысли есть, а сказать трудно. Это вообще то, какой я вижу себя в идеале». На высокий уровень уве-

ренности в своем будущем, на исключительно положительную его оценку («Обильное, надежное, интересное, счастливое, полезное») не оказывают влияния представления о низком уровне стабильности жизни в стране: «Я считаю, что она есть, но она ниже, чем в других странах. По каким-то своим причинам». На положительную оценку будущего не влияют предполагаемые трудности: «Свое будущее я вижу таким же тяжелым, муторным, постоянно в бегах, все успевать делать. Отдыхать некогда. Вот. Такая активная жизнь. Но мне она нравится. И я все-таки считаю, что лет через десять у меня будет хорошая должность, успешная жизнь, состоятельная» (Виталий).

Дополняется это низкой оценкой условий для самореализации, существующих в городе: «Я считаю, что у нас будет довольно сложно без каких-либо дополнительных средств что-то организовывать, особенно что-то свое».

Вероника и во взглядах на будущее остается верна своему принципу «отставать и догонять»: «Учиться, я думаю, я буду в таком же режиме, то есть много прогуливать. Потом все отрабатывать. Меня это абсолютно нисколько не напрягает. То есть я думаю, что у меня мало изменится что-то в моей жизни, единственно, что я, может быть, начну работать».

Почти все студенты отмечают наличие **проблем** в своем **тайм-менеджменте**, но по-разному к ним относятся. Наиболее успешными в тайм-менеджменте представляют себя Алена и Виталий. Алена занимается ежедневным планированием своей жизни начиная с 11-го класса: «В основном если что-то не происходит по плану, то чаще всего не из-за изменения моего личного графика, а из-за второго лица. В основном все, что я планирую, я всегда выполняю. Я делаю план, чтобы везде все успеть. Я постоянно в него заглядываю, может быть, какие-нибудь напоминания в телефоне напишу, чтобы поздравить человека или что-нибудь еще». Утверждает, что такой образец поведения заимствовала от мамы: «Я думаю, это все идет от мамы. Потому что мама всегда с блокнотом. Я думаю, что от нее наследовала эту черту характера».

Анастасия всегда выполняет главные дела, и выпасть могут только незначительные: «Мне кажется, даже у человека профессионального в тайм-менеджменте может что-то не получаться. А в мои 18 можно что-то и не успеть». Считает, что своей организованностью обязана примеру семьи: «Я думаю, все хорошее, что во мне есть, – целеустремленность, трудолюбие, ответственность – дали мне мой отец и мой брат...».

Мария крайне отрицательно относится к данной проблеме: «Иногда даже распланировать бывает тяжело. Я знаю, что завтра нужно делать вот это и это, но иногда так получается, что делать не успеваю. И это начинает сильно раздражать. Приходится либо делать это поздно ночью, либо откладывать. Просто разрываюсь». Главной проблемой, мешающей эффективному тайм-менеджменту, она считает лень: «Нужно сейчас приложить усилия. Убрать эту лень, убрать всю эту шелуху и бороться с собой». Интервьюер: «Вы боретесь со своей ленью?» Мария: «Да, это ужасный порок, который мне мешает жить. Иногда на лекции хочется вздремнуть, потому что тепло, хорошо и так медленно читают...»

Николай не может точно сформулировать причины своих проблем в управлении временем, выделяя лишь одну – пробки на дорогах: «Надо все успеть – туда, туда, пробки еще».

Валерий свою проблему в тайм-менеджменте описывает так: «У меня проблема в том, что я не планирую день. Как получается, так получается. У меня планы не получаются. Когда я планирую, то получается наоборот». С его точки зрения, проблема нерационального использования времени заключается в следующем: «Отсутствие цели, может быть. Даже не цели, а скорее, стремления к этой цели».

Как можно заметить, наличие проблем в тайм-менеджменте не мешает студентам положительно оценивать эффективность использования своего настоящего и уверенно смотреть в будущее.

Но существует и совершенно противоположный взгляд на проблему, согласно которому спонтанность более приемлема, нежели четкое планирование: «Надо строить планы примерно, то есть чтобы, грубо говоря, не сходить с правильной дорожки. Двигаться в направлении. Но тем не менее не следовать четким инструкциям. Есть люди, у которых есть распорядок дня. Для меня это нечто непонятное... Раньше у меня было так: я еду туда-то, потом туда-то, потом мне надо сделать то-то, то-то и то-то... Я, может, что-то не успевала, но как бы придерживалась плана. А тут... я за час до встречи с человеком еще не знаю, встречу я с ним или нет. То есть абсолютно ничего непонятно, и мне это нравится» (Вероника).

С точки зрения Дмитрия, рациональное планирование дня на жизнь в целом не влияет: «Рационально продумывать, мне кажется, нужно... День продумывать. А продумывать жизнь?.. Все равно не будет так, как ты решил. То есть обязательно будут какие-то отклонения. Нужно наметить какие-то вехи для себя: где ты хочешь быть, кем ты хочешь быть и каким ты хочешь быть. И в дальнейшем, если ты видишь, что вот эта дорога, которая перед тобой открывается, может привести к этому, то ей надо воспользоваться вне зависимости от того, приведет ли она тебя к тому, что ты хочешь, или нет. Потому что поменять путь всегда, в принципе, можно. Не кардинально, но определенные отклонения в нужную сторону всегда можно сделать. И помогает, наверное, в этом все-таки больше интуиция, нежели рациональное мышление».

Наблюдается осознание того факта, что **прошлое, настоящее и будущее взаимосвязаны**. Достижения одного периода базируются на достижениях предыдущего. Так, Николай отмечает, что таким своим положительным качеством, как ответственность, он обязан своему кадетскому прошлому (жизнь в кадетском корпусе проходила в отрыве от семьи): «Я сначала не хотел там быть, но потом стал взрослым, ответственным. Сейчас в Самаре мне легче жить одному после кадетского корпуса».

Наблюдается стремление выстроить свою сегодняшнюю жизнь так, чтобы она обеспечила успешное профессиональное и личное будущее, то есть содержание настоящего определяется представлениями о будущем. Так, Николай понимает «хорошую работу» как интересную, приносящую признание пациентов: «Я хочу, чтобы люди говорили обо мне: вот это хороший врач, я буду у него лечиться»; «состоявшегося человека» – так: «прежде всего это счастливая семья, хорошая работа, которая должна нравиться. Если работа будет нравиться, то человек будет успешным». Исходя из этого формулируется должный образ жизни: «надо как следует учиться; если ты что-то не знаешь, то надо выучить. Больше времени тратить, читать какие-то статьи дополнительно». Николай утверждает, что готов к такому образу жизни, но на практике это не всегда получается. По собственной инициативе он нашел работу по специальности, которую планирует совмещать с учебой: «Я думаю, надо устраиваться работать по тому направлению, по которому потом собираешься пойти. Например, хирургическому, чтобы смотреть, что эта работа собой представляет».

«Хорошая работа» для Анастасии – «та, которая дает тебе возможность карьерного роста, которая позволяет тебе реализовываться, на которую ты идешь с удовольствием и с которой уходишь все с тем же удовольствием, и заработная плата должна быть тоже достойной». «Успешный человек» – это «человек, который небеспошвенно ощущает себя свободным, который не придумал свою свободу, у которого она есть на самом деле. Ко-

торый благодаря своей работе, своей реализации может говорить: есть я, и я считаю вот так: это неправильно, нужно делать вот так-то. Который опять же может свободно общаться с разными людьми...». Можно заключить, что необходимыми для успешного будущего качествами Анастасия считает профессионализм и развитый духовный мир, умение мыслить самостоятельно. Поэтому в настоящее время для достижения этих идеалов она стремится «вычитать какой-то хоть минимальный объем книг, журналов, посмотреть достаточное количество новостных выпусков, сходить в театр, в кино», стремится к высокому уровню усвоения знаний, даваемых в университете, занимается на курсах английского. Также считает, что на работу нужно выходить как можно раньше: «я считаю, что работать надо начинать как можно раньше... как только почувствуешь, что у тебя появилось свободное время, которое ты можешь посвятить работе, значит, нужно скорее идти искать работу». Но себе работу не ищет: «в нашем университете, мне кажется, сложно совмещать учебу и работу, придется делать выбор. А мне кажется, что если его делать, то лучше в пользу учебы, потому что возможность в будущем находить себе хорошую работу, справляться с обязанностями – это важнее, чем зарабатывать деньги сейчас». На данный момент приоритетом считает получение специальности, самообразование, саморазвитие, что должно обеспечить ей желаемое будущее.

Девиз Виталия – «Нет цели – нет будущего»: «Меня когда-то учили планированию, постановке целей, что если нет целей, нет будущего, ничего не добьешься без цели. Поэтому я стараюсь ставить свои цели. Вот к 2013 году мне нужно купить свой автомобиль. Причем иномарку не дешевле пятисот тысяч рублей. Потом мне нужно построить свой дом. Это цели на пять лет. Я специально это все рисовал, ставил, чтобы как-то систематизировать свою жизнь, чтобы достигать чего-то, а не жить впустую. Ну и само собой, каждая цель предварительно расписывается на много-много мелких шагов. И делая понемногу все эти шаги, я все равно дойду до своей цели, в срок или не в срок, но я надеюсь, что дойду...».

Алена не рассматривает карьеру как главную цель, а хочет больше времени уделять семье. Но так как считает, что наличие высшего образования обязательно, то учебе уделяет много времени: «я считаю, что человек должен получить образование и после этого может заниматься семьей». Хорошо говорит на английском языке, изучает итальянский, хочет начать изучать немецкий. Утверждает, что ей в жизни это пригодится, но не уточняет, каким образом.

Мария планирует открыть свой стоматологический кабинет, для чего необходимо получить второе высшее образование – экономическое. Планирует совмещать учебу и работу по специальности. Но реализация всех планов откладывается на неопределенное будущее: «потому что я собственное время не могу еще в кучу собрать, не то что на работу идти». Второй аргумент – на работу не пускают родители. Чтобы планы на будущее сбылись, «учусь изо всех сил, тяжело идет, но стараюсь».

Валерий: «Будущее туманно для меня, мне кажется, что оно будет складываться из тех дней, которые сейчас. Завтра – это уже частица будущего». Туманные очертания будущего включают в себя планы организовать выставку своих работ (делает композиции из металлических конструкций). В связи с этим формируется специфика настоящего: учеба в университете (социологический факультет), не имеющая непосредственного отношения к реализации мечты, оценивается как пустая трата времени: «Я вот 2 года учусь в университете, по большому счету ничего не дает университет... Можно сказать, что жизнь замирает, когда находишься в университете. Просто отсиживаешь пары, уходишь домой, и только потом начинаешь заниматься тем, что тебе интересно»; «если лекция неинтересная, рисую, иногда читаю, когда получается. Иногда получают эскизы,

какое-то подобие того, что потом хочу реализовать». У Валерия также ярко проявляется понимание связи между достижениями в настоящем и успехами в будущем. Но, несмотря на это, в его поведении присутствует расхождение между должным и наличным; например, отвечая на вопрос о времени, когда нужно начинать искать работу, говорит, что искать работу нужно во время учебы, «потому что после учебы будет трудно. Человек должен учиться и двигаться дальше, не стоять на одном месте». Но сам работу не ищет: «У меня сейчас нет такой цели – найти себе работу постоянную, даже нет желания». Цель на сегодняшний день – прийти в согласие с собой.

Все студенты характеризуют свой темп жизни как высокий, но он не всем комфортен. Виталий, Анастасия и Алена считают этот темп единственно приемлемым для себя. Анастасия: «Мне очень комфортно. Я чувствую, что не теряю время зря. А когда я чувствую, что в моей жизни что-то замедляется, останавливается, я чувствую какие-то пустоты, я начинаю немножко расстраиваться, появляются депрессивные настроения: жизнь уходит, какой кошмар!». Алена: «Мне, например, это очень нравится, когда так закручишься, что еле-еле что-то успеваешь. Чем больше у меня планов, тем больше я успеваю... Я вообще хочу, чтобы неделя была 20-дневной, потому что мне не хватает времени на многие вещи». Виталий: «Утром или даже вечером, перед тем как лечь спать, я составлял план на следующий день. Куда успеть, что сделать. Как правило, мне нужно было за день посетить около 10 точек. Сделать там в каждой точке еще по 10 дел. То есть все это расписываешь. И очень хорошо, это является знаком качественной жизни, когда в распорядок твоего дня не входят приемы пищи, сон.... Когда это все между делом, то есть ты не думаешь о еде, не думаешь о сне, а у тебя другие вещи стоят на первом месте. Но думаешь о здоровье: спортзал, плавание... А на первом месте все-таки дела, люди, взаимоотношения, общение и работа. Собственно, надо как-то отличаться от животных, которым нужна пища, сон. Вот и стараешься очеловечиваться таким образом. То есть в распорядке моего дня в основном были дела, встречи, отдых... мне кажется, в жизни человека не должно быть свободного времени, потому что время – уходит. Нужно все время использовать, каждую минуту».

Мария, Николай и Валерий предпочли бы снизить темп жизни. Так, например, Мария по поводу количества событий в своей жизни отвечает: «Мне кажется, их много, чересчур. Хотелось бы жить поспокойнее». У Валерия желание использовать день по максимуму соседствует с тяготением к медленному темпу жизни: «Темп жизни?! Не знаю, почему у меня сейчас такая фраза вертится на языке: «Пусть весь мир подождет». Вообще никуда не хочется торопиться, хочется, чтобы все остановилось и ничто никуда не двигалось, не знаю почему. Даже когда стоит автобус, я специально иду не торопясь, даже люблю подождать другой автобус, чтобы я никуда не торопился, вообще никуда. Не люблю делать лишний шаг, лишнее движение... Раньше я все время торопился. Кстати, и проблема одна была – я все мысли в одно предложение умещал, так быстро начинал тараторить. Может, и сейчас я быстро говорю. Но раньше я вообще все время тараторил. Меня все время переспрашивали, что я сказал. Я вообще считаю, что спешка – огромная проблема нашего общества. Люди экономят время, но потом не знают, что с этим временем делать. Так что торопился я неизвестно куда».

Выводы:

– роль прошлого в жизни студентов колеблется между двумя полюсами – от признания полезности до почти полного отказа от него (жизнь в рамках сегодняшнего дня; «прошлое прошло»);

- эффективность использования настоящего оценивается по-разному: от утверждений, что студент способен на эффективный тайм-менеджмент, до признания существования расхождения представлений о должном и наличной ситуацией;
- будущее всеми студентами оценивается исключительно позитивно, демонстрируется высокий уровень уверенности;
- проблемы с тайм-менеджментом, наличие которых признается большинством студентов, не мешают позитивной оценке настоящего и уверенному взгляду в будущее. Можно заключить, что на данном жизненном этапе студенты не видят непосредственной связи эффективного использования времени в настоящем с успехами в будущем;
- у студентов, имеющих четкие представления о своем будущем, ярко прослеживается влияние картины желаемого будущего на содержание настоящего (ставят определенные приоритеты, помимо учебы наполняют свою жизнь теми или иными видами деятельности – работа по специальности, курсы иностранного языка и др.);
- у студентов, не имеющих четко сформированных жизненных целей, эффективность использования времени в настоящем значительно ниже, чем у их сверстников, обладающих такими представлениями;
- фактором, влияющим на формирование навыков успешного тайм-менеджмента, является пример родителей, старших братьев, сестер;
- все студенты констатируют, что их темп жизни высокий, но не всем он комфортен. Высокий темп жизни связывается со спецификой данного этапа их жизни – овладение профессией, закладывание основ для последующих жизненных этапов.

Избранные фрагменты интервью по теме «Время студента в городе»

Арина:

– Окончила школу в Оренбургской области. Свои планы на будущее просматриваю ясно. Уже в 11-м классе я точно знала, что дальше пойду учиться в высшее учебное заведение на экономический факультет, поэтому после сдачи экзаменов подавала документы в разные вузы Самары, но потом меня заинтересовал СамГМУ. На сегодняшний день от меня требуется отличная учеба, сдача экзаменов и, конечно, развитие себя как личности. После окончания университета я хотела бы сначала поработать по специальности в больнице, то есть попрактиковаться, приобрести опыт, а в дальнейшем открыть свою стоматологическую клинику. Надеюсь, что все свои замыслы я сумею осуществить!

Александр:

– «Вперед, к мечте, сквозь дебри знаний!» – таков мой девиз. В Самаре окончил школу медико-технического направления с углубленным изучением языков. Целью своей жизни я вижу получение достойного высшего образования, чтобы защищать права людей с ограниченными возможностями. Для этого, несомненно, нужно долго и упорно трудиться. Во-первых, окончить Самарский государственный медицинский университет. Во-вторых, получить заочное юридическое образование. И в-третьих, посещать в университете различные кружки и заниматься наукой, ведь без нее университетская жизнь будет скучной и пресной. Я уверен, что если приложу усилия, то все мои мечты обязательно сбудутся.

Ксения:

– Я из Пензенской области, из села. Вопрос о том, кем я собираюсь быть, на данный момент очень сложный. Еще в девятом классе передо мной стоял серьезный выбор:

кем я хочу быть в будущем. Меня привлекали профессии, связанные с военной службой, но по состоянию здоровья мне это запрещено. Я выбирала из двух медицинских университетов: самарского и саратовского. По рекомендации наших врачей, многие из которых окончили СамГМУ, я решила, что буду поступать именно в этот университет. В будущем хотела бы вернуться на работу в свое село и сделать медицину в нем суперсовременной. Не только в городах, но и в маленьких поселках и городах должна развиваться медицина. Это – реально.

Татьяна:

– Я из Самары. Мне очень нравилась моя школа, мои педагоги. В этой школе учились мои родители, и меня целенаправленно отдали туда же, чтобы, так сказать, продолжить традицию. Сейчас нам тяжелее, потому что нам свои проблемы нужно решать самим, а в школе мы кому-то были нужны, учителя за нас переживали, заботились, постоянно нам напоминали, что нам нужно делать. Была теплая атмосфера и хорошие друзья.

– Какие предметы вам больше всего нравились?

– В разное время нравились разные предметы. Никогда не нравилась математика и физика, ну а русский язык и литература, я думаю, абсолютно всем нравятся. История нравилась, в особенности история Древнего мира. Я много читала дополнительно. У нас были всем известные толстые детские энциклопедии, где все представлено в картинках. Я сменила много секций: начинала с хореографии, потом занималась волейболом, ходила в художественную школу, занималась английским и еще много чем. Я считаю, что чем больше человек занят, тем больше он успевает. У меня дни были буквально расписаны по минутам. Я прибегала домой, успевала что-то быстро поесть и бежала дальше. А когда начались экзамены в девятом классе, все это как-то закончилось. Времени стало не хватать.

– Что было интересно читать?

– Раньше, понятно, сказки, потом более интеллектуальные вещи – книги по науке, по истории. В какой-то момент настольной книгой стала книга по анатомии человека. На другие времена уже не хватает. Перехватываю пару штук раз в месяц... Допустим, сейчас читаю Евгения Гришковца. Он пишет о жизни, и я во многих его персонажах вижу себя. Недавно он приезжал к нам со спектаклем «+1», в котором играл главную роль, причем единственную. Два часа мы сидели и слушали. Этот человек чувствует себя личностью: он находится в поисках, разочаровывается, ищет свое понимание счастья. И я примерно поняла, что это такое. Счастье – это, наверное, не длительный процесс, к которому надо долго идти, а элементарные, простые вещи. Все это он объяснил доступно. Я читала этого автора года полтора назад и тогда решила, что не доросла до него, а сейчас поняла, о чем речь. Гришковец – еще и музыкант. Я люблю музыку и как-то послушала пару его песен. У меня на полке стоят почти все его книги. В одну из них он поместил все свои записи из блога в Интернете, в которых описан каждый его день. Это очень интересно, и я иногда ненадолго отрываюсь от анатомии, чтобы посмотреть, как этот человек провел свой день, чем он отличается от меня в бытовой жизни.

– Давайте про Интернет поговорим: какой он в прошлом и в настоящем?

– Для меня Интернет – это прежде всего источник информации, необходимой в тот или иной момент. Многие круглосуточно сидят в соцсетях, что-то там обсуждают – я и сама так делаю. Это объясняется, во-первых, возрастом, а во-вторых, возможностью получить ценную информацию. Например, в город приезжает моя любимая рок-группа, а я не знаю об этом, потому что не видела афиш, и узнаю из Интернета. Мне очень нравит-

ся группа «Пикник» – очень малоизвестная у нас старая рок-группа из Петербурга. У нее сменилось несколько составов, но она непотопляемая, как «Машина времени». Мне вообще нравится русская рок-музыка, но у «Пикника» – что-то особенное. По поводу одной их песни я увидела в Интернете вопрос: чем она навеяна? Автор ответил: «Книга...». Есть такое учение – Дао Дэ Цзин, вот оно и изложено в той книге. Я заинтересовалась и прочитала ее. Философские тексты подтолкнули меня почитать что-то еще, и я купила Ницше. В Интернете я вижу людей знающих. Вот буквально недавно я нашла много своих единомышленников, скажем так, коллег.

– А вот некоторые считают, что путешествия по Интернету – это как наркотик...

– Это действительно затягивает. Он-лайн игры – очень заразная вещь. Есть игра «Совершенный мир» – в нее играет множество людей, и это убивает время. Я считаю, лучше книжку почитать или пообщаться с друзьями. У меня есть, конечно, друзья по Интернету. Я являюсь администратором группы в соцсети «ВКонтакте», объединяющей самарский фан-клуб группы «Пикник». Знакомлюсь с разными людьми, мы пересекаемся на концертах. Недавно ходила на мероприятие, посвященное одной известной зарубежной группе Dereeche Mode. Познакомилась с новыми людьми. Так интересно: многие намного старше меня, лет под сорок, но никаких информационных преград нет. Dereeche Mode слушали еще мои родители. Вот недавно, в 2010 году, эта группа приезжала с концертом в Москву. Я родителям сказала: целый год мне ничего не дарите, но купите билеты. И я попала в Олимпийский. Было 20000 человек! Энергетика неопишуемая...

– Расскажите про ваших родителей.

– У меня самые обыкновенные родители без каких-то принципиальных отличий от других, заняты в сфере бизнеса. У папы образование высшее – экономика, у мамы их вообще три – филология, педагогика и экономика. Я родилась довольно рано, когда им было по 20 лет. У нас общие интересы, всегда есть что обсудить.

– Давайте теперь поговорим о выборе профессии.

– У нас в семье много врачей, и мне всегда была интересна эта профессия. Конечно, стоматология сама по себе – особая отрасль медицины. И очень обидно слышать, когда говорят: «Стоматолог – не врач». А ведь при случае все равно спросят с нас и не посмотрят, какая у нас специальность. Мы врачи, значит, мы должны помогать. Сначала учиться на стоматфакультете было тяжело, потому что в школе было хоть какое-то разнообразие, а тут все предметы направлены на одну тематику. К тому же с физикой у меня всегда были проблемы. А тут и сопротивление материалов, и много чего еще... Но теперь я уже привыкла.

– А у вас есть представления, что вы будете зарабатывать хорошо?

– У меня есть мечта – открыть сеть клиник. Хочется иметь достойный уровень и соответствующий заработок. Значит, надо учиться. Также необходима практика на международном уровне. Пока я не думала на эту тему, но точно уверена, что буду добиваться всего сама. Я сама поступила в этот институт и сама продолжу свою карьеру.

– А времени хватает?

– Не хватает. Катастрофически. Можно засидеться до трех часов ночи с одним предметом, а на следующий день в восемь утра надо быть на занятиях. У нас многие спят на лекциях. Спасибо, что есть соседи, которые будят в случае чего. Мы спим не потому, что нам скучно, а потому что не успеваем спать. Элементарно: не сделал английский, потому что учил физиологию, а английский пришлось делать в трамвае перед парой. А раньше у меня даже было расписание, когда и что делать, какие предметы...

"Музей Волги" в Самаре

Научный руководитель – доцент **И.Ю. Соломина**,
автор – бакалавр культурологии **Р.В. Хайруллина**



Целью нашего проекта является создание «Музея Волги» в Самаре [1]. Замысел проекта обусловлен не только важной ролью воды и водного пространства как природного ресурса, но и возможностями использования воды в разнообразных культурных практиках. 22 марта 1993 года генеральной ассамблеей ООН был утвержден Международный день воды. Россия является самым большим государством в мире по территории и обладает также большим количеством водного пространства. Ряд российских рек – самые большие в мире, одна из таких – Волга. Самара стоит на Волге и принадлежит к числу тех регионов, где Волга имеет большое значение.

Учитывая вышесказанное, мы предлагаем создать «Музей Волги» в Самаре, опираясь на многообразный мировой и российской опыт создания подобных музеев.



Морской музей Барселоны, одно из наиболее посещаемых туристами мест в столице Каталонии. Был открыт в 1929 г. 24 сентября в день чествования покровительницы города – святой Мерсе. Цель его создания – рассказать об истории Каталонии как морской державы, об этапах развития мореходного дела, о тесной связи жителей региона с морем.



Музей реки Сумида в Японии. Сумида – река, протекающая в Токио. Этот музей был создан по инициативе жителей из-за любви к этой реке. В музее собраны материалы, рассказывающие о жизни реки.



Музей Америки и моря в США в морском порту Мистик (штат Коннектикут). Это музей под открытым небом, расположенный на территории 15 га у берега реки Мистик. Его история восходит к 1929 году, когда в Мистике была создана Морская историческая ассоциация.



Музей воды в Киеве – один из новейших и популярнейших киевских музеев, который находится в самом центре столицы Украины, в здании первой городской водонапорной башни, построенной в 1872 – 1876 г. Башня эта сама по себе является достопримечательностью – памятником архитектуры XIX века.



Морской музей в Харькове. Был создан в 2009 г. в поселке Приморский. Его создатель – моряк Федор Багола. Главная цель морского музея – патриотическое воспитание и привитие любви к самой древней и самой романтической профессии моряка.



Мультимедийный комплекс «Подземный мир Санкт-Петербурга», где теме воды отводится большое место. Здесь отражены новейшие тенденции в оформлении музейно-выставочного пространства и в подаче материала о водоснабжении и водоотведении.



Мультимедийный комплекс «Все-ленная Воды» [2], расположенный также в Петербурге. Здесь находится уникальная интерактивная инсталляция, расположенная в бывшем резервуаре чистой воды. Здание состоит из 7 этажей, и каждый этаж представляет собой самостоятельную экспозицию. Показана общая история водоснабжения и канализации у народов Месопотамии, Египта, Ассирии, Китая, Древней Греции и Рима, а также средневековой Европы.



Музей воды в Москве. Представлена история строительства сооружений водопровода и канализации в Москве.



«Музей Мирового океана» в Калининграде, организованный решением правительства РСФСР 12 апреля 1990 года. Согласно уставу «Музей Мирового океана» осуществляет научные исследования, является республиканским центром научных исследований и научно-методической работы в области изучения истории и исследования природы океана.



Исследовав и охарактеризовав мировой и российский опыт музеев воды и водного пространства, мы предлагаем открыть **«Музей Волги» в Самаре.** Разместить его мы планируем в «доме со слонами», он же дача Константина Головкина, располагающаяся в Самаре по адресу: улица Советской Армии, 296. Дом построен по совместному проекту Головкина и архитектора В.В. Тепфера в 1908 – 1909 гг. Это здание является достопримечательностью Самары, представляет собой архитектурную ценность, имеет вид на Волгу и находится в районе с развитой транспортной инфраструктурой [3]. Здание выдержано в стиле модерн, его фасады абсолютно не похожи друг на друга. В советское время здание не-

сколько раз меняло свои функции. До 2011 года здание находилось на балансе муниципального предприятия «Самароводоканал». В настоящее время оно пока никому на содержание не передано.



Мы планируем организовать три музейных зала.

1-й зал – художественный. В нем будет собран материал о Волге, представленный в разных видах художественной культуры (живопись, фольклор, литературные произведения), а также о писателях и художниках, которые жили в Самаре и в регионе, и разместится кинозал, где будут демонстрироваться фильмы о Волге. Учитывая многообразие художественных форм, этот зал можно использовать в разных целях.

2-й зал – познавательный. В нем мы планируем представить материалы о всеобъемлющей сущности воды и о животном и растительном мире Волги с применением интерактивных способов подачи.

3-й зал – экологический, посвященный истории Волжской ГЭС и Самарского «Водоканала». Его можно оформить по аналогии с залами петербургских и московского музеев.

Исследовав ситуацию по данному вопросу, мы пришли к выводу, что городу Самаре нужен «Музей Волги». Здесь имеются все условия для его создания. «Музей Волги» благоприятно повлияет на имидж Самары и на развитие внешнего и внутреннего туризма.

Литература

1. Юренева Т. Ю. Музееведение. – М.: Академический проект, 2004.
2. Музейный комплекс «Вселенная Воды». – W1427, официальный сайт www.vodokanal-museum.ru/
3. http://www.edc.samara.ru/~volga/ch6/ch6_2/ch6_2.htm#dacha#dacha

1992 – 2012: двадцать лет спустя

Самара: 1992 - 2012. Конференция «Мифы провинциальной культуры» /Samara: 1992 - 2012. From the Conference «Myths of the provincial culture»/



Е.Я. Бурлина,
доктор философских наук,
профессор
Самарский государственный
медицинский университет
Самара, РФ



Я.А. Голубинов,
кандидат исторических
наук
Самарский государственный
медицинский университет
Самара, РФ

В 1992 г. в Самаре прошла одна из первых конференций, посвященных проблемам культуры провинции: "Мифы провинциальной культуры". Прошедшие двадцать лет выдвинули новые научные школы и новые тенденции изучения провинциальной культуры. По мысли авторов, совершилось изменение предмета исследований: переход от краеведения к регионалистике и урбанистике. Особенно значимы результаты культурологических исследований отдельно взятых регионов, городов, культурных институтов, в которых сформировались принципиально новые и междисциплинарные методы исследований.

Ключевые слова: провинция, провинциальный город, культура региона, урбанистика, новые методы.

E.J. Burlina, Ph. D., Professor, Y.A. Golubinov, Dr. in History, Samara State Medical University, Samara, RF

In 1992 one of the first conferences devoted to the problems of provincial culture was held in Samara. Last twenty years brought new schools of sciences and new tendencies on the field of provincial culture studies. According to the authors, there has been a change of the scientific subject which includes transition from local studies to cultural coordinates of the region and urban studies.

Keywords: province, country town, culture of the region, urbanistics, new methods.

20 лет назад, в 1992 г., в Самаре состоялась первая российская конференция, посвященная региональным проблемам культуры. Она называлась «Мифы провинциальной культуры» [1]. Инициатором необычной тогда по тематике конференции был Проблемный совет по эстетике, эстетическому воспитанию и культуре Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, председатель научного совета – А.Ф. Еремеев, профессор Уральского госуниверситета (г. Екатеринбург). Со всех концов страны, от Петербурга и Москвы до Челябинска и Владивостока, съехалась на Волгу академическая публика – эстетики, историки, социологи, чтобы рассмотреть неканонические понятия «провинциальная культура», «мифы провинциальной культуры» и «мифы о провинциальной культуре».

Самару представляли на конференции ректор госуниверситета, профессор, доктор исторических наук и известный краевед Л.В. Храмков; профессор, доктор философских наук А.В. Конев; профессор, доктор филологических наук В.П. Скобелев, а также другие ученые.

Организация конференции «Мифы провинциальной культуры» отразила креативность 1990-х годов. Новую тему совершенно в духе времени придумали где-то на лестнице Са-

марской областной научной библиотеки С.А. Голубков, тогда кандидат филологических наук, а теперь – доктор, профессор, и авторы этих строк. Возникший на волне перемен Фонд АвтоВАЗа «Культурный центр «Волга» (директор – С.Л. Пахута) взялся поддержать всероссийскую научную конференцию в Самаре.

Данный факт 20-летней давности греет сердца самарцев. Сколько выросло за эти годы научных школ и как продвинулась методология комплексного изучения культуры города, об этом будем говорить ниже. Тем не менее вспоминаются еще некоторые символические детали.

Тема «Мифы провинциальной культуры» была заявлена еще в июне 1991 г. на заседании Проблемного совета по эстетике, проходившем в Петрозаводске. Это было ровно в те дни, когда СССР закончил свое существование. Рожденная в те июньские дни 1991 г. аббревиатура СНГ была не очень понятна. Но в воздухе носились какие-то новые контуры бытия.

Видимо, ощущение свободы так опьянило членов Проблемного совета по эстетике, что его председатель А.Ф. Еремеев сказал: «Почему бы и нет?! «Мифы провинциальной культуры»! Приедем в Самару». Маститые члены совета поддержали новую идею, и получилась представительная, общероссийская география самарской конференции. Заседание эстетиков состоялось то ли по случаю распада старого, то ли в связи с рождением нового. Воистину, «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется».

Оценивая «десант» профессоров-эстетиков в 1992 г. в Самару и его отклик на глобальные события, можно отметить его поразительное попадание в эпицентр актуальных проблем. Редко так совпадают имманентные научные интересы узкого круга гуманитариев и исторические общественные сдвиги, как совпадали они на конференции, заявленной в дни смерти СССР и состоявшейся уже в новой стране – РФ.

Итак, прошло двадцать лет: 1992 – 2012. В январе 2012 г. на открытии в Москве конференции «Город: между теорией и практикой» прозвучало следующее обоснование: «Урбанистика – новый вид науки, принципиально междисциплинарное пространство... Поэтому для нас разговор о городе очень важен, с одной стороны, с академической точки зрения. А с другой стороны – есть какой-то социальный и общественный аспект» [2]. И.Д. Прохорова, которой принадлежат эти справедливые выводы об академическом и практическом значении урбанистики, представляла в том числе культурные проекты Норильска, детерминированные сложной историей этого города.

В мае 2012 г. в Самарской государственной академии культуры и искусств на открытии пленарного заседания Всероссийской конференции «Городская культура и город в культуре» во вступительном слове проректора по науке и международным связям С.В. Соловьевой и докладе профессора Т.С. Злотниковой говорилось о том, что в изучении города сходятся представители разных гуманитарных социальных знаний – социологи, антропологи, историки, люди, занимающиеся литературой, историей культуры и т. д.

Двадцать лет спустя было бы интересно сопоставить тематику 1990-х гг. в изучении «мифов провинциальной культуры» с последующими работами авторов, которые работали много и плодотворно, развивая тематику города и региональной культуры. На полноту обзора не претендуем, но попытаемся выделить наиболее заметные дискурсы.

Краеведческое «крыло». Итак, в 1992 г. на конференцию «Мифы провинциальной культуры» приехал «сам» С.О. Шмидт – классик историографии и общественный деятель, профессор Российского государственного гуманитарного университета, председатель Союза краеведов России. С.О. Шмидт представлял и развивал лучшие традиции русского просветительства, работая много лет с Д.С. Лихачёвым и продолжая его традиции [3].

В настоящее время усилиями Шмидта и его коллег в Российском историко-архивном университете был создан и успешно функционирует институт краеведения. Вышли в свет уникальные издания по провинциальной культуре дворянской Пензы, Симбирска / Ульяновска, а в Москве сформировались такие локально-глобальные культурные центры, как музей М.И. Цветаевой [4].

Выделим III Всероссийскую научную конференцию краеведов «Российская провинция XVIII – XX вв.: реалии культурной жизни», которая с огромным резонансом прошла в 1996 г. в Пензе при администрации Пензенской области. Доклад С.О. Шмидта подводил уже определенные итоги и задавал перспективы: «Программа «Культура русской провинции XVIII – XX вв. Некоторые итоги и задачи». Прозвучали также программные доклады Ю.А. Веденина (Москва), поднявшего важнейшую тему ландшафтов, экологии региональной культуры; М.Д. Афанасьева (Москва) и Н.М. Инюшкина (Пенза), в которых авторы сформулировали программные положения о функциях публичных библиотек и архивов в культуре провинции [5].

Кадры как теория и практика регионалистики. Е.В. Дуков, тогда старший научный сотрудник ВНИИ искусствознания, а сегодня – профессор, заведомо РГИИ, стоял у истоков множества уникальных проектов, без преувеличения, преобразивших концертную, филармоническую культуру от Ростова до ХМАУ. Профессор Дуков – один из создателей Союза концертных организаций России [6], а также Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма, где осуществляется переподготовка кадров филармоний и других концертных организаций. В большой мере благодаря этой титанической работе региональные филармонии преобразовались в современный социальный институт.

Эстетика / культурология и урбанистика. Санкт-Петербург представляли тогда в Самаре университетские профессора М.С. Каган и Э.П. Юровская. Оба написали интересные тезисы в сборник конференции (обзор прилагается ниже).

Э.П. Юровская выделила два «мифа» Петербурга, популярных в медийных ресурсах 1990-х гг.: «блистательный» и «блокадный» город. Добавим к этому, что усилиями профессора Юровской появились уникальные переводы и комментарии на русском языке к французской философии и методологии идентификации, косвенно связанные с урбанистикой [7]. В сборнике тезисов конференции был опубликован безупречный текст «Мифы города как ценностные ориентиры» [8].

Профессор Ленинградского / Санкт-Петербургского университета М.С. Каган был прежде всего автором культового вузовского учебника по эстетике, по которому несколько поколений студентов учились культуре восприятия искусства и культуре философского мышления. На конференции в Самаре 1992 г. мало кто знал, что уже многие годы шла работа М.С. Кагана над трудом о городе, которому автор всю свою жизнь служил и поклонялся. Книга Кагана «Град Петров в истории русской культуры», изданная в 1996 и 2003 гг., стала памятником городу к его 300-летию. Она была удостоена премии Анциферова как выдающееся явление современной культурной жизни. Каган при жизни стал «гением места»: почетным профессором университета и одним из реформаторов философского факультета СПбГУ.

Книга «Град Петров в истории русской культуры» – беспрецедентная аналитическая работа, казалось бы, не связанная с проблематикой провинциальной культуры. Энциклопедическая образованность и титаническая работоспособность М.С. Кагана сыграли огромную роль в представлении значимости гуманитарных университетских исследований. Каган доказал актуальность философской, культурологической методологии в создании образа города [9]. Академическая работа М.С. Кагана, посвященная Санкт-Петербургу, стала классикой культурологии и урбанистики не только в нашей стране. Нам довелось видеть его презентации в разных городах Западной Европы, о чем мы расскажем отдельно.

Эстетика, культурология, кадры арт-бизнеса и экспертиза. Продолжим обзор тех базовых направлений, к которым пришли участники памятной конференции, посвященной провинциальной культуре.

Председатель научного совета по эстетике профессор А.Ф. Еремеев вместе со своими докторантами и аспирантами представлял школу эстетиков Екатеринбурга. За эти годы именно в уральской школе эстетиков и культурологов были созданы принципиально новые вузовские специальности по дизайну, рекламе, арт-бизнесу. Ныне это направление возглавляет ректор Гуманитарного университета в Екатеринбурге и преемник кафедры А.Ф. Еремеева в Уральском госуниверситете профессор Л.А. Закс, а также их коллеги и ученики – И.М. Лисовец, Б.В. Орлов и другие. Эксперты по кинематографу, театру, современному искусству Л.М. Немченко, возглавляющая несколько известных кинофестивалей, Т.Г. Круглова, театровед и философ, значимы для всех управленцев и представителей бизнеса.

Урбанистика. Среди участников конференции «Мифы провинциальной культуры» не было урбанистов, они появляются в философско-политологической среде позже. Профессор Е.Г. Трубина, выпускница философского факультета УрГУ и коллега названных выше эстетиков / культурологов, относится к поколению, которое начинает в 1990-х гг. сотрудничать в международных проектах. В этом поколении рождаются вузовские программы и учебники по урбанистике, в том числе учебное пособие «Современная урбанистика» Е. Трубиной (2008 г.). Сошлемся на доклады профессора Трубиной на самых последних конференциях 2012 г. по региональной культуре и урбанистике [10].

Культурная антропология и научные школы Поволжского регионального округа. В Казани, Нижнем Новгороде, Пензе, Саратове и других городах сложились интересные и разные научные школы. Данные школы сыграли выдающуюся роль в становлении нового образа своих городов и регионов. Выделим МГУ имени Н.П. Огарёва (г. Саранск) и ЯГПУ (г. Ярославль).

В 1992 г. из Саранска на конференцию «Мифы провинциальной культуры» приехала без пяти минут доктор наук, а теперь создатель одной из самых мощных региональных культурологических школ Н.И. Воронина. В работах школы Ворониной описаны все знаменитые монастыри, дворянские гнезда, позабытые на долгое время, подняты все мыслимые материалы по великим творцам XX столетия – С.Д. Эрзе, М.М. Бахтину. Свообразным итогом этой многолетней деятельности стала прошедшая в Саранске в 2011 г. Международная научно-практическая конференция «Пространство художественной культуры финно-угорского мира: от XIX к XXI веку». Подготовка кадров, систематизация курса культурологии, создание учебника нового типа и сопутствующих ему новых специальностей – также достижение института национальных культур в Мордовском государственном университете имени Н.П. Огарёва. Изданная к юбилею Н.И. Ворониной книга «Миры культуры» [11], собравшая статьи ее докторантов – от опытного исследователя Н.М. Инюшкина с темой «Провинциальная культура: природа, типология, феномены» (2005 г.) до молодого ученого С.И. Митиной, изучавшей философские эго-тексты в культуре (2008 г.), – поражает широтой тематики.

Т.С. Злотникова уже четверть века работает в Ярославле. Профессор, доктор искусствоведения, она в эти же годы заложила основание еще одной региональной школы по изучению провинциальной культуры [12]. Разработанные ею и ее учениками антропологические понятия для анализа образа города позволили по-новому интерпретировать один из древнейших центров русской городской культуры – Ярославль. Профессор Злотникова вместе со своими многочисленными учениками и последователями исследовала этапы формирования образа города в театре, литературе, а также старейшие памятники – монастыри и музеи Муром, Ростова Великого. Создание диссертационных советов по философским наукам и изучению культуры регионов в Ярославле сформировало мост от теории познания к культурологии.

В этом же ряду стоит самарская филологическая школа изучения провинциальной культуры профессора С.А. Голубкова. В разное время на кафедре, которую он возглавляет в настоящее время, работали выдающиеся деятели самарской культуры: профессор Л.А. Финк, профессор В.П. Скобелев. Они оказывали авторитетное влияние на культуру города и готовили в университете настоящих профессионалов. Их традиции продолжены на новом методологическом уровне. Сошлемся на книги Голубкова, посвященные теме «Город как текст», а также самарской мемуаристике и архивам. Получили известность конференции на тему «Коды русской классики» (2005, 2007, 2009, 2011 гг.), проведенные сотрудниками кафедры русской и зарубежной литературы Самарского госуниверситета, а также книги, изданные Л.А. Соловьевой, М.А. Перепелкиным, И.В. Саморуковой и другими [13]. Упомянем также постоянное сотрудничество с периодическими изданиями и музеями Самары, в том числе многолетние проекты М.А. Перепёлкина в музее имени А.Н. Толстого, работы Голубкова об образах Волги в жанре фотографии (рецензии фотоальбомов В. Емца, В. Самарцева и других). Значительную роль в экспертизе региональных театральных проектов – фестивалей, изданий, отдельных спектаклей – играли и играют известные в городе критики: университетские сотрудники Т.В. Журчева, Э.Л. Финк, продолжающие традиции выдающегося театрального критика и доктора филологии, профессора Л.А. Финка.

Декан социологического факультета Самарского госуниверситета профессор В.Я. Мачнев и его коллеги В.В. Долонько, И.В. Левицкая, С.Е. Чичёва также сделали важные шаги в осмыслении образа волжского города Самары. Выделим программу молодых специалистов О. Запорожец и Н. Масленковой «Волжский текст. Третья столица, большая вода и великая степь» [14], выполненную совместно с О.О. Рогинской и отмеченную на конкурсе Высшей школы экономики. В данном сборнике помещен ряд статей сотрудников кафедры теории и истории культуры СамГУ.

Назовем, наконец, подвижничество Л.С. Пахуты и культурного центра «Волга», который формировал последующую глобальную международную конференцию 1994 г. в Набережных Челнах «Культура молодых городов» с участием ЮНЕСКО и при поддержке президента Татарстана М. Шаймиева [15]. Вместе с коллегами ими был создан первый всероссийский периодический журнал «Провинциальная культура».

И теперь позвольте представить коллектив, который непосредственно готовил конференцию «Мифы провинциальной культуры» 1992 г. Это сотрудники кафедры теории и истории культуры СамГУ, которые потом работали, что называется, студийно, используя коллективный псевдоним Е. Аспиранты.

Прежде всего, назовем безвременно ушедшего талантливого ученого А.М. Карпеева. Еще в 1992 г. он предложил ряд оригинальных философских идей о мифах провинции и столицы, о специфических волжских мифах [16]. К сожалению, многое он не успел завершить.

Многогранным специалистом стала Л.Г. Иливицкая, предложившая в своей диссертации и ряде других работ особое понятие для анализа культуры городов – «хронотип» [17]. Ее оригинальная методика анализа «быстрых» и «медленных» городов может иметь широкое научное и практическое применение.

В 2012 г. на сцену вышло следующее поколение: Ю.А. Кузовенкова, чья диссертация «Город в идеальном измерении: от образа к имиджу» [18] посвящена детальным различиям между историко-культурным понятием «образ города» и ресурсным, маркетинговым понятием «имидж города»; Я.А. Голубинов, который начал работу над межпредметными проблемами регионалистики, показывая связи экономических, географических, культурных трендов, стимулирующих развитие регионов; диссертацию о хронотопе малого города в Волжско-Уральском регионе и его ментальных картах завершает в настоящее время Н.В. Барабошина.

Экскурс в историю длиною в двадцать лет для нас было бы уместно закончить ссылкой на школу профессора В.А. Конева. Не только потому, что он был одним из деятельных участников конференции «Мифы провинциальной культуры», а впоследствии инициировал ряд иных исследований, посвященных менталитету российской провинции. Дело еще и в другом.

В прошедшие годы профессор В.А. Конев создал в городе на Волге оригинальную философскую школу, открыв для своих последователей огромный корпус новых философских текстов и научив их работать с ними: от работ М.К. Мамардашвили и М. Хайдеггера до трудов Ж. Делёза и М.М. Бахтина. Авторы этой статьи всегда относили себя к тем, для кого новые философские подходы В.А. Конева и его школы являются глобальным ориентиром. В одном из своих недавних учебников по философии «Человек в мире культуры» [19] ученый проводит идею, имеющую основополагающее значение для философии культуры, и в том числе для проблем урбанистики и регионалистики: глобальное значение «места», города в том числе, гарантируется изменениями локального качества жизни.

Таким образом, прошедшие двадцать лет показали, что дискурс «провинциальной культуры» был вполне креативным и отвечал веяниям времени. Он продолжал традиции краеведения и истории, использовал методологию философии, культурологии, урбанизма, а впоследствии оказался востребованным в новых управленческих и маркетинговых практиках, в том числе связанных с подготовкой научных кадров. Отечественная регионалистика и урбанистика, начавшаяся с определений «провинциальной культуры», играла и играет значительную роль в современных идентификационных процессах.

Прилагаем обзор тезисов, присланных на конференцию «Мифы провинциальной культуры» в 1992 г. и ставших за эти годы библиографическим раритетом. Полезно сравнить, как мы мыслили город, регион, провинцию тогда и сейчас.

Литература

1. Мифы провинциальной культуры. – Самара, 1992. – С. 180-186.
2. Город: между опытом и теорией. – М.: НЛО, 2012 // <http://www.nlobooks.ru/node/1653>; «Городская культура и город в культуре». Всероссийская научно-практическая конференция. СГАКИ, 2012. http://www.smrqaki.ru/7/2012_05_28_Konf_Gorod/konf_gorod.htm
3. Шмидт С.О. Д.С. Лихачев и традиции российского просветительства // <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/schmidt.html>
4. В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Мат-лы науч. конф. Пенза, 25-26 июня 2001 г.: в 2 кн. / Отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 2005. См. также: Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова. Два десятилетия российского краеведения // Библиография. – 2010. – № 5. – С. 43-50.
5. Российская провинция XVIII – XX веков: реалии культурной жизни: Мат-лы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25-29 июня 1995 г. / Отв. ред. С.О. Шмидт. – Пенза: Департамент культуры Пенз. обл., 1996. – Кн. 1. – 452 с.; Кн. 2. – 474 с.
6. Дуков Е.В. Союз skor-art.ru: Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма // <http://www.aprikt.com/department-of-management/staff/47-dukov-evgenij-viktorovich>
7. Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. – СПб.: Петрополис, 1998.
9. Каган М.С. Бытие и время в культурологическом контексте (не по М. Хайдеггеру) // http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/misc_11.html
10. Трубина Е. Новые условия производства знания как вызов для урбанистики // <http://fenomen-goroda.livejournal.com/29211.html>.; Е. Трубина на конференции МВШСЭН «Пути России», 2012: Международные события в нестоличном постсоветском городе: между глобализацией и рецентрализацией // МВШСЭН, 19-й симпозиум «Пути России: Новые языки социального описания. 23-24 марта 2012» //

- http://www.ccisru.org/books/Puti_2012_Programma-17.03.pdf
11. Воронина Н.И. Миры культуры. – Саранск, 2011.
 12. Русская провинция и мировая культура. – Ярославль, 1998; Злотникова Т.С. Время «Ч» (Культурный опыт А.П. Чехова. А.П. Чехов в культурном опыте 1887-2007 гг.): Монография. – М.-Ярославль, 2007. – 22,5 п.л.; От околицы до горизонта: Стратегии театральных режиссеров в провинции // Традиционное и нетрадиционное в культуре России / Отв. ред. И.В. Кондаков; Науч. совет РАН «История мировой культуры». – М.: Наука, 2008; Злотникова Т.С. Человек – хронотоп – культура. – Ярославль, 2003; Дидковская Н.А. Русский провинциальный театр рубежа XX – XXI веков: ярославская социокультурная модель (кандидат культурологии, 2000); Дисс. Летина Н.Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII – XX вв.). – Ярославль, 2009.
 13. Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века: Учеб. пособие. – Самара: Изд-во «Самарский университет»; Голубков С.А. «Портфель моего деда: мемуарные очерки, эссе, стихотворения»; конференции кафедры русской и зарубежной литературы «Коды русской классики» // <http://rudocs.exdat.com/docs/index-224961.html>
 14. Волжский текст. Третья столица, большая вода и великая степь // О.О. Рогинская, Н.А. Масленкова. Проект «Поэзия и проза русской провинции». Отд-е культурологии НИУ ВШЭ. Самарский государственный университет // <http://culture.hse.ru/news/32972985.html>
 15. Культура молодых городов. Конференция ЮНЕСКО. – Набережные Челны, 1994.
 16. Карпеев А.М. Образ столицы («куда мы стремимся...») // Мифы провинциальной культуры. Тезисы международного симпозиума. 11 мая 1992 г. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1992. С. 76-79; Карпеев А.М. Программа курса «Феноменология мифа» для студентов 1-го курса факультета искусств Самарского педагогического института, Самарского госуниверситета // Вузовские учебные программы по теории и истории культуры: метод. пособие «В поисках нового образовательного стандарта» / Сост. Э.Ю. Базилевская, О.М. Буранок, Е.Я. Бурлина. Самара: Самар. гос. пединститут им. В.В. Куйбышева, 1993. С. 291-196; Карпеев А.М. Региональная мифология и эпос. Средняя Волга // Русская провинция и мировая культура. – Ярославль, 1993; Карпеев А.М. «Артизованная педагогика» как этическая проблема (между аргументацией и внушением) // Дети, театр, образование. – Екатеринбург, 1996.
 17. Иливицкая Л.Г. Время и хронотип: новые подходы и понятия. – Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Саранск, 2011.
 18. Кузовенкова Ю.А. Город в идеальном измерении: от образа к имиджу. – Автореф. дисс.... канд. культурологии. – Саранск, 2009; Бурлина Е.Я., Кузовенкова Ю.А. Город плюс имидж: теория, социокультурная практика, региональные проекты. – Самара, 2010; тексты Голубинова Я.А., Барабошиной Н.В.
 19. Конев В.А. Человек в мире культуры (культура, человек, образование) // http://siblibio.com/biblio/archive/konev_chelovek/; В.А. Конев. Социальная философия: Учеб. пособие для студентов гуманитарных специальностей // http://abuss.narod.ru/Biblio/konev_socialph1.htm

Самара, 2 мая 1992 г. Международный симпозиум "Мифы провинциальной культуры"

(аналитический обзор)

/Samara, May 2, 1992

International Symposium "Myths of the provincial culture"
(analytical review)/

Проблемы провинциальной культуры слабо изучены в методологическом плане. Описательное краеведение, имеющее богатые и крепкие корни, как правило, проходит мимо общих – методологических, социокультурных проблем. Вне научного внимания оказывается целый блок вопросов.

Участники международного методологического симпозиума, посвященного проблемам провинциальной культуры, выдвинули ряд новых, интересных, не рассматривавшихся прежде в связи с провинцией научных и практических аспектов этих проблем.

В предлагаемом реферате суммируются, а в определенном смысле и анализируются основные, наиболее важные идеи, содержащиеся в тезисах докладов, которые присланы на симпозиум. Предполагается, что текст обзора даст основания для более плодотворной дискуссии и разработки практических программ.

К обсуждению понятия. Словосочетание «провинциальная культура» имеет разнообразный спектр значений. В строгом словарном смысле провинциальная культура – чисто территориальное обозначение. А.Ф. Еремеев справедливо пишет, что такова была семантика понятия еще в Древнем Риме, а ныне, например, в Италии или в Аргентине. Вместе с тем авторы многих тезисов считают, что в России провинциальная культура – это еще и оценочное суждение, не связанное с географией. Называются и многие другие смыслы понятия, веер которых, по образному выражению А.Ф. Еремеева, может быть обозначен как «блеск и нищета провинциальной культуры».

Об опыте регионализма в современной зарубежной этнологии, социологии и о существующем понимании провинциальной культуры как региональных традиций пишет Н.Я. Дараган.

Определяя провинциальную культуру, необходимо соотнести ее с общечеловеческими, национальными и локальными традициями. В России она была по преимуществу связана с городскими формами в отличие от сельской, фольклорной культуры.

Экологическое значение проблемы. Явления провинциальной культуры самобытны и нуждаются в сохранности, что осознано обществом. На современном этапе остро ощутима их слабая включенность в контекст мировой и европейской культуры. Экология культуры в масштабе всей планеты подразумевает взаимодействие и глубинную взаимозависимость разных региональных культур.

Как пишет Н.Л. Аринина, мир переходит к планетарной культуре, значит, регион становится полем мировых процессов. Н.И. Киященко отмечает, что регионы, осуществляя права и свободы человека, записанные во Всеобщей декларации прав человека, могут консолидировать культурную жизнь России.

Среди явлений провинциальной культуры, достойных глобальной поддержки, авторы тезисов называют художественный музей имени Радищева в Саратове, новосибирскую скрипичную школу, екатеринбургскую оперу и оперетту, народные промыслы в Хохломе, Палехе, Гжели, томское деревянное зодчество, классическую архитектуру провинции, собрания редких книг, архивы Самары и многое другое.

Субъектность провинциальной культуры как методологическая проблема. Глубокой теоретической посылкой анализа проблем провинциальной культуры является признание ее субъективности. Это основание, как пишет Н.В. Иванчук, недооценивается в теоретическом плане, не реализуется практически, что приводит ко многим реальным противоречиям. В качестве примера исследователь ссылается на отсутствие субъектности больших и представительных национальных групп в провинции (в Свердловске, по данным переписи 1989 г., было 183 тыс. татар, 82 тыс. украинцев, 41 тыс. башкир, но не было и нет ни одного кинотеатра, школы на языке названных групп). Формируется ложное сознание монолитности у населения, псевдоориентация у функционеров.

С идеей субъектности в культуре связаны справедливые выводы Н.В. Букреевой о «неподлинности оппозиции столица – провинция», ибо центром культуры может быть только человек, а ее создателем – гений; О.Д. Горшковой о праве человека на выбор наиболее адекватного для его самореализации места в культуре; Р.К. Бажановой, А.Д. Еремеева о роли национально-субъективного фактора в развитии культуры.

Маргинальность провинциальной культуры. Социологические факторы и закономерности дают фундаментальные основания для методологического анализа феномена провинциальной культуры. Демографические изменения состава населения России после войны привели к тому, что специалисты называют невиданным «демографическим перевертышем» (до войны 2/3 населения составляли сельские жители и 1/3 – городские, с 60-х гг. – наоборот: в городе живет 2/3, а в селе – 1/3 населения). Об этих известных социологических факторах авторы напоминают в связи с тезисом о маргинальности современной провинциальной культуры.

По мнению В.И. Каравкина, маргинальность – это ограниченность, невежество, неукорененность, состояние, наблюдаемое и в столице.

Б.В. Орлов показывает, что ложное, маргинальное, насыщенное псевдоценностями «провинциальное искусство» – неизбежный синоним и опора массовой культуры.

Признаки провинциальной культуры как методологическая проблема. Поставив проблему, Г.И. Солодовников говорит о столичности, ограниченности, тогда как признаки столичности, по его мнению, – профессионализм, оригинальность, широчайшая информированность, умение бегло реагировать на меняющуюся ситуацию.

Другие авторы, обсуждая эту проблему, использовали фундаментальные методологические приемы, сложившиеся в эстетике, культурологии XX века. Признаки провинциальной культуры они стремились осмыслить как глубинные категории

провинциального сознания и мышления, нашедшие предметную форму. Суммируя их, назовем особенно важные и, как нам представляется, наиболее плодотворные: 1) особые пространственно-временные характеристики провинциальной культуры; 2) особая «мифология», особые парадигмы провинциального мышления; 3) образы наиболее любимых в провинции звезд, героев, популярных лидеров и т. п.

Пространство – время в провинциальной культуре. Анализируя эту проблему, Т.В. Артемьева сравнивает утопии русской культуры XVIII в. и отечественные анти-утопии современности. Там пространством счастливой, справедливой жизни была усадьба, жизнь вне столицы, здесь отношения разворачиваются в строго урбанизированном пространстве. По мнению исследователя, такова типичная для русской культуры пространственно-временная оппозиция. Это подтверждают и другие авторы на различном материале.

С.А. Голубков на широком литературно-художественном фоне показывает, что время провинциальной жизни деформировано (житейское заслоняет историческое), а пространство намеренно-пародийное возвышается.

Н.Ю. Лысова показывает тяготение провинциальной культуры к античности, некоему возвышенному, идеальному образцу в центре города (классицизм в архитектуре провинции).

По мнению Ф.Т. Мартынова, маскарадность, возвышенность, триумфальность характерны не для провинции, а для столицы. Главными для провинции и ее архитектурных образов были связь с природой, внимание к подробной организации внутреннего, а не внешнего пространства.

Мифы и пророки провинциальной культуры. Специфическое осмысление провинции в русской культуре, наличие ложно-иллюзорного, псевдоценного сознания позволяют с известной долей метафоричности говорить о «мифах провинциальной культуры». В методологическом плане эту проблему ставят К.З. Акопян, Е.Я. Бурлина, А.Ф. Еремеев, Н.В. Иванчук и др.

К.З. Акопян, ссылаясь на Л. Толстого, реконструирует типичное для русской культуры XIX в. понимание провинции как «содержания», а столицы – как «формы». Эту чисто русскую трактовку провинции на разном материале подтверждают Н.П. Букреева и другие авторы. Они обращают внимание на бытование противоположного, «имперского» мифа о провинции, сложившегося еще в прошлые века, но резко усилившегося, обретшего тоталитарные черты, захватившего и интеллигенцию в сталинское время.

Интересный мифологический анализ понятия «столица» делает А.М. Карпеев, находя элементы «олимпийского», «тотемного», «имперского», «хтонического» и др. мифологические компоненты.

С язычеством и языческой обрядностью связывают печально знаменитый «казанский феномен» молодежных группировок С.В. Кислова, А.Г. Кислов. По их мнению, культурный вакуум провинции стал нишей для примитивнейшего язычества.

М.А. Кулинич и В.М. Савицкий, рассматривая программы по западной литературе в отечественных вузах, показывают их упрощенчество, местничество по сравнению с аналогичными вузовскими программами на Западе. С их точки зрения, это проявление все того же ложного, псевдоценностного сознания, которое формируется в замкнутой провинциальной жизни.

Э.П. Юровская, анализируя мифы современного Санкт-Петербурга, показывает оппозиционность двух емких, лаконичных схем. Она выделяет миф «блокад-

ного Ленинграда» (с его патриотизмом, аскетизмом, равенством в городе) и миф «блистательного Санкт-Петербурга» (с его сословностью, обращенностью в прошлое, маскарадностью), отмечает их неудовлетворительность для современного, особенно молодого, жителя города.

Наблюдения о пародийном возвышении провинциального пространства находят подтверждение у авторов, анализирующих «пророков» провинции, то есть совершаемый в провинциальной культуре выбор звезд, героев и т. п.

В.А. Личковах считает типичным для провинции тяготение к маскарадности. Отталкиваясь от того, что провинциал – это чаще всего потомственный мещанин или новоиспеченный мигрант, «промежуточный человек», лишенный культурных корней, исследователь утверждает, что это толкает провинциала к маскарадности поведения, а провинциальную культуру – к тому, чтобы «надевать личину».

Г.М. Торунова выделяет особый тип провинциальных кумиров, отражающих «тоску» среднего, массового зрителя по идеалу.

Провинция в искусстве. Целый блок тезисов посвящен проблеме осмысления понятия провинции в отечественном искусстве. Проблема выводит авторов на новые, неожиданные выводы.

Интересным и новаторским представляется наблюдение И.Э. Блюм о том, что русский авангард 1910-1920 гг., определивший мировую живопись, связан с образами маленьких городов (Витебск в творчестве Шагала, Малевича, Суэтина, роль этого города в жизни Бахтина). С наступлением эпохи тоталитаризма умирает субъектность, уходит «искусство провинции», права и силу завоевывает «провинциальное искусство», комфортно живущее и в столицах.

Констатируя устойчивый интерес к провинции А. Платонова («Котлован», «Ювенильное море», «Фро», «Река Потудань», «14 красных избышек», «Чевенгур»), Е.В. Сивцов делает следующие выводы. Для Платонова провинция – носитель обыденного сознания, духа России. Характерны два оппозиционных образа: крестьянин, практически устраивающий социализм, и одержимый мечтой фантазер. По мысли Платонова, провинция может быть местом торжества мечтательного, «маниловского» духа нации, но это будет и концом света.

О понимании русской провинции современными отечественными писателями (А. Вампиловым, В. Астафьевым и др.) пишет И.И. Коган, усматривая в прозе В. Астафьева 80-х гг. идею «конца провинции».

Конкретные феномены российской провинциальной культуры в связи с искусством рассматривают Э.Ю. Базилевская (самарское меценатство XIX в.), Ю.Г. Гуштин (г. Глазов Вятской губернии), М.П. Лохтина, Л.Я. Шамес (культурные традиции Иркутска), П.Н. Лукичев (бывшая казачья столица Новочеркасск), Л.В. Перескоков (архитектура Перми) и другие авторы.

Принципиально новую теоретическую идею об этом эстетическом сознании начала 20-х годов высказывает В.П. Скобелев. Анализируя написанные в Самаре, на Урале, в Коломне, а также созданные по провинциальным впечатлениям сочинения столичных писателей этого же времени, он показывает их совпадение по жанру и форме. Эти совпадения, по мысли исследователя, значимы своей эстетической программностью: провинциальная, уездная Русь становится одним из источников романного мышления, изобретает форму свидетельства о самой себе. Исторические катаклизмы, пережитые в начале 20-х годов страной, способствовали творчеству, подтверждая знаменитые тютчевские строки: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые».

Диалог «столицы – провинция». Это одна из наиболее важных в практическом плане проблем. Если, как высказывались многие авторы тезисов, провинция – это замкнутость, искусственно суженное социокультурное пространство, формирующее в связи с этим суженное, насыщенное псевдоценностями сознание, ограничивающее возможности для самореализации и роста личности, то какой должна быть стратегия и практика культурных прав человека, сохранения и роста культурных традиций в провинции?

Как справедливо пишет Н.В. Иванчук, помощь провинции не переведена на язык практических действий, а потому малоэффективна.

По мысли М.С. Кагана, ключевым принципом культурных программ в провинции должен быть диалог со столицей, обогащающий обеих. Рассматривая преимущества провинциальной жизни, В.В. Селиванов связывает их с активной духовной жизнью и также постулирует необходимость диалога-поединка «столица – провинция», способствующего развитию и здоровому равновесию в культуре.

Постоянный отток кадров из провинции в столицу, о котором пишет А.Ф. Еремеев, тоже оказывается своего рода диалогом между регионами, ибо, уезжая в столицу, люди не теряют связи с провинцией, способствуют ее духовному движению. На положительную для провинции сторону этого процесса обращает внимание и В.П. Скобелев.

О необходимости строить диалог не с одной-единственной столицей империи, а со столицами разных культурных регионов пишут многие авторы. Н.Л. Аринина, Е.Я. Бурлина, Н.В. Иванчук, Н.И. Киященко и некоторые другие авторы тезисов не исключают возможности «метаконтекста» провинциальной культуры в системе планетарной культуры, общечеловеческих ценностей, новоевропейского культурного пространства.

СОДЕРЖАНИЕ

Котельников Г.П. Синий – цвет Волги и неба	3
Щукин Ю.В. Город в городе: пространство студента	4
Крюков Н.Н. Инновационная работа гуманитарных кафедр	5
Колсанов А.В. Научно-техническая платформа: понятие, перспективы и имиджи	6
1.1. ВОЛЖСКИЙ ГОРОД: ОБРАЗ - ИМИДЖ - БРЕНД	7
Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Волга и Самара: образы разного времени	8
Бурлина Е.Я., Иливицкая Л.Г., Кузовенкова Ю.А. Глазами других и своих: о Волге, Самаре и волжском характере	18
Алексушин Г.В., Карлина А.А., Репинецкий А.И., Устина Н.А., Цлаф В.М. Историко-рефлексивный метод в стратегических разработках	22
Барабошина Н.В. Малый город в России: как сохранить горожан в городе	33
Браташова С.А. Одиссея раннего Саратова	40
Совместные проекты Самара – Дюссельдорф – Штутгарт – Бохум. К Году Германии в России 2012/13	50
Вохрышева М.Г. Творческое сотрудничество вузов (Самара – Штутгарт)	51
Голубинов Я.А. Образ волжского города: от краеведения к регионалистике	54
Денисов Д.В. Самара и волжские города в районе Самарской Луки с точки зрения мифологии пространства и “широтной” компаративистики	61
Долонько В.В. Музеи и фестивали актуального искусства в индустриальном российском городе	73
Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. Формирование эффективного имиджа Нижнего Новгорода как фактор развития его межрегиональных и международных экономических, научно-образовательных и культурных связей	78
Жоголева А.В. Самарские городские пространства эпохи становления постиндустриального общества	83
Завальный А.Н. Константин Карлович Грот	87

Завальный А.Н. Образы города и самосознание горожан. По страницам самарских газет и журналов	90
Иливицкая Л.Г. Безымянка: в поисках самоидентификации	95
Костина Н.В. «Островок» в городской цивилизации	100
Кривопалова Н.Ю. Особенности формирования нового имиджа Самары в первые послереволюционные годы	102
Кузовенкова Ю.А. Три образа Самары – три эпохи города	107
Лейбград С.М. Самара – родина слонов (беглые литературные заметки о городе литературных беглых)	110
Лысова Н.Ю. Волжский исторический город в отечественной живописи XIX – начала XXI в.	117
Лысова Н.Ю., Бокурадзе Д.С. Театральное пространство как содержательная грань городской среды	129
Орлова О.Н. Функции современного городского пейзажа на материалах Ярославля, Казани, Самары	135
Рафикова К.В. Музей как «место памяти» города	139
Римон Е.Я. На Волге широкой	146
Ростова А.В., Желнина Е.В. Отношение жителей моногорода к инновациям	149
Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации	157
Соломина И.Ю. Социальная память города: формы запоминания и забвения	163
Чернова В.А. Образы Самары в живописи «семидесятников»	168
I.II. ГОРОД МОЛОДЕЖИ И ВРЕМЯ МОЛОДЕЖИ В ГОРОДЕ	173
«Модерн», «пиво», «футбол» и «космос».	
Имиджевые проекты молодежи. Креативные группы и идентификация	174
Структура времени студентов в городе	177
«Музей Волги» в Самаре	187
I.III. 1992 – 2012: ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	191
Бурлина Е.Я., Голубинов Я.А. Самара: 1992 – 2012.	
Конференция «Мифы провинциальной культуры»	192
Самара, 2 мая 1992 г. Международный симпозиум «Мифы провинциальной культуры» (аналитический обзор)	199

CONTENT

Kotelnikov G.P. Dark blue – color of Volga and the sky	3
Schukin Yu.V. City in the city: space of the student	4
Kryukov N.N. The innovative work of Humanitarian Chairs	5
Kolsanov A.V. Scientific and technological platform: concept, reality and prospects	6
I.I. CITIES ON THE VOLGA	7
Burlina E.J., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A. The Volga and Samara: images of different time	8
Burlina E.J., Ilivitsky L.G., Kuzovenkova Y.A. Looking with eyes of the others and with your own ones: The Volga, Samara and the Volga character	18
Aleksushin G.V., Karlina A.A., Repinetsky A.I., Ustina N.A., Tslaf V.M. Historical-reflective method in strategy working out	22
Baraboshina N.V. Small town in Russia: how to keep the citizens in the city	33
Bratashova S.A. Odyssey of early Saratov	40
The joint projects Samara – Dusseldorf – Stuttgart – Bochum. For the Year of Germany in Russia 2012/13	50
Vokhrysheva M.G. Creative Cooperation of High Schools (Samara – Stuttgart)	51
Golubinov Y.A. Image of Volga city: from local history view to regional studies	54
Denissov D.V. Samara und die Wolgastadte rund um den Samara Wolgabogen: Mythologie des Raumes und “Breiten” –Vergleichsanalyse	61
Dolonko V.V. Museums and festivals of actual art in the industrial Russian city	73
Yefimova I.N., Makoveychuk A.V. Effective image formation of Nizhny Novgorod as the factor of development for its interregional and international economic, scientific and educational and cultural relations	78
Zhogoleva A.V. City spaces of Samara in the time of post-industrial society	83
Zavalny A.N. Konstantin Karlovitch Grot	87
Zavalny A.N. Images of the city and the identity of citizens. On pages of newspapers and magazines Samara	90

Ilivitsky L.G. Bezymyanka: in the search	95
Kostina N.V. «Island» in urban civilization	100
Krivopalova N.Y. Peculiarities of forming the new image of Samara city in the first post-evolution years	102
Kuzovenkova J.A. Three images of Samara – three epochs of the city	107
Leybgrad S.M. Samara – home of elephants (fluent literature notes about the city of literary fugitives)	110
Lysova N.Y. Historical City on Volga in the Russian Painting of the XIX – early XXI century	117
Lysova N.Y., Bokuradze D.S. Theatre space as meaningful fase of urban environment ..	129
Orlova O.N. Functions of the modern urban landscape on the materials of Yaroslavl, Kazan and Samara	135
Rafikova K.V. Museum als Erinnerungsort der Stadt	139
Rimon E.J. On wide Volga	146
Rostova A.V., Zhelnina E.V. The relation of inhabitants of monocities to innovations	149
Rutsinskaya I.I. The peculiarities of self-presentation of Volga cities in regional guidebooks of the second half of XIX – early XX centuries	157
Solomina I.Y. Social memory of city: the forms of memorization and forgetfulness	163
Chernoff V.A. Images of Samara in the painting «seventies»	168
I.II. YOUTH PROJECTS AVOUT VOLGA AND SAMARA	173
«Modern», «beer», «football» and «space». Image projects the youth.	
Creative group and identification	174
The structure of the time students	177
“The Museum of Volga” in Samara	187
I.III. 1992 - 2012: TWENTY YEARS LATER	191
Burlina E.J., Golubinov Y.A. Samara: 1992 – 2012. From the Conference	
“Myths of the provincial culture”	192
Samara, May 2, 1992. International Symposium “Myths of the provincial culture” (analytical review)	199

Научное издание

«Город и время»

В 2 томах. Том 1
тематический выпуск
2012 г.

Тираж экз. Заказ



Авторы проекта:

Е.Я. Бурлина, Л.Г. Иливицкая, Ю.А. Кузовенкова

Город и время

в 2 томах

Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г.

Издание, предпринятое в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города»



Предлагаемый читателю сборник **«Город и время»** является тематическим выпуском интернационального научного альманаха «Life sciences», который издают Самарский государственный медицинский университет и Институт Stadt-Land-Globalia в Дюссельдорфе. Альманах – подиум для обмена академическими идеями и практическим опытом. В Год Германии в России подобное совместное издание особенно актуально.

Прежние выпуски (2008 – 2011 гг.) были посвящены инновационным, биомедицинским проблемам и связям российских ученых-медиков с Дюссельдорфом, Эссеном, Ганновером и другими университетскими центрами. Альманах 2012 года рассматривает гуманитарные и имиджевые проблемы города. Альманах «Город и время» состоит из 2 томов.

В 1-м томе представлены работы российских и зарубежных авторов, посвященные образам волжских городов.

Во 2-м томе собраны статьи о городах России и мира. Они написаны университетскими учеными из российских регионов от Самары и Екатеринбурга до Владивостока и Ростова-на-Дону. Именитые авторы из Украины, Башкирии, Германии, Израиля, Франции, Швейцарии совместно со своими российскими коллегами обнаруживают общие подходы.

Большое значение имеет темп развития города – **хронотип**. Исследования показывают, что в современном мире есть «быстрые» и «медленные» города. Привлекательность «быстрых» городов особенно высока.

Authors of the project almanac **«City and time»** were Elena Burlina, Larissa Ilivizkaya, Julia Kuzovenkova. This almanach «City and time» is a thematic issue of international scientific Almanac «Life sciences», published by Samara State Medical University and the Institute «Stadt-Land-Globalia» in Düsseldorf. Almanac is a platform for exchange of academic ideas and practical experiences. In the year of «Germany in Russia» this publication is particularly up-to-date.

Earlier editions (2008 – 2011) were devoted to innovation, biomedical problems and cooperation between Russian medical scientists to Düsseldorf, Essen, Hanover and other university centers. Almanac «The city and time» consists of 2 volumes.

In the first volume presents the works of Russian and foreign authors, specially devoted to images of cities on the Volga.

In the second volume collects articles on Russian cities and the world. They are written by scientists from different Russian regions: from Samara to Yekaterinburg and from Vladivostok to Rostov-on-Don. The distinguished authors from Ukraine, Bashkiria, Germany, Israel, France, Switzerland, together with their Russian colleagues find common approaches.

Of great importance is the tempo of development of a city – **the chronotype**. Studies show that in the modern world there are «fast» and «slow» cities. Thereby the attractiveness of the «fast» cities is particularly high.